

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

№ 3 (54)

Июль — сентябрь 2017

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ
СОЦИОЛОГИЯ.
ЭКОНОМИКА. ПОЛИТИКА

Издается Тюменским индустриальным университетом с 2002 г.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77–39119
выдано 11 марта 2010 года Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Учредитель журнала
Тюменский индустриальный университет

Соучредители журнала
Институт социально-политических исследований РАН,
Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН,
Российский университет дружбы народов

Аккредитован международным агентством научных журналов «Cabell» (США)

Главный редактор
М. Л. Белоножко

Редакционная коллегия
Алексеенко А. Н., Барбаков О. М., Гаврилюк В. В., Генин В., Голенкова З. Т., Данилов А. Н.,
Докторов Б. З., Егоршин А. П., Енгоян А. П., Зборовский Г. Е., Звонников В. И., Ильиных С. А.,
Левашов В. К., Максимова С. Г., Мартынов М. Ю., Нарбут Н. П., Пленкина В. В., Рой О. М.,
Силин А. Н., Тараданов А. А., Хайруллина Н. Г. (зам. гл. редактора), Янчаркова Ю.

Редактор — А. С. Коленникова
Оператор электронной верстки, редактор — Н. В. Шуваева
Адрес редакции: 625000, Россия, г. Тюмень, ул. Киевская, 52, офис 314
Тел./факс: 8 (3452) 28–30–76, <http://www.sep-tsogu.ru>
E-mail: nursafa@inbox.ru

**Включен в перечень ВАК Министерства образования и науки РФ
ведущих рецензируемых научных журналов и изданий**

ISSN 1993–1824

© ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ
Социология. Экономика. Политика, 2017

MINISTRY OF RESEARCH AND SCIENCE OF THE RUSSIAN FEDERATION

№ 3 (54)

July — September 2017

NEWS FROM HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS

SOCIOLOGY. ECONOMICS. POLITICS

Published by Industrial University of Tyumen, Since 2002

Registration Certificate of SMI PI № FS 77-39119
Issued in March 11, 2010 the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Communications

Founder
Industrial University of Tyumen

Co-Founders
Institute of Social and Political Research of the Russian Academy of Sciences,
Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences,
Peoples' Friendship University of Russia

*Accredited by «Cabell», the international publishing directory of journals
for professors and researchers (U.S.A.)*

Editor-in-Chief
M. L. Belonozhko

Editorial Board
Alekseyenko A. N., Barbakov O. M., Gavriluck V. V., Genin V., Golenkova Z. T., Danilov A. N.,
Doctorov B. Z., Egorshin A. P., Engoyan A. P., Zborovsky G. E., Zvonnikov V. I., Iljinyh S. A.,
Levashov V. K., Maximova S. G., Martynov M. U., Narbut N. P., Plenkina V. V., Roy O. M.,
Silin A. N., Taradanov A. A., Khairullina N. G. (Deputy Editor-in-chief), Jančárková Ju.

Editor — A. S. Kolennikova
Computer design, editor — N. V. Shuvaeva
Address: 625000, Russia, Tyumen, Kievskaya St., 52, office 314
Telephone/Fax: 8 (3452) 28-30-76, <http://www.sep-tsogu.ru>
E-mail: nursafa@inbox.ru

**Included in the RF Ministry of Education and Science SAC List
of leading reviewed scientific journals and publications**

ISSN 1993-1824

© NEWS FROM HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS
Sociology. Economics. Politics, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

- Розанова Н. Н.**
**Идеальный государственный гражданский служащий:
изменение ожиданий населения в динамике 2014–2016 гг.** 7
- Эльдязева Н. А., Кованова Е. С.**
**Особенности современного положения сельской молодежи региона
и формирование молодежной политики
в контексте глобальных тенденций** 11

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

- Байдакова Н. В.**
**Формирование системы реабилитации и восстановительной
медицины в России** 16
- Лейман Т. И., Морозова Е. В.**
Проблема образовательной асимметрии в экономике России 21
- Махмудова М. М., Королева А. М.**
**Малая экономика в современных условиях хозяйствования:
анализ основных тенденций развития** 26
- Нуриджанов А. Э.**
**Опыт применения социальных технологий
скрытого воздействия на предприятиях
малого и среднего бизнеса Республики Башкортостан** 33

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ПРОЦЕССЫ

- Гокова О. В.**
**Модель молодежной пронаталистской политики
на региональном уровне** 36
- Ефанов А. А.**
**Эволюция стратегий репрезентации политического
образа Дональда Трампа на российском телевидении** 40

Кабеева Н. В., Толмачева С. В. О направлениях государственной политики по противодействию гендерной дискриминации в России	45
---	-----------

КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ

Гуськова Н. Д., Чаплюкова О. Б. Влияние организационной культуры на конкурентные преимущества студенчества	49
Мельник В. В. Новая индустриализация и конкурентоспособность молодежи	53
Ткачева Н. А., Фокина А. Б. Модель формирования профессионального потенциала студенческой молодежи	63
Толмачева С. В., Колтунова А. А. Проблемы восприятия социальной девиации среди молодежи	67
Тумакова С. Ю. Семья как фактор посттрудоустройственной адаптации российских пенсионеров	70
Шерегова В. А. Социальный портрет аудитории танцевального фитнеса в крупном городе	74

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Нусхаева Б. Б. Сельские дети Калмыкии: проблемы образования и досуга	79
Шаброва Н. В. Готовность студенчества к переходу к нелинейной модели высшего образования в Уральском макрорегионе	84
Рефераты	88

CONTENTS

MANAGEMENT PROCESSES

- Rozanova N. N.**
Ideal public civil servant: change of expectations of the population in dynamics of 2014–2016 7
- Eldyaeva N. A., Kovanova E. S.**
Peculiarities of current situation of the rural youth of the region and formation of youth policy in the context of global tendencies 11

ECONOMIC AND DEMOGRAPHIC PROCESSES

- Baidakova N. V.**
Formation of the system of rehabilitation and restorative medicine in Russia 16
- Leyman T. I., Morozova E. V.**
Problem of educational asymmetry in economy of Russia 21
- Makhmudova M. M., Koroleva A. M.**
Small economy in the contemporary economy: analysis of the main trends of development 26
- Nuridzhanov A. E.**
Experience of application of social technologies of latent impact on small and medium business enterprises of the Republic of Bashkortostan 33

POLITICAL AND LEGAL PROCESSES

- Gokova O. V.**
Model of the youth pro-natalist policy in the region 36
- Yefanov A. A.**
Evolution of representation strategies of the political image of Donald Trump on russian television 40

Kabeeva N. V., Tolmacheva S. V. On the directions of state policy on counteraction of gender discrimination in Russia	45
--	-----------

CULTURAL TRADITIONS AND INNOVATIONS

Guskova N. D., Chaplucowa O. B. Influence of organizational culture on students' competitive advantages	49
Melnik V. V. New industrialization and competitiveness of the youth	53
Tkacheva N. A., Fokina A. B. Model of forming the student youth' professional potential	63
Tolmacheva S. V., Koltunova A. A. Problems of the perception of social deviancy among youth	67
Tumakova S. Yu. Family as a factor of russian pensioners' postworking adaptation	70
Sheregova V. A. Social portrait of the dance fitness audience in a large city	74

PROBLEMS AND PROSPECTS OF SCIENCE AND EDUCATION DEVELOPMENT

Nuskhaeva B. B. Rural children of Kalmykia: problems of education and leisure	79
Shabrova N. V. The readiness of students to transition to non-linear model of higher education in the Ural macro-region	84
Abstracts	88

УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

MANAGEMENT PROCESSES

УДК 323.2

ИДЕАЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГРАЖДАНСКИЙ СЛУЖАЩИЙ: ИЗМЕНЕНИЕ ОЖИДАНИЙ НАСЕЛЕНИЯ В ДИНАМИКЕ 2014–2016 гг.¹

IDEAL PUBLIC CIVIL SERVANT: CHANGE OF EXPECTATIONS
OF THE POPULATION IN DYNAMICS OF 2014–2016

Н. Н. Розанова
N. N. Rozanova

Ключевые слова:

репутация; репутационный образ; государственный гражданский служащий; идеальный портрет; региональная власть; мнение населения

Key words:

reputation; reputation image; public civil servant; ideal portrait; regional authority; public opinion

Проблема формирования высокого уровня доверия к власти актуализирована задачами наращивания репутационного капитала власти как важнейшего ресурса построения партнерской модели взаимодействия «власть — общество». Формирование положительной репутации приобретает особую значимость на региональном уровне, где осуществляется наиболее тесное взаимодействие власти и населения, необходимы равноправный диалог и широкий общественный консенсус по основным вопросам развития региона, от чего напрямую зависит уровень жизни его населения. Благодаря наличию репутационного капитала региональная власть приобретает ряд существенных преимуществ, среди которых можно выделить поддержку населением государственной политики; гражданскую активность; участие в разработке и принятии значимых решений по вопросам регионального развития; потенциал партнерского взаимодействия с властью; повышенную устойчивость к кризисным явлениям благодаря высокому уровню доверия к власти и др.

Изучению политической репутации, актуальной для рассмотрения проблемы репутации власти, посвящен ряд работ отечественных авторов (Р. Р. Галлямов, З. Р. Мингазова [3], Е. В. Коган [5], А. Ю. Кошмаров [6], А. Ю. Трубецкой [11], Н. В. Устинова [12], И. Г. Харламов [13] и др.), предметом исследования становится репутационный капитал политических субъектов (И. С. Важенина [1], И. В. Варламова [2], Н. Е. Гранкин [4], А. Э. Рудакова, О. Е. Гришин [10], А. Ю. Кравчук, Е. С. Тихомирова [7] и др.). В то же время в поле зрения в основном попадают крупные политические субъекты, например государство, регион как носитель репутационного капитала, остаются малоизученными вопросы репутации применительно к разным субъектам власти, с учетом специфики конкретного политического пространства развития региона, что повышает практическую значимость проводимых исследований.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (РГНФ) в рамках научно-исследовательского проекта «Информационно-аналитическое продвижение реальной репутации региональной власти», проект № 16-03-00503 а.

Теоретическое и эмпирическое (социологическими методами) исследование репутации региональной власти на примере Смоленской области, проводимое нами с 2012 года в процессе реализации проектов Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), позволило определить и начать изучение концепта «репутация региональной власти» как идейно-смыслового содержания понятия «репутация региональной власти», которое отражает и интерпретирует субъективное представление о данном феномене в многообразии его сущностных характеристик и ассоциативных связей. На основе подхода З. Д. Поповой, И. А. Стернина [8] в содержании концепта было выделено три ключевых компонента: информационный, образный и интерпретационный. Информационный компонент концепта отражает сущность и содержание понятия, образный — раскрывается в персонифицированном репутационном образе, своего рода портрете власти, интерпретационный — включает оценку репутации, ее проблемное поле, потенциал и перспективы улучшения.

В рамках данной статьи остановимся на рассмотрении образного компонента — желаемого (идеального) репутационного образа региональной власти в лице государственных гражданских служащих Смоленской области — и проследим, как изменилось его содержание за 3 года — с января 2014 г. по декабрь 2016 г. (анкетные опросы жителей Смоленской области, январь 2014 г., декабрь 2016 г., по 305 респондентов; выборка многоступенчатая, гнездовая, квотированная по полу, возрасту, территории проживания; см. подробнее [9]). Был задан вопрос «Каким должен быть идеальный государственный гражданский служащий Смоленской области, госслужащий с хорошей репутацией?». Сначала представим идеальный репутационный образ госслужащего, сложившийся у населения в 2014 году (рис. 1).

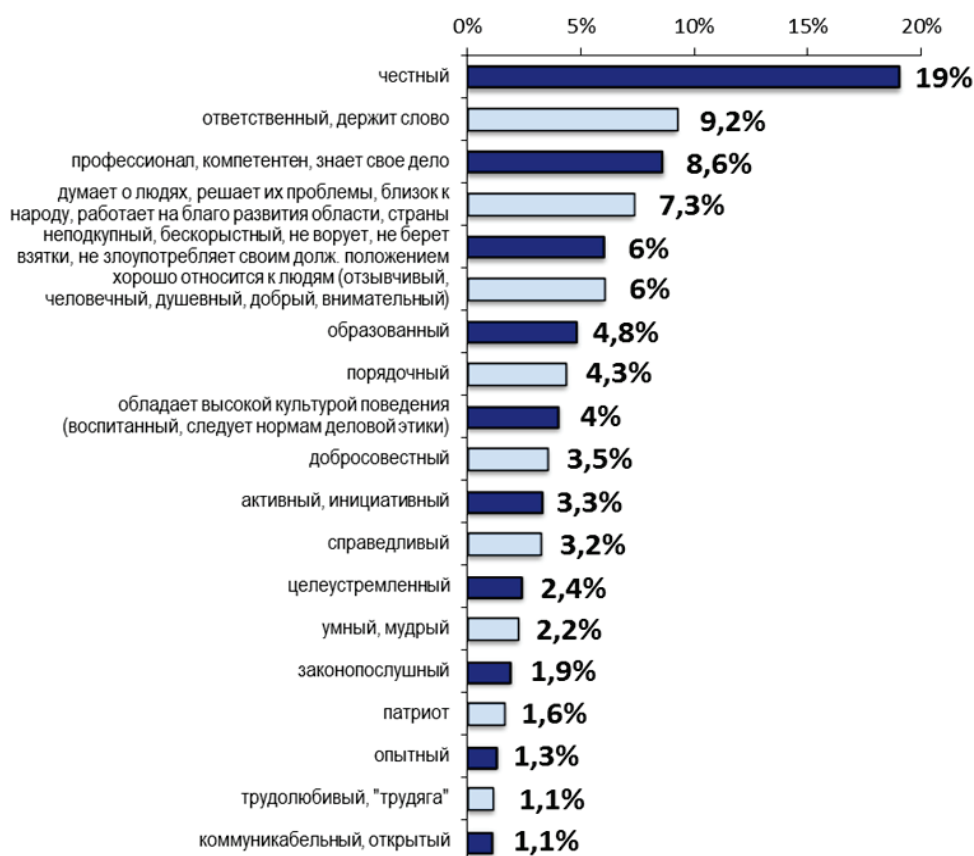


Рис. 1. Идеальный репутационный образ государственного гражданского служащего Смоленской области, мнение населения, 2014 год (в % от количества данных характеристик)

Также были выделены следующие личностные и деловые качества государственных гражданских служащих, не отраженные на диаграмме (около 1 % от всех ответов): уверенность в себе, амбициозность, харизма, чувство долга, правдивость, принципиальность, независимость, исполнительность, авторитетность, хорошая репутация, обратная связь с народом, наличие ораторских качеств, чувство юмора, стрессоустойчивость, подотчетность народу, любовь к своему делу, властность, щедрость. Некоторые из респондентов отметили в качестве требований «опрятный внешний вид, возрастные ограничения, наличие национальной (русский) и территориальной (смолянин) принадлежности». Кроме того, по мнению нескольких опрошенных, госслужащий должен иметь достойную заработную плату.

В целом мы видим, что репутационный образ государственного гражданского служащего отличается размытостью, мозаичностью, в силу того что подавляющее большинство ценностных характеристик в его содержании малозначительны, поскольку не набрали существенного процента (даже лидирующая характеристика — «честность» — названа только каждым пятым респондентом).

Теперь представим содержание репутационного образа в 2016 году (рис. 2). Заметим, что с целью выявления приоритетных ценностных характеристик, проверки целостности образа вопрос был конкретизирован: «Напишите, пожалуйста, в трех словах (сочетаниях слов), каким должен быть идеальный государственный гражданский служащий Смоленской области».

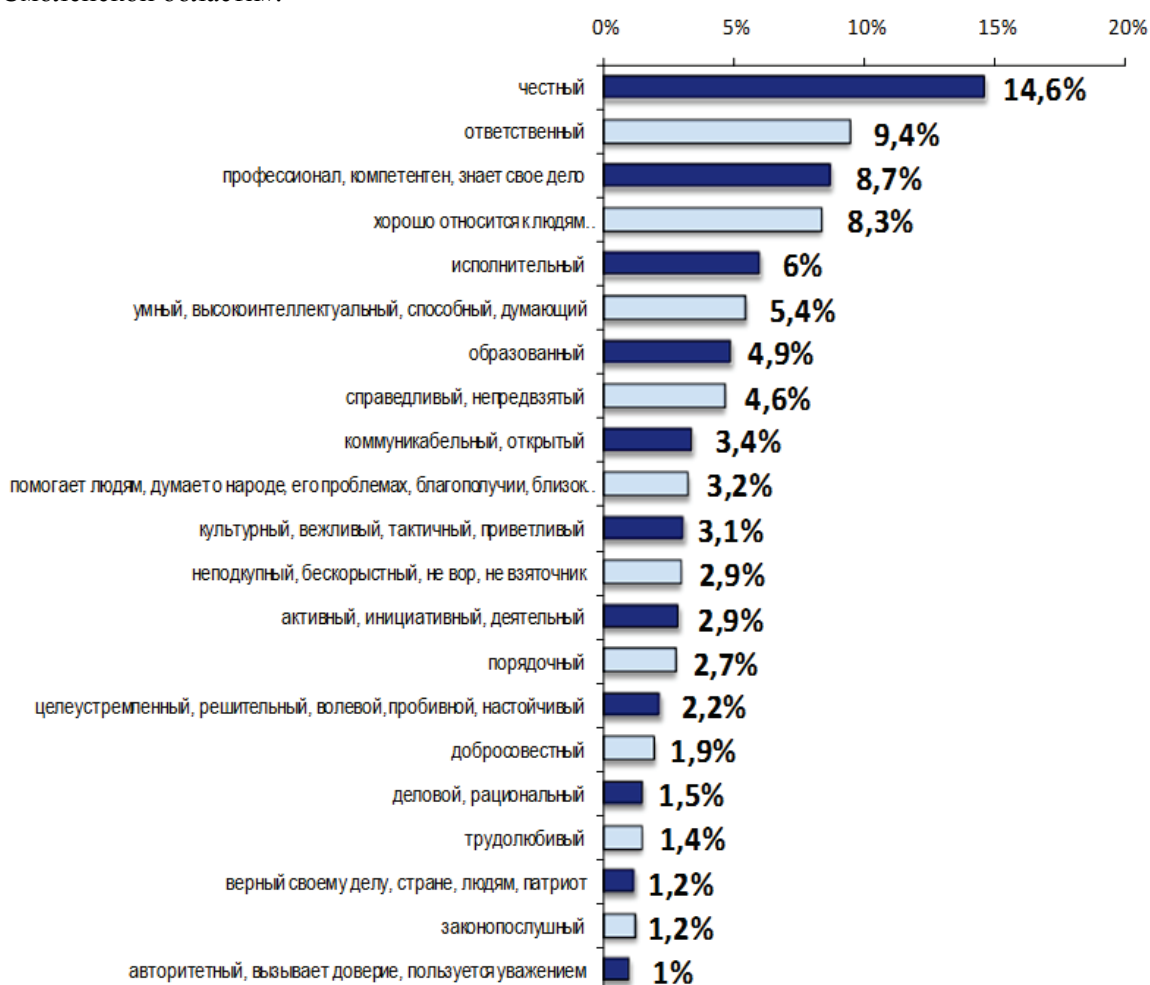


Рис. 2. Идеальный репутационный образ государственного гражданского служащего Смоленской области, мнение населения, 2016 год (в % от количества данных характеристик)

Характеристики, не представленные на диаграмме (набравшие менее 1 %): организованный, добросовестный, успешный, прошедший хорошую школу управления, практик, лидер, харизматичный, амбициозный, имеющий свое мнение, щедрый, благотворитель, расторопный, быстро реагирующий, принципиальный, непоколебимый, не бюрократ, правдивый, надежный, креативный, критичный, оптимист, пунктуальный, лояльный, согласованный, дипломатичный, последовательный, грамотно распределяющий бюджет области, хозяйственник, повышающий качество управления, не жалующийся на условия труда. Также госслужащий должен быть молодым, опрятным, из народа, и с достойной зарплатой.

Исходя из вышесказанного, определим ключевые тенденции в изменении содержания репутационного образа государственного гражданского служащего, сформированного у населения, в 2014–2016 гг.:

- сохраняется мозаичность репутационного образа, несмотря на целенаправленную попытку, предпринятую при исследовании 2016 года, ограничить данный образ тремя, самыми значимыми ценностными характеристиками;
- произошло некоторое смещение приоритетов: например, в 2016 году более важную роль, чем в 2014-м, начинает играть отзывчивость, и менее важную — неподкупность, однако изменения несущественные (3–5 %), появились характеристики, выраженные ярче: например, такое качество, как исполнительность, в 2014 году отметили менее 1 % респондентов, а в 2016-м — 6 %;
- в 2016 году портрет госслужащего становится насыщеннее за счет большего количества «красок» — ценностных характеристик, которые набрали более 1 %;
- содержание репутационного образа принципиально не изменилось, сохраняется лидерство трех первых характеристик, поэтому с точки зрения наиболее целостного образа можно сказать, что государственный гражданский служащий Смоленской области — это, прежде всего, честный и ответственный профессионал.

Таким образом, существенных изменений в ожиданиях населения не произошло, ценностный образ идеального госслужащего отличается стабильностью, и региональной власти при осуществлении государственной информационной политики необходимо учитывать его содержание для более целенаправленного формирования уже реального репутационного образа государственного гражданского служащего Смоленской области.

Библиографический список

1. Важенина И. С. Имидж, бренд и репутация как конкурентные преимущества региона // *Управленец*. – 2010. – № 5–6. – С. 4–10.
2. Варламова И. В. Имидж региона как репутационный капитал // *Вестник Чувашского университета*. – 2014. – № 1. – С. 167–172.
3. Галлямов Р. Р., Мингазова З. Р. Деловая репутация государственных и муниципальных служащих в контексте модернизации кадровой политики // *Вестник ВЭГУ*. – 2011. – № 5 (55). – С. 10–16.
4. Гранкин Н. Е. Политический имидж, репутационный капитал современной России: теоретико-концептуальные подходы // *Среднерусский вестник общественных наук*. – 2008. – № 1 (6). – С. 64–69.
5. Коган Е. В. Управление репутацией в региональном политическом процессе РФ: на примере Челябинской области: Автореф. дис. канд. полит. наук. – М., 2013. – 25 с.
6. Кошмаров А. Ю. Репутация политического лидера в социальных коммуникациях: дис. ... канд. психол. наук. – М., 2003. – 164 с.
7. Кравчук А. Ю., Тихомирова Е.С. Репутационный капитал региона: вопросы создания и оценки // *Ярославский педагогический вестник*. – 2010. – № 4, Т. I (Гуманитарные науки). – С. 112–115.

8. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ: «Восток-Запад», 2007. – 314 с.
9. Проект «Репутация региональной власти» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.smolvlst.ru>.
10. Рудакова А. Э., Гришин О. Е. Репутационный капитал государства: моногр. / Под ред. О. Е. Гришина. – М.: Издательство РГСУ, 2017. – 162 с.
11. Трубецкой А. Ю. Категория репутации в социально-политической коммуникации: Автореф. дис. д-ра психол. наук. – М., 2006. – 47 с.
12. Устинова Н. В. Политическая репутация: сущность, особенности, технологии формирования: Автореф. дис. канд. полит. наук. – Екатеринбург, 2005. – 18 с.
13. Харламов И. Г. Формирование репутации в политике и бизнесе: сравнительный анализ: Автореф. дис. канд. полит. наук. – М., 2009. – 21 с.

Сведения об авторе

Розанова Нина Николаевна, к. пед. н.,
доцент кафедры управления Факультета
экономики и управления, Смоленский государ-
ственный университет, тел. 89092570975,
e-mail: rozznina@yandex.ru

Information about the author

Rozanova N. N., Candidate of Pedagogy,
Associate Professor at the Department of
Management of the Faculty of Economics and
Management, Smolensk State University, phone:
89092570975, e-mail: rozznina@yandex.ru

УДК 31.311.313

**ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ СЕЛЬСКОЙ МОЛОДЕЖИ
РЕГИОНА И ФОРМИРОВАНИЕ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ
В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ**
PECULIARITIES OF CURRENT SITUATION OF THE RURAL YOUTH
OF THE REGION AND FORMATION OF YOUTH POLICY IN THE CONTEXT
OF GLOBAL TENDENCIES

Н. А. Эльдяева, Е. С. Кованова
N. A. Eldyaeva, E. S. Kovanova

Ключевые слова:

*сельская молодежь; молодежная политика;
информационная база; трудовая мобильность*

Key words:

*rural youth; youth policy; information base;
labor mobility*

Молодежь является одной из движущих сил формирования современного российского государства. В условиях становления информационного общества от молодежи будет зависеть способность общества к социокультурным изменениям, трансформациям и инновационному развитию. Одной из актуальных проблем государственной молодежной политики на современном этапе является отсутствие универсальной системы диагностики и комплексного социального мониторинга состояния молодежной сферы. В этой связи особую значимость приобретают задачи количественной оценки реализации государственной молодежной политики и ее результативности. В настоящий момент можно отметить полное отсутствие исследований по сельской молодежи. Для аграрной республики эта часть населения представляет большой научный и практический интерес.

Цель исследования — разработка предложений по совершенствованию информационной базы по оценке эффективности проводимой молодежной политики и корректировке управленческих решений и мероприятий на уровне аграрного региона.

Современное состояние общественного развития России характеризуется принятием государственной концепции о роли молодежи как одной из движущих сил формирования современного государства¹. Именно молодые люди в возрасте от 14 до 30 лет должны активно выступать в качестве субъекта преобразования современной России².

Происходит постоянное увеличение негативного влияния комплекса внешних и внутренних тенденций. Одним из этих факторов является мощное информационное воздействие деструктивного характера на молодежь. На фоне социальной и имущественной дифференциации конечными последствиями могут стать рост агрессии среди молодежи, снижение толерантности, а также всплеск социальной дестабилизации общества. Это очевидно просматривается на опыте западных стран [1–3, 7].

Нерешенные демографические проблемы прошлых лет и, как следствие, уменьшение числа молодого населения оказывают системное влияние на социально-экономическое развитие России, сказываются на депопуляции населения, сокращении рабочей силы, усилении пенсионной нагрузки и ослаблении национальной безопасности страны.

С возрастанием социально-экономической нагрузки на российскую молодежь более значимой становится необходимость корректировки государственной молодежной политики в сторону решения важной задачи обеспечения качественного роста человеческого капитала и, как следствие, повышения уровня жизни населения.

По мнению многих исследователей, от численности молодежи в возрастной структуре населения зависит возможность общества к изменениям, трансформациям и инновационному развитию [7]. Проблема не в абсолютных показателях демографических явлений, а в более глубинном соотношении, сочетании множества социальных, культурных, экономических, политических факторов. В данном случае очень важно обратить внимание на последствия влияния этих факторов. Если обществу необходимы коренные социокультурные трансформации, то снижение численности молодого населения не позволяет проводить эти изменения, а также резко уменьшает инновационный потенциал развития. В связи с этим чрезвычайно актуальной становится проблема роста инвестиций в молодое население.

В принятом распоряжении Правительства РФ от 29.11.2014 № 2403-р «Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» уделяется большое значение «определению и регулярной оптимизации перечня статистических, социологических и иных показателей положения молодежи и реализации государственной молодежной политики, а также обеспечению систематического сбора соответствующих данных».

По оценке Минобрнауки РФ, одной из актуальных проблем государственной молодежной политики (ГМП) на современном этапе является отсутствие универсальной системы диагностики и комплексного социального мониторинга состояния молодежной сферы [1]. В этой связи особую значимость приобретают задачи количественной оценки эффективности реализации государственной молодежной политики.

¹ Федеральный закон от 28.06.1995 № 98-ФЗ (ред. от 22.08.2004) «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

² Распоряжение Правительства РФ от 29.11.2014 № 2403-р «Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

Количественная оценка эффективности финансируемой государством молодежной политики должна основываться на данных статистики, которая является основным элементом информационной структуры общества. Вместе с тем в государственной статистике молодежи уделено недостаточное внимание.

В настоящее время информационная база статистики молодежи формируется на основе наблюдений, проводимых как государственной статистикой, так и ведомственной статистикой. К видам государственного статистического наблюдения относятся выборочные обследования населения по проблемам занятости, переписи и микропереписи населения, обобщающие статистические расчеты.

Информационная база ведомственной статистики по молодежи расплывлена по многочисленным министерствам и ведомствам социальной сферы, так как молодежное направление в деятельности как федеральных, так и региональных органов власти не является приоритетным [1, 4, 6].

Для Республики Калмыкия сельская молодежь представляет большой научный и практический интерес. Постоянное снижение численности молодежи может оказать негативное влияние на социально-экономическое развитие региона, привести к убыли населения и сокращению трудовых ресурсов (таблица).

*Динамика удельного веса молодежи в общей численности населения
Республики Калмыкия*

Год	Все население		Городское население		Сельское население	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
2012	28,3	25,6	29,1	25,2	27,7	25,9
2013	27,3	24,6	28,3	24,5	26,6	24,8
2014	26,3	23,6	27,4	23,6	25,5	23,7
2015	25,3	22,7	26,5	23,0	24,3	22,5
2016	24,3	21,8	25,5	22,0	23,4	21,6

Примечание. Рассчитано по данным Росстата [5].

В связи с недостаточной информационной базой по сельской молодежи было проведено выборочное обследование, которое представляет собой комплексную систему из логических и последовательных сложных статистических процедур, реализуемых на следующих этапах: проектирование выборочного обследования, наблюдение, обработка материалов выборочного наблюдения. В выборку вошли 1 830 домохозяйств, из которых 801 домохозяйство находится в городских поселениях и 1 029 — в сельских поселениях. Данная структура обследованных домохозяйств отображает сложившееся расселение населения республики [8].

Выборочное обследование показало высокую трудовую мобильность молодого сельского населения республики. Если в дореформенный период в регионе для этой части населения была характерна миграция внутри региона, то в последнее время преобладает межрегиональная миграция. Ее результатом является отток молодой рабочей силы из сельской местности. С учетом длительности кризиса в аграрной сфере региона очевидными становятся роль и значимость экономических факторов в проявлении масштабов миграции сельского населения.

Молодое сельское население более активно участвует в переселениях, чем городское. Это свидетельствует о слабой политике региональных органов управления агропромышленного комплекса в сфере расширения занятости молодого сельского населения. Активизация и рост объемов миграции молодых сельских жителей в город сказываются на дефиците сельскохозяйственных кадров.

Отток населения в молодом возрасте отражается на неблагоприятной демографической ситуации. В республике из-за массовой миграции сельской молодежи происходят ухудшение возрастной структуры населения, рост доли лиц старше трудоспособного возраста в общей численности населения и увеличение пенсионной нагрузки на население трудоспособного возраста.

Сельская молодежь активно перебирается в города. Стабильным миграционным притоком характеризовалась столица региона Элиста, что объясняется емкостью рынка труда и уровнем зарплаты. Большая часть выбывших из региона молодых трудовых мигрантов сконцентрирована лишь в нескольких секторах экономики: в строительстве, добыче и обработке полезных ископаемых и в других видах деятельности.

Важнейшей особенностью трудовой миграции молодого сельского населения из региона является его высокий образовательный уровень — 71,6 % трудовых мигрантов имеют высшее профессиональное образование.

Причины активного выбытия сельской молодежи таковы. Удельный вес молодых мигрантов, выехавших в поисках работы, составляет 20,7 %, доля мигрантов, уехавших в поисках творческой и интересной работы — 6,9 %. В качестве других причин смены места жительства были указаны «недостаточный уровень материального обеспечения» и «улучшение жилищных условий». Иными словами, экономические причины миграции указали 70,4 % выбывших трудовых мигрантов, следовательно, миграция молодого населения из региона носит исключительно трудовой характер.

Если учесть дополнительно, что 19,2 % молодых мигрантов указали в качестве причины миграции образовательный мотив, что отражает социально-экономическое неблагополучие региона.

Таким образом, выборочное обследование показало высокую трудовую мобильность молодого сельского населения Республики Калмыкия. Активная миграция молодых сельских жителей в город особенно пагубно сказывается на развитии аграрной экономики региона. Выбывание молодого поколения усугубляет сложную демографическую ситуацию.

Постоянное снижение численности сельской молодежи может оказать негативное влияние на социально-экономическое развитие региона, привести к убыли населения и сокращению трудовых ресурсов.

В настоящее время информационная база статистики молодежи формируется на основе следующих видов наблюдений: государственные статистические наблюдения, осуществляемые органами государственной статистики, и государственные статистические наблюдения, осуществляемые министерствами и ведомствами. В государственной статистике молодежи уделено недостаточное внимание. Ведомственная статистика по молодежи расплывчата по многочисленным министерствам и ведомствам.

Библиографический список

1. Государственная молодежная политика: российская и мировая практика реализации в обществе инновационного потенциала новых поколений: науч. моногр. / Под общ. ред. В. А. Лукова. — М.: Изд-во Московского гуманитарного ун-та, 2013. — 718 с.
2. Луков В. А. Концептуализация молодежи в XXI веке: новые идеи и подходы // Социологические исследования. — 2012. — № 2. — С. 5–16.
3. Плотников А. Д., Мацуев А. Н. Работающая молодежь — объект и субъект молодежной политики // Среднерусский вестник общественных наук. — 2014. — № 3. — С. 131–134.
4. Справка о состоянии молодежной политики в субъектах Российской Федерации в 2010 году / Департамент молодежной политики и общественных связей Минспорттуризма России (2011) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: mggush.ru/sites/default/files/spravka_o_gmp_za_2010_god.doc

5. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru>.
6. Федеральное агентство по делам молодежи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fadm.gov.ru>.
7. Хаан М. Европейская молодежная политика — на пользу молодым людям Австрии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.coe.int/t/dg4/youth/Source/Resources/Forum21/Issue_No9/N9_YP_Austri.
8. Эльдяева Н. А., Кованова Е. С. Внутренняя трудовая миграция населения: методологические проблемы статистического анализа // Актуальные статистические исследования социально-экономических явлений и процессов: науч. коллективная монография / О. А. Хохлова [и др.]. – Орел: Научное обозрение, 2015. – С. 126–137.

Сведения об авторах

Эльдяева Нина Александровна, д. э. н., профессор кафедры статистики, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, г. Москва, тел. 890606420689, e-mail: ninaeld@mail.ru

Кованова Екатерина Сергеевна, к. э. н., доцент кафедры экономической безопасности, учета и финансов, Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова, г. Элиста, тел. 89615458639, e-mail: ekovanova@yandex.ru

Information about the authors

Eldyaeva N. A., Doctor of Economics, Professor at the Department of Statistics, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, phone: 890606420689, e-mail: ninaeld@mail.ru

Kovanova E. S., Candidate of Economics, Associate Professor at the Department of Economic Security, Accounting and Finance, Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov, Elista, phone: 89615458639, e-mail: ekovanova@yandex.ru

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

ECONOMIC AND DEMOGRAPHIC PROCESSES

УДК 316.4

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ РЕАБИЛИТАЦИИ И ВОССТАНОВИТЕЛЬНОЙ МЕДИЦИНЫ В РОССИИ

FORMATION OF THE SYSTEM OF REHABILITATION AND RESTORATIVE MEDICINE IN RUSSIA

Н. В. Байдакова
N. V. Baidakova

Ключевые слова:

система реабилитации; система; реабилитационно-восстановительное обеспечение; реабилитационная медицина

Key words:

rehabilitation system; system; rehabilitation and restorative support; rehabilitation medicine

В настоящее время в России сложилась своя система организации медицинской помощи населению. Она обусловлена показателями здоровья, факторами риска заболеваемости и смертности населения, а также неблагоприятной демографической ситуацией. Развитие реабилитационной и восстановительной медицины на сегодняшний день актуально и носит положительный прогрессивный характер.

К сожалению, люди обращаются к врачу, когда заболевание в организме уже дает о себе знать. Согласно данным статистики, лишь 5–7 % населения могут считаться здоровыми, а 55–70 % имеют 1–2 заболевания в стадии ремиссии. Это свидетельствует, с одной стороны, о некачественной деятельности медицинских учреждений, с другой — о небрежном отношении граждан к своему здоровью. Приведем ряд причин [1]. Во-первых, в преморбидном состоянии организм может спокойно пребывать длительное время, не вызывая у человека беспокойства за свое здоровье и создавая ложное чувство необязательности медицинского обследования. Во-вторых, проходя ежегодные многочисленные обследования, медицинские осмотры, большой процент населения диагностирует у себя симптомы различных заболеваний на стадиях, не требующих лечения, но начинает чрезмерно увлекаться лекарственной терапией. Что, в свою очередь, приводит к нежелательным последствиям и результатам. В-третьих, медицинские учреждения страны не вполне приспособлены, в плане оснащения оборудованием, оказывать помощь людям с преморбидным состоянием или поддерживать еще практически здоровый организм, не допуская наступления преморбидного состояния.

Все вышеперечисленное приводит к необходимости разработки на государственном уровне программ, с помощью которых проводились бы профилактические меры оказания услуг населению. Тем более что в последние годы профессиональные заболевания набирают обороты, больше людей становятся социально зависимыми. Также часто проявляется синдром «хронической усталости», повысилось социально-экологическое переутомление [2].

Для профилактики обозначенных симптомов необходимо пересмотреть инфраструктуру учреждений медицины с усилением деятельности, направленной на формирование здорового образа жизни.

Учитывая данную проблему, государственная политика России в сфере системы здравоохранения отдает приоритетное значение направлениям реабилитации и восстановительной медицины, особенно в аспектах демографической проблемы, охраны материнства и здоровья детей. Создаваемые социальные программы находят активное применение, в частности в регионах.

В стране назрела высокая потребность в развитии системы профилактики заболеваний, требующая внедрения высокоэффективных медицинских технологий, связанных с реабилитационной и восстановительной медициной. Необходимость обоснована ростом активности заболеваний, связанных с негативным воздействием профессиональной деятельности: стрессогенные заболевания, дезадаптивные синдромы, социально-экологическое переутомление и т. д.

В данном случае актуальным является повышение резервных сил организма у лиц, чья деятельность связана с негативным воздействием факторов окружающей среды или непосредственно самой деятельности. Речь идет о высокотехнологичном процессе реабилитационно-восстановительного лечения, которое включает необходимость внедрения разнообразных видов и форм профилактики для эффективного оздоровления [6].

Надо отметить, что успешно справляется с данной задачей санаторно-курортная помощь, которая имеет в своем арсенале все необходимые инструменты преимущественно природного происхождения. Здесь следует отметить использование природных ресурсов, таких как минеральная вода, лечебная грязь, термальные источники.

Такой спектр медицинских услуг могут предложить специализированные санаторно-курортные учреждения с индивидуальной спецификой.

Основными методами реабилитации и восстановительного лечения являются немедикаментозные: диетотерапия, психотерапия, физиотерапия, лечебная физкультура.

Изначально реабилитация зародилась в недрах военной медицины, и, прежде всего, использовалась при протезировании ампутированных конечностей у раненых. С совершенствованием конструкции протезов росла необходимость и в обучении пользованию ими, и в физической тренировке пациентов. Также возникли хирургические методы реабилитации, способствующие более эффективному протезированию, начало которым положили костно-пластические операции Н. И. Пирогова.

Во время Первой мировой войны в России были сформированы современные принципы реабилитации в связи с лечением раненых. Развитие реабилитации началось в 20-е годы XX столетия, но особенно оно было стимулировано опытом лечения раненых во время Второй мировой войны. Исходя из статистических данных, в годы Великой Отечественной войны из общего числа раненых 70 % возвратились в строй, что явилось достижением реабилитационных служб, в которых все большее участие в этот период стали принимать терапевты [5].

В связи с положительным практическим опытом, показывающим высокую экономическую эффективность применения реабилитационных технологий, ситуация в стране, в частности в Уральском регионе, изменилась в сторону увеличения учреждений медицинского реабилитационного профиля, что способствовало более высокой подготовке медицинского персонала, пересмотру структуры и программ по оказанию реабилитационно-восстановительной помощи.

Большую роль сыграл опыт зарубежных аналогичных здравниц, где данные технологии уже давно применяются и имеют большой успех у пациентов из многих стран мира.

Стоит отметить, что особо эффективным является внедрение форм и методов реабилитации непосредственно после интенсивной терапии и в послеоперационный период. Данный опыт ведет к снижению временной нетрудоспособности и предотвращает разви-

тие инвалидности. Результат сказывается на положительном экономическом эффекте и дает возможность увеличивать объемы валового продукта в стране.

Восстановление здоровья населения — одна из важнейших задач государства. В настоящее время под направлением восстановительной медицины понимается система знаний и опыта (деятельности), которые направлены на подъем внутренних резервов организма, сниженных вследствие неблагоприятного воздействия окружающей среды, профессиональной деятельности, а также болезни, путем применения в основном немедикаментозных методов: психотерапии, физиотерапии, рефлексотерапии, лечебной физкультуры.

Если углубиться в историю, то корни данного направления уходят в традиции курортологии, физиотерапии и системы восстановительного лечения — медицинской реабилитации (И. М. Сеченов, Н. А. Семешко, В. А. Александров, Г. М. Данишевский, И. В. Давыдовский, И. А. Кассирский, Е. И. Чазов, Н. М. Амосов).

В России реабилитационная и восстановительная медицина как самостоятельное направление сформировалось в конце XX века, когда в Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова была основана первая в стране кафедра восстановительной медицины.

Не менее значимой задачей для государства является восстановление нарушенного здоровья. Согласно данным отечественных и зарубежных специалистов, в медицинской реабилитации нуждаются более 23 % всех больных в стационарах, более половины пациентов амбулаторно-поликлинических учреждений и более 90 % — в санаториях [1].

Своевременное назначение восстановительного лечения и эффективное его проведение ведут к снижению временной нетрудоспособности и во многих случаях предотвращают развитие инвалидности. В этом заключается позитивный экономический эффект самой реабилитации, значение которого трудно переоценить. Так, в настоящее время ущерб нашему государству по временной нетрудоспособности ежегодно составляет десятки процентов от ВВП. Восстановительная медицина и реабилитация являются двигателем формирования, сохранения, восстановления и укрепления здоровья людей, стимулируют продолжительность и качество жизни, улучшают демографическую ситуацию в стране [8].

На сегодняшний день восстановительная медицина имеет в своем арсенале широкий спектр средств и методов, среди которых преобладают фитотерапия, гомеопатические средства, биологически активные добавки (БАД), рефлексотерапия, физиотерапия, психотерапия и другие воздействия, а также применяются природные ресурсы (грязь, минеральная и термальная вода).

В настоящее время восстановительная медицина и реабилитация — узаконенные направления в медицине, своего рода новая философия системы охраны и укрепления здоровья. Социальные аспекты населения [3] этой философии можно выразить следующим образом:

- *В области политики.* При помощи разнообразных информационных источников и инструментов в обществе создается образ индивида, в сознании которого преобладают здоровые мотивы, потребности, традиции, привычки, здоровый эгоцентризм, родительская любовь. Формируются патриотический менталитет и сознание, в которых доминирует личная ответственность перед собой, семьей, государством. Ценность здоровья выходит на первый план интерпретируется как национальная черта.

- *В области экономики.* Суть экономической политики — ответственность работодателя и наемного работника за здоровье с объективной и субъективной точек зрения. Здоровый человек несет заряд положительной энергии, имеет высокую работоспособность, ориентируется на исполнение профессиональных обязанностей, достижение экономических целей и задач. Он поддерживает культуру образа жизни, соответствующую

требованиям профессии и способствует росту базы профессионального долголетия (более поздний выход на пенсию).

- *В области профилактической медицины.* Функция восстановительной медицины и реабилитации — воспроизводство здорового ресурса нации, увеличение профессионального долголетия, уменьшение количества больных в поликлинических учреждениях. Следовательно, в условиях рынка данное направление медицины приобретает статус производственной отрасли, и субъектом восстановительной медицины становится не больной, а здоровый человек [4].

Постановлением Правительства РФ от 15.04.2014 № 294 утверждена государственная программа «Развития здравоохранения», которая будет действовать до 2020 года. В программе все большее развитие получает восстановительная медицина, интегрирующая первичную и вторичную профилактику в виде двух основных направлений: сохранение и восстановление здоровья здоровых или практически здоровых людей, медицинская реабилитация больных и инвалидов. Восстановительная медицина введена в официальный перечень специальностей врачей, а в номенклатуру учреждений здравоохранения вошли центры восстановительной медицины и реабилитации, которые курируются Министерством здравоохранения и социального развития Российской Федерации.

Сквозь призму отечественного и зарубежного опыта организации реабилитационных центров отчетливо видна целесообразность интеграции потоков здоровых (практически здоровых) лиц и больных, которым необходима медицинская помощь для дальнейшего восстановления функциональных резервов организма.

В последние годы активизировалась работа по созданию в стране центров и отделений медицинской реабилитации и профилактики. Особое внимание следует уделить поиску оптимальных вариантов форм оздоровления в системе восстановительной медицины и реабилитации, а также профилактики. Экономически целесообразно разработать структуру службы восстановительной медицины за счет внутреннего потенциала, которая должна гармонично влиться в уже существующую систему здравоохранения и внести кардинально новые направления, развивая прежние формы и методы реабилитации. Вышеупомянутым требованиям соответствуют, например, врачебно-физкультурные диспансеры, которые за годы существования накопили огромный опыт работы по реабилитации и восстановлению населения разных возрастных групп. Отработанные технологии можно использовать как основу в реструктуризации реабилитационных и восстановительных центров.

Следует отметить занимаемое место и дальнейшие перспективы развития в современных условиях в системе реабилитационной и восстановительной медицины как физкультурных диспансеров, так и центров профилактики и реабилитации. Необходимо научно обосновать и оптимизировать подходы структур и разработать на данной основе методологию и принципы, определяющие специфику деятельности в условиях региона. Выявить наиболее приоритетные средства достижения максимального эффекта и использовать их для организации профилактики и реабилитации в многопрофильных центрах восстановительной медицины и реабилитации для оказания медицинской помощи как в амбулаторно-поликлинических условиях, так и на базе санаторно-курортных учреждений [7].

В Уральском федеральном округе уже много лет успешно работает ряд реабилитационно-восстановительных центров, которые нашли в рыночных условиях средства и возможности для реструктуризации и кардинального изменения условий, а также качества оказываемых услуг. Учитывая опыт прежних лет, они смогли интегрировать новейшие технологии в устоявшуюся организационную форму, тем самым принципиально изменив содержание приоритетных методов реабилитации и восстановления и профилактики заболеваний населения.

Таким образом, представляются актуальным и целесообразным дальнейшее изучение, научное обоснование и выработка стратегии развития службы реабилитации и восстановительной медицины.

Особо важно обобщение накопленного опыта медицинских учреждений в данном направлении, где необходимо учитывать следующие аспекты: улучшение качества медицинской помощи, повышение квалификации сотрудников, развитие материально-технической базы, повышение эффективности функционирования учреждений за счет реформирования организационно-функциональной структуры.

Для реализации вышеперечисленных задач в стране, в частности в Уральском регионе, сформировалась благоприятная среда, и существуют все предпосылки для дальнейшего развития восстановительной медицины как самостоятельного направления.

Библиографический список

1. Бакулина Ю. С. Современные проблемы состояния здоровья населения Российской Федерации // Проблемы управления здравоохранением. – 2014. – № 6. – С. 23–27.
 2. Восстановительная медицина: моногр. / Под ред. В. Д. Бицоева, С. Н. Гонтарева, А. А. Хадарцева. – Тула: Изд-во ТулГУ — Белгород: Белгородская областная типография, 2012. – 228 с.
 3. Краснова М., Белянская Е. Реабилитация после инсульта. – М., 2008. – 190 с.
 4. Крошнин С. М. Восстановление здоровья населения России — приоритетная проблема государственной социальной политики // Профилактика заболеваний и укрепление здоровья. – 2013. – № 4. – С. 3–9.
 5. Разумов А. Н., Бобровницкий И. П. Восстановительная медицина: 15 лет новейшей истории — этапы и направления развития // Вестник восстановительной медицины. – 2008. – № 3. – С. 7–13.
 6. Разумов А. Н., Бобровницкий И. П., Шакула А. В. Служба восстановительной медицины и ее роль в охране здоровья населения // Вестник восстановительной медицины. – 2003. – № 4. – С. 3–5.
 7. Разумов А. Н. Основы и пути формирования системы охраны здоровья человека в Российской Федерации // Актуальные вопросы восстановительной медицины. – 2004. – № 2. – С. 4–11.
 8. Реабилитация при заболеваниях сердечно-сосудистой системы / В. Ф. Казаков [и др.]; под ред. И. Н. Макаровой. – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2010. – 304 с.
-

Сведения об авторе

Байдакова Наталья Валериевна, начальник отдела маркетинга, ООО ЦВМР «Ахманка», прикрепленное лицо, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, тел. 89324782814, e-mail: tema200409@mail.ru

Information about the author

Baidakova N. V., Head of Marketing Department, LLC ASCMR «Akhmanka», Attached face, Industrial University of Tyumen, phone: 89324782814, e-mail: tema200409@mail.ru

УДК 331

**ПРОБЛЕМА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ АСИММЕТРИИ
В ЭКОНОМИКЕ РОССИИ**
PROBLEM OF EDUCATIONAL ASYMMETRY IN ECONOMY OF RUSSIA

Т. И. Лейман, Е. В. Морозова
T. I. Leyman, E. V. Morozova

Ключевые слова:

асимметрия доходов населения; образовательная асимметрия; рынок труда; уровень образования; человеческий капитал; теория обесценивания дипломов; теория потери статуса диплома; неблагоприятный отбор; заработная плата

Key words:

asymmetry of incomes of the population; educational asymmetry; the labour market; level of education; human capital; theory of devaluation of diplomas; the theory of loss of status of the diploma; adverse selection; wages

На современном этапе развития общества и экономики роль человеческого капитала постоянно возрастает. В условиях конкурентной борьбы, носящей сегодня глобальный характер, факторами, позволяющими обеспечить экономический рост, рост уровня жизни, безопасность страны, становятся человеческие ресурсы, их знания, опыт, творческие способности и система ценностей.

Объективно и закономерно, что на рынке труда с ростом уровня образования, квалификации, опыта работника должен увеличиваться и его доход. Однако на практике зачастую это оказывается не так, а именно, происходит нарушение прямой зависимости между уровнем образования и уровнем дохода, снижается уровень дохода лиц с высшим образованием по сравнению с другими группами [1].

Исследование неравенства доходов населения со стороны его форм позволяет заключить, что в современном хозяйстве неравенство проявляет себя в такой форме как асимметрия доходов. Асимметрия доходов населения — отклонение величины доходов от социально-приемлемого значения, формируемого на основе объективно-устраняемых причин с учетом уровня развития хозяйства. Источниками асимметрии доходов населения выступают, прежде всего, макроэкономические факторы: уровень развития хозяйства, характер происходящих трансформационных процессов, степень воздействия государства на распределительные отношения, система социального обеспечения, действующая в стране [3].

Последствием проявления такого неравенства (асимметрии доходов населения) является нарастание социально-экономических противоречий в обществе.

Остановимся на так называемой образовательной асимметрии подробнее. С точки зрения источников возникновения образовательной асимметрии можно выделить расхождение в уровнях оплаты работников разной степени подготовки (уровня образования) по разным отраслям, регионам, странам.

В экономической теории очень доступно и хорошо объясняются преимущества в занятости и заработках, которые дает человеку высшее образование, а именно, данные преимущества объясняются теорией человеческого капитала и теорией образовательных сигналов. Несмотря на это, теория обесценивания дипломов и теория потери статуса диплома демонстрируют ряд проблем выпускников высших учебных заведений, с которыми те сталкиваются при переходе непосредственно от учебы к работе.

Теория обесценивания дипломов и является предпосылкой образовательной асимметрии. Данный подход возник в конце 1970-х гг. для объяснения процесса обесценива-

ния дипломов, происходившего тогда в экономике. С ростом спроса на образование происходит снижение отдачи от инвестиций в образование, а также растет конкуренция среди различных социальных групп населения. В результате это приводит к расширению образования. Спрос на образование также растет в силу определенных ожиданий от него со стороны населения в виде больших доходов, престижности и социального статуса в обществе. Чтобы сохранить или улучшить свое положение, растущий спрос на образование предъявляют все. Следовательно, доходы начинают сокращаться, так как люди тратят больше времени и сил на образование, а не на участие в производстве. Ценность образования при этом не меняется, а ожидания растут. Все это в числе прочего затрудняет доступ к рабочим местам для людей менее образованных.

В результате расширения образования происходит снижение его ценности, и образование перестает подавать достоверные сигналы на рынке труда. Это может привести к ситуации неблагоприятного отбора, когда работодатель будет принимать на работу необязательно работника, обладающего всеми необходимыми компетенциями согласно уровню его образования, а работника, формально получившего диплом о высшем профессиональном образовании. Если же все-таки работодатель желает проверить компетентность и знания принимаемого на работу сотрудника, он должен нести большие издержки, что не всегда оправдано.

Явление потери статуса диплома вызвано нехваткой рабочих мест, носящей глобальный характер. Особенно в настоящее время не хватает рабочих мест для квалифицированных и высококвалифицированных сотрудников, что вынуждает молодых специалистов принимать одно из первых предложений о работе. В результате полученный диплом не соответствует занимаемой должности, или наличие диплома вообще не требуется. Для работодателя такое явление, несомненно, выгодно, так как благодаря безработице он имеет возможность платить меньшую заработную плату более образованным работникам. Таким образом, в условиях недостаточного количества рабочих мест молодые специалисты вынуждены сокращать свою резервную заработную плату и соглашаться на неквалифицированный труд. Это наиболее характерно для молодежи, а также для тех лиц, кто находится в каких-то стесненных или ограниченных условиях. Дополнительно в связи с условиями рынка труда увеличивается конкуренция по уровню образования, ухудшаются условия доступа к рабочим местам менее образованных людей. Согласно институциональной экономической теории, все это может привести к асимметрии информации и неблагоприятному отбору на рынке, а впоследствии и к разрушению рынка.

Анализ по показателям охвата населения образованием разного уровня свидетельствует, что по формальным признакам Россия сейчас является одной из самых высокообразованных стран в мире. Например, в 2010 году согласно переписи населения среди россиян в возрасте 25–64 лет вузовские дипломы были у каждого четвертого. Если суммировать к ним обладателей неоконченного высшего и среднего профессионального образования, то доля лиц с третичным образованием в стране составит около 63,5 %. По международным меркам это достаточно высокий или даже рекордно высокий результат. Одновременно с этим можно говорить о практически полном уходе с российского рынка труда лиц с низким уровнем образования, доля которых в 2010 году была чуть более 2 % [2].

Несмотря на это, наблюдается существенный разрыв между сравнительно невысоким уровнем ВВП на душу населения и высоким среднедушевым показателем образованности. Доля РФ в совокупном мировом ВВП по ППС составляла в 2013 году 3,0 %, при этом ее ВВП на душу населения был 27,5 % от уровня США, и Россия имела самую большую среднедушевую длительность обучения — 13 лет.

В современных условиях неправильного взаимодействия между системой образования в стране и рынком труда накопление человеческого капитала как дополнительного капитала не всегда транслируется в улучшение позиций на рынке труда

и приносит те преимущества, которые оно должно приносить в стабильной экономической и институциональной среде [3].

Образовательная асимметрия имеет несколько проявлений.

- Во-первых, в отличие от стран запада, где более высокое вознаграждение получают высокообразованные и квалифицированные работники науки, медицины, образования, сферы высоких технологий, в России эта часть работающих еще остается среди низкооплачиваемых [3].

Таблица 1

Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций по видам экономической деятельности в России (руб.)¹

Вид экономической деятельности	Год					
	2000	2009	2011	2012	2013	2014
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	985,1	9 619,2	12 464,0	14 129,4	15 724,0	17 723,7
Рыболовство, рыбоводство	2 845,6	22 913,5	25 939,9	29 201,4	32 437,3	37 061,9
Добыча полезных ископаемых	5 940,2	35 363,4	45 132,0	50 400,6	54 161,2	58 959,3
Обрабатывающие производства	2 365,2	16 583,1	21 780,8	24 511,7	27 044,5	29 510,5
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	3 156,5	21 554,2	26 965,5	29 437,1	32 230,5	34 807,9
Строительство	2 639,8	18 122,2	23 682,0	25 950,6	27 701,4	29 354,3
Оптовая и розничная торговля, ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	1 584,5	15 958,6	19 613,2	21 633,8	23 167,8	25 600,9
Гостиницы и рестораны	1 640,0	12 469,6	14 692,5	16 631,1	18 304,4	19 759,3
Транспорт и связь	3 220,2	22 400,5	28 608,5	31 444,1	34 575,7	37 010,5
Финансовая деятельность	5 232,2	42 372,9	55 788,9	58 999,2	63 333,0	68 564,5
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	2 456,7	22 609,7	28 239,3	30 925,8	33 846,3	37 559,3
Государственное управление и обеспечение военной безопасности, социальное страхование	2 712,1	23 960,0	27 755,5	35 701,4	40 448,7	42 659,1
Образование	1 240,2	13 293,6	15 809,1	18 995,3	23 457,9	25 861,7
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	1 333,3	14 819,5	17 544,5	20 640,7	24 438,6	27 068,4
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	1 548,0	15 070,0	18 200,3	20 984,5	24 739,9	27 876,4
Среднероссийский уровень по всей экономике	2 223,4	18 637,5	23 369,2	26 628,9	29 792,0	32 495,4

Согласно указу Президента РФ от 7 мая 2012 года № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики» в целях совершенствования государственной социальной политики задачами Правительства РФ являлись обеспечение доведения в 2012 году средней заработной платы педагогических работников образовательных учреждений общего образования до средней заработной платы в соответствующем

¹ Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru>.

щем регионе; обеспечение доведения к 2013 году средней заработной платы педагогических работников дошкольных образовательных учреждений до средней заработной платы в сфере общего образования в соответствующем регионе.²

Если посмотреть целевые индикаторы и достигнутые результаты повышения заработной платы работников бюджетной сферы, то окажется, что указ Президента РФ в этой части выполнен на 100 %. Если в 2011 году отношение среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников организаций в сфере образования к среднероссийскому уровню составляло 68 %, в 2014-м уже — 80 %, в сфере здравоохранения и предоставления социальных услуг — 75 и 83 % соответственно (табл. 1). Причем статистика не показывает, конечно, за счет чего и с помощью каких инструментов были достигнуты данные показатели в столь кратчайший срок.

- Во-вторых, согласно статистическим данным, заработная плата работников с высшим профессиональным образованием составляла в 2013 году 38 233 руб. (табл. 2) и была на 64 % выше заработной платы работников со средним (полным) общим и средним профессиональным образованием, на 60 % — работников с начальным профессиональным и на 77 % — работников, не имеющих среднего (полного) образования. Все эти данные вполне укладываются в границы «премий» за высшее образование, которые типичны для развитых стран, где они обычно варьируют в пределах 50–100 %.

Таблица 2

Средняя начисленная заработная плата работников по уровню образования в России (руб.)³

Работники	Год			
	2007	2009	2011	2013
Все работники	13 570	18 084	22 717	28 702
В том числе имеющие образование:				
Высшее профессиональное	17 799	24 366	29 927	38 233
Неполное высшее профессиональное	12 384	15 082	19 964	–
Среднее профессиональное	11 830	15 276	18 901	23 869
Начальное профессиональное	12 136	15 321	19 746	23 926
Среднее (полное) общее	11 787	14 780	18 538	22 886
Основное общее	9 992	12 343	15 970	21 622
Не имеют основного общего	8 997	10 793	14 545	19 850

Проводя анализ изменений во времени, мы можем увидеть, что за последнее десятилетие относительный выигрыш в заработках от среднего профессионального образования увеличился незначительно (на 4 %), тогда как выигрыш в заработках от высшего профессионального образования заметно возрос (на 17 %). Это еще раз подтверждает ситуацию растущего спроса на получение формального высшего образования и свидетельствует о проблеме низкой престижности и ценности среднего профессионального образования в России. В итоге на рынке труда возникает дисбаланс, и существуют одновременно свободные рабочие места и безработные, не соответствующие вакансиям по уровню образования и квалификации.

² Указ Президента РФ от 7 мая 2012 года № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_129344.

³ <http://www.gks.ru>

Перейдем от статистики к практике. Например, средняя заработная плата монтажника в городе Тюмени, согласно информации сайта «Зарплата.ру», составляет 39 417 руб., а экономиста — 28 857 руб. при общей средней начисленной заработной плате по югу Тюменской области в 33 827 руб. (январь 2016 года). При этом при поиске работы на должность экономиста в требованиях к кандидату обязательно присутствуют наличие высшего образования и опыт работы от 1 до 3 лет. В требованиях к работе монтажника разных специализаций работодатель ограничивается либо опытом работы от 1 до 3 лет, либо наличием средне-специального образования и опыта. Для того чтобы работать водителем такси вообще не нужны ни опыт, ни стаж, и это при средней заработной плате — 30 000 руб.⁴

Потребности рынка труда напрямую зависят от процессов, происходящих в социально-экономической жизни общества: глобальных — на мировом уровне, и локальных — на уровне местном. Например, с ростом популярности индустрии красоты значительно возросла потребность в парикмахерах, мастерах маникюра и фитнес-тренерах. Для работы в сфере предоставления услуг необязательно иметь высшее образование, да и оно не осуществляется в рамках данных специальностей. Поэтому очень часто здесь работают люди, имеющие диплом о высшем профессиональном образовании (например, экономическом, юридическом), который попросту обесценивается, так как найти работу в соответствии со специальностью очень сложно из-за отсутствия вакантных мест, либо уровень заработной платы в данной сфере на начальном этапе существенно ниже, а затраты труда выше, чем в сфере оказания услуг.

- В-третьих, в российских условиях люди с «избыточным» образованием существенно теряют в заработках. То есть, как правило, при прочих равных условиях работающие, у кого фактический уровень образования превышает требуемый, зарабатывают на 16 % меньше, чем те, у кого уровни образования совпадают. Получается, что «недостаточное» образование зачастую даже «вознаграждается» рынком труда [3].

- В-четвертых, если говорить об оценке использования специфического человеческого капитала, то проявляет себя устойчивая тенденция его недооценки. Работники с большим специальным стажем зарабатывают почти столько же, сколько и работники, только что устроившиеся на работу. Как показывают статистические данные, экономическая ценность специального стажа как была почти нулевой в середине прошлого десятилетия, так и остается почти нулевой в настоящее время [3]. Таким образом, отдача от вложений в специфический человеческий капитал в российских условиях является крайне низкой.

Подводя итог, стоит отметить, что в современной экономике все еще происходит отток кадров из интеллектуальной сферы в силу низких заработных плат. А ведь талантливый инженер или ученый способен создавать добавленную стоимость, в 3–4 раза превышающую уровень расходов на его оплату труда.

Библиографический список

1. Богданова В. П., Родионова С. Д. Социальное управление преодолением бедности в России // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2014. – № 3. – С. 7–9.
2. Капелюшников Р. И. Сколько стоит человеческий капитал России?: препринт WP3/2012/06 / Р. И. Капелюшников; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 76 с.
3. Лейман Т. И. Асимметрия доходов населения как форма неравенства в трансформационной экономике России: /дис. ... канд. экон. наук. – СПб., 2010. – 312 с.

⁴ Зарплата.ру [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tyumen.zarplata.ru>.

Сведения об авторах

Лейман Татьяна Ивановна, к. э. н., доцент кафедры экономической теории и прикладной экономики Финансово-экономического института, Тюменский государственный университет, тел. 8(3452)514951, e-mail: tany-s@list.ru

Морозова Елена Валерьевна, к. э. н., доцент кафедры маркетинга и муниципального управления Института менеджмента и бизнеса, Тюменский индустриальный университет, тел. 89129207944, e-mail: mev.123@rambler.ru

Information about the authors

Leyman T. I., Candidate of Economics, Associate Professor at the Department of Economic Theory and Applied Economics of the Financial and Economic Institute, Tyumen State University, phone: 83452514951, e-mail: tany-s@list.ru

Morozova E. V., Candidate of Economics, Associate Professor at the Department of Marketing and Municipal Management of the Institute of Management and Business, Industrial University of Tyumen, phone: 89129207944, e-mail: mev.123@rambler.ru

УДК 338.001

**МАЛАЯ ЭКОНОМИКА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ
ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ: АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ РАЗВИТИЯ**
SMALL ECONOMY IN THE CONTEMPORARY ECONOMY:
ANALYSIS OF THE MAIN TRENDS OF DEVELOPMENT

М. М. Махмудова, А. М. Королева
M. M. Makhmudova, A. M. Koroleva

Ключевые слова:

предпринимательство; малый бизнес; инвестиции малого сектора; структура малого предпринимательства

Key words:

entrepreneurship; small business; investment of small sectors; structure of small business

Ключевые функции малого предпринимательского сектора национальной экономики предопределены его присутствием на рынке труда [1], вкладом в развитие потребительского рынка товаров и услуг, ролью в качестве активного участника инвестиционных процессов [6] в экономике и налоговой системе страны [8].

Характерной особенностью современного этапа развития национального малого бизнеса является его циклический характер, обусловленный макроэкономической нестабильностью российской экономики в данный период [9] и серьезными трансформациями внешнеэкономических отношений. Так, за анализируемый период (2012–2016 гг.) в структуре народного хозяйства количество функционирующих предприятий малого предпринимательского сектора сократилось в 2013 году на 3,5 % относительно предшествующего периода и увеличилось уже в 2014-м. (рис. 1)¹, что позволяет предположить о своевременности и адекватности проводимых в стране мероприятий, направленных на поддержку предпринимательства и создание благоприятных условий для развития предпринимательских способностей в обществе.

¹ Российский статистический ежегодник: стат. сб. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_13/Main.htm.



Рис. 1. Динамика числа малых предприятий в российской экономике²

В российской экономике зафиксировано 172,8 тыс. предприятий сферы малого бизнеса, что отражает негативную ситуацию сокращения их числа относительно предшествующего 2015 года. Данная ситуация отчасти объясняется возникновением в национальной экономике тенденции укрупнения бизнеса. В сложных экономических условиях с целью выживания и снижения рисков банкротства малые предпринимательские структуры примыкают к предприятиям среднего и крупного бизнеса [2]. Однако большая часть малых предприятий в период девальвации национальной валюты, инфляционных процессов и высоких процентных ставок по кредитам все же ликвидирована.

Отраслевая структура национального малого бизнеса характеризуется заметной дифференциацией. Существенная концентрация предприятий малых предприятий наблюдается в традиционных сферах: торговля, бытовое обслуживание (33,5 % от совокупного количества малых предприятий), сфера недвижимости (более 16 %), строительный бизнес (около 12 %) (см. рис. 2).

Ключевые производственные сферы народного хозяйства, опирающиеся на большие инвестиции и предполагающие долговременный характер окупаемости вложенных средств, остаются непривлекательными или недоступными для отечественных предпринимателей.

Эффективно функционирующий малый бизнес занимает стабильные позиции на национальном рынке труда, удерживая устойчивую долю занятости населения (около 14 %) в общероссийском показателе. Динамика численности работников на предприятиях сферы малого бизнеса за анализируемый период описывается перманентным снижением. Так, в 2015 году на малых предприятиях осуществляли трудовую деятельность 6 216 тыс. чел., что на 5 % меньше количества занятых в 2012 году и на 2,2 % ниже уровня предшествующего периода.

Сокращение числа работников предприятий объясняется стремлением предпринимателей оптимизировать издержки в сложных экономических условиях. Многие предприятия в условиях снижения потребительского и инвестиционного спроса сократили расходы, связанные прежде всего с выплатой заработной платы, посредством сокращения численности работников. Тенденция к понижению количества работников на предприятиях малого предпринимательского сектора сохраняется.

² http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_13/Main.htm.

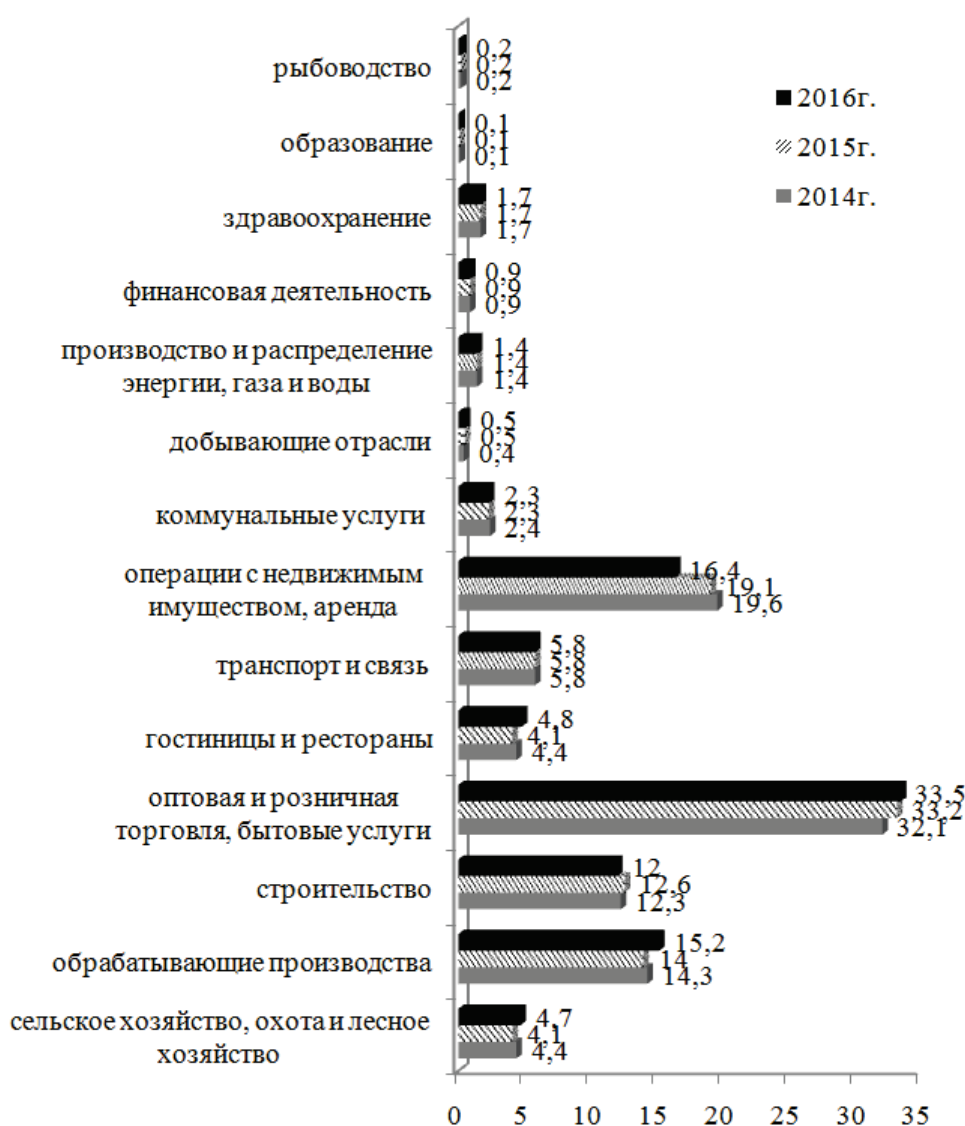


Рис. 2. *Отраслевая структура малого предпринимательского сектора в национальной экономике, % от общего числа малых предприятий*^{3 4}

Значительное число рабочих мест для россиян предоставляется малыми торговыми предприятиями и организациями бытового обслуживания, на долю которых приходится более 25 % от общего числа работников российского малого бизнеса (рис. 3). Более 1 271 тыс. человек занято на предприятиях сферы недвижимого имущества и аренды, что составляет более 20 % от общего числа работников малого предпринимательского сектора российской экономики.

Большое число специалистов привлечено на малые предприятия обрабатывающих отраслей (более 17 % от общего количества занятых в малом бизнесе), в строительные компании (более 13 %).

³ http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_13/Main.htm.

⁴ Малое и среднее предпринимательство в России: стат. сб. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_47/Main.htm.



Рис. 3. Отраслевое распределение численности работников малого предпринимательского сектора, % от общего числа работников российского малого бизнеса⁵

Расширение малого предпринимательского сектора в структуре национальной экономики в анализируемый период отражается в увеличении хозяйственного оборота малого бизнеса, наблюдаемом в этот период. Так, сформировавшаяся в 2013 году тенденция роста оборота в малом секторе, составляющая 3,7 % прироста относительно предшествующего периода, продолжается сохраняться на протяжении анализируемого периода.

Нестабильная экономическая конъюнктура в стране предопределила циклический характер динамики темпов роста величины оборота предпринимательских структур, однако положительный прирост не нарушался. В 2015 году обороты хозяйствования российского малого бизнеса составили 17 292,8 млрд руб., что на 3,5 % больше значения предшествующего 2014 года и на 14,4 % превысило уровень 2012 года. Таким образом, положительная динамика наращивания объемов хозяйственной деятельности сохраняется.

В отраслевом разрезе повышение деловой активности национального малого бизнеса сформировано преимущественно торговыми предприятиями, на долю которых приходится более 55 % совокупного хозяйственного оборота малого предпринимательского сектора. Более 11 % валового показателя создано организациями отечественной строительной индустрии, значительный вклад в формирование величины оборота вносят субъекты сферы недвижимости и лизинга.

Ориентируясь преимущественно на потребности региональных рынков, российские предприниматели активно участвуют в инвестиционной деятельности [7], вкладывая средства в новое строительство, расширение, реконструкцию и техническое переоснащение действующих предприятий, приобретение машин, оборудования, инструмента, инвентаря и прочих объектов.

Динамика инвестиционной деятельности малого предпринимательского сектора национальной экономики за анализируемый период описывается нестабильностью. Так, положительная тенденция роста величины инвестиций в основной капитал малых предприятий, сформировавшаяся в период 2012–2014 гг. (рис. 4), в условиях макроэкономической нестабильности 2015 года сменилась существенным падением показателя на 5 %

⁵ http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_47/Main.htm.

относительно предшествующего периода. Ухудшение финансового состояния малых предприятий, продолжающаяся девальвация национальной валюты, инфляционные процессы и снижение уровня жизни населения привели к перераспределению финансовых средств бизнеса от накопления к текущему потреблению. Однако высокая мобильность и способность малых предприятий приспосабливаться к новым условиям хозяйствования, а также проводимые в стране антикризисные мероприятия, направленные на поддержку малого и среднего бизнеса, стабилизировали положение российского малого предпринимательского сектора. За девять месяцев 2016 года национальные предприниматели инвестировали в основной капитал более 258 млрд руб., что на 5 % больше аналогичного периода предшествующего 2015 года.

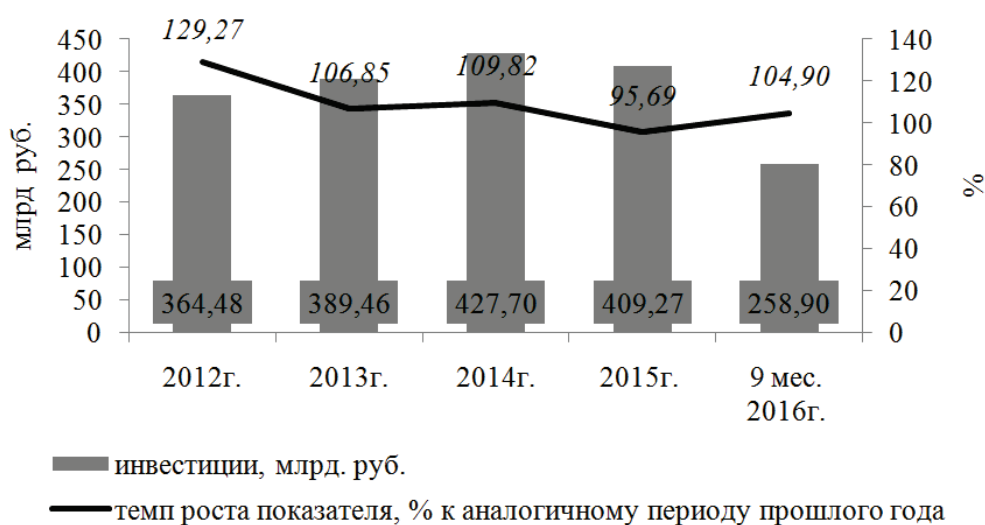


Рис. 4. Динамика инвестиционной активности малого предпринимательского сектора национальной экономики⁶

Развитие российского малого бизнеса характеризуется серьезной региональной дифференциацией [4]. Наибольшая концентрация малого предпринимательского сектора фиксируется в регионах Центрального федерального округа, где осуществляют хозяйственную деятельность около 30 % всей совокупности российских малых предприятий (рис. 5). Для этого же региона характерна и максимальная доля вклада в формирование хозяйственного оборота малого бизнеса (около 40 %). Однако наиболее активными участниками инвестиционных процессов в экономике являются предприниматели Приволжского федерального округа, располагающие лишь 16,5 % от общей величины оборота российского малого бизнеса.

Наименее развито предпринимательство в Северо-Кавказском регионе, на территории которого сосредоточено не более 2 % малых предприятий. В регионах Дальневосточного федерального округа функционируют немногочисленные малые предпринимательские структуры (4,6 % от общего числа малых предприятий российской экономики), формирующие лишь 5 % хозяйственного оборота и располагающие скромными инвестиционными возможностями.

Характеризуя роль малого бизнеса в экономике государства, необходимо отметить его существенное влияние на уровень и качество жизни населения [5]. В этой связи поддержка сегмента малого предпринимательства государством крайне важна, поскольку она

⁶ http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_47/Main.htm.

позволяет повысить благосостояние граждан, инициативность, самозанятость, а также наполнить бюджеты местного уровня [3].



Рис. 5. Региональная дифференциация показателей развития малого предпринимательства в России, доля в валовых показателях национального малого бизнеса, %⁷

Таким образом, российский малый бизнес характеризуется существенной региональной и отраслевой дифференциацией. Сокращение малого предпринимательского сектора в российской экономике, наблюдаемое в анализируемый период, сопровождается высвобождением рабочей силы, что увеличивает напряженность на региональных рынках труда и приводит к снижению потребительского спроса. Однако наращивание оборотов хозяйствования национального малого бизнеса в этот период и интенсификация инвестиционной активности позволяют предположить о повышении эффективного функционирования и высокого уровня развития малого бизнеса в современных условиях.

⁷ http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_47/Main.htm.

Библиографический список

1. Gompers P., Lerner, J. The Venture Capital Cycle. – 2nd ed. – Cambridge: MIT Press, – 2004. – P. 309.
2. Ефремова В. В., Махмудова М. М., Королева А. М. Социально-экономические трансформации региона в современных условиях: моногр. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2016. – 310 с.
3. Курушина Е. В., Дружинина И. В. Критерии, методы и процедуры типологизации регионов при управлении социально-экономическими процессами // Теория и практика общественного развития. – 2016. – № 5. – С. 48–50.
4. Махмудова М. М., Королева А. М. Анализ современного состояния малого предпринимательства в Тюменской области // Вестник Пермского университета. Серия: Экономика. – 2015. – № 1. – С. 69–78.
5. Makhmudova M. M., Koroleva A. M. Small entrepreneurial sector within the Russian economy: Analysis of modern tendencies. – Available at: <http://www.revistaespacios.com/a17v38n33/a17v38n33p04.pdf>.
6. Mills A. Ch., Thrasher E., Fischer E. Office of Entrepreneurial. – Available at: <http://www.infousa.ru/economy/sba.pdf>.
7. Рагулина Ю. В. Малое предпринимательство как субъект экономического развития // Экономика и предпринимательство. – 2014. – № 5 (1). – С. 633–635.
8. Rennie J. Small Business and the Future of Privacy in the. – Available at: <http://www.truste.com/blog/2013/02/06/small-business-and-the-future-of-privacy-in-the-eu>.
9. Симонов С. Г., Махмудова М. М., Королева А. М. Макроэкономическое регулирование циклического развития хозяйства: учеб. пособие для вузов. – Тюмень, 2016. – 235 с. _____

Сведения об авторах

Махмудова Мухаббат Мадиевна, к. пед. н., доцент кафедры экономики и организации производства, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, тел. 89129276858, e-mail: mushkam@inbox.ru

Королева Анна Михайловна, старший преподаватель кафедры экономики и организации производства, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, тел. 89323003300, e-mail: annalitik@mail.ru

Information about the authors

Makhmudova M. M., Candidate of Pedagogy, Associate Professor at the Department of Economics and Organization of Production, Industrial University of Tyumen, phone: 89129276858, e-mail: mushkam@inbox.ru

Koroleva A. M., Senior Lecturer at the Department of Economics and Organization of Production, Industrial University of Tyumen, phone: 89323003300, e-mail: annalitik@mail.ru

УДК 316.3(470.57)

ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ СКРЫТОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН
EXPERIENCE OF APPLICATION OF SOCIAL TECHNOLOGIES OF LATENT IMPACT ON SMALL AND MEDIUM BUSINESS ENTERPRISES OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN

А. Э. Нуриджанов
A. E. Nuridzhanov

Ключевые слова:

социальные технологии скрытого воздействия; социология управления; предприятия малого и среднего бизнеса; Республика Башкортостан; манипуляция

Key words:

social technologies of latent impact; management sociology; small and medium business enterprises; the Republic of Bashkortostan; manipulation

В Республике Башкортостан как субъекте Российской Федерации действуют примерно 129 тыс. субъектов малого и среднего предпринимательства. Проведенный среди 763 руководителей предприятий социологический опрос (2009–2016 гг.) выявил широкое применение не только технологий открытого управления, но и практик и технологий скрытого воздействия. Предприятия были отобраны на основе критериев, по которым бизнес-организации в Российской Федерации относят к субъектам малого и среднего предпринимательства¹.

Социальные технологии скрытого воздействия (это сравнительно новая категория в социологии управления) имеют различную природу. Ряд социальных технологий скрытого воздействия возникает спонтанно и не имеет собственно манипулятивной составляющей, тогда как остальные конструируются на манипулятивной основе. Например, ставшие после знаменитых хоторнских экспериментов (1924–1932 гг.) классическими управленческие решения (введение дополнительного перерыва в рабочее время, регулирование освещения на рабочем месте, рассадка людей в соответствии с их симпатиями и антипатиями) могут рассматриваться как скрытое воздействие, но не являются манипулятивными по своей природе.

Социальными технологиями скрытого воздействия следует признать те инструменты, применение которых опосредованно или не определено профессиональными обязанностями и должностными инструкциями на предприятиях, а характер их воздействия ориентирован на появление специфических реакций у объектов воздействия, которые по тем или иным причинам затруднительно или нельзя получить иным способом. В контексте предприятий малого и среднего бизнеса чаще всего речь идет о социальных технологиях скрытого воздействия, направленного на повышение лояльности руководства и работоспособности сотрудников.

Спецификация значения социальных технологий скрытого воздействия в системе знаний социологии управления требует рассмотрения ее как формы властных отношений, предполагающей ценностные и другие воздействия, направленные на формирование

¹ *Сплошное статистическое наблюдение малого бизнеса [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://bashstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/bashstat/ru/censusandresearching/researching/statisticresearching (дата обращения: 05.07.2017).*

представлений, убеждений, норм, обычаев, ритуалов сотрудников и коллектива, не всегда отвечающих их реальным интересам. Социальные технологии скрытого воздействия — это постоянно модернизирующиеся технологии манипулятивного и неманипулятивного действия, направленные на получение тиражируемой, предсказуемой реакции в виде формирования идеологием, ценностей, убеждений и норм, корректирующих поведение сотрудников в соответствии с интересами субъектов такого рода воздействия.

Процесс управления на предприятиях малого и среднего бизнеса обычно использует всех субъектов (индивидов), находящихся в подчинении, следствием чего становятся формализация отношений и вытеснение человеческого фактора на второй план либо полное его игнорирование. Ведущие представители школы человеческих отношений продемонстрировали ограничители аналогичного подхода, который, по сути, игнорирует важнейшие особенности персонала. Тем не менее в социологии управления не стоит недооценивать тот факт, что с помощью неформальной регуляции и манипулирования человеческий фактор так или иначе присутствует в управленческих отношениях.

Человеческий фактор возвращается в орбиту властных коммуникаций бизнес-организаций. Такая исследовательская платформа онтологизирует статус социальных технологий скрытого воздействия в системе управления предприятиями разного уровня. Эти технологии в структуре гуманистического, деятельностного, субъектного и ряда других подходов имеют маргинальное положение и, соответственно, изучаются недостаточно.

Следствием недооценки влияния таких факторов, как скрытое воздействие и манипуляция, явилась их интерпретация как формы патологических отношений. Так, с точки зрения К. А. Абульхановой-Славской, манипулятивные отношения требуют различных тактик и стратегий, так как «предполагают использование человека в целях, не совпадающих с его интересами... Умалчивание, сокрытие информации, лесть и т. д. есть средства обеднения, которые порождаются неподлинным характером общения» [1].

Управленческие отношения (организационный, поведенческий, социальный, физический и другие аспекты), осуществляющиеся в рамках существующей структуры должностных инструкций бизнес-организации, находятся во взаимозависимости с манипулятивными отношениями, частью которых являются технологии скрытого воздействия.

Технологии скрытого воздействия могут быть представлены как биопсихосоциальные технологии, создающие дополнительное, а зачастую избыточное напряжение, ведущее к эксплуатации персонала бизнес-организаций [2].

Исследование манипулятивных отношений в бизнес-организациях в Башкирии показывает, что более 81,2 % руководителей бизнес-организаций являются участниками такого рода отношений (в качестве субъекта или объекта, или и того и другого одновременно). В манипулятивных отношениях таким образом ярко выявляется диалектическое единство действий управляющего и управляемого.

Ключевые факторы, обуславливающие распространение социальных технологий скрытого воздействия на предприятиях различного уровня, по мнению опрошенных руководителей, следующие:

- стремление получить максимальную прибыль (40 %);
- дефицит культуры делового общения (40%);
- дискриминационное положение сотрудников (26,4 %);
- оценка манипуляции как нормальной практики управления (20 %).

35,7 % руководителей, использующих социальные технологии скрытого воздействия, сообщили, что нередко сталкиваются в процессе управления со случаями финансовой нечистоплотности своих сотрудников.

82 % опрошенных указали на проявление лжи в профессиональной коммуникации. Причем 66,7 % из них осуществляют осознанное скрытое управление персоналом, то есть являются руководителями-манипуляторами [2].

Показательно, что 45,9 % руководителей-манипуляторов пользуются услугами профессиональных консультантов. Рынок консультантов плохо регламентирован, поэтому говорить о том, что многие из них учитывают параметры социальной ответственности предпринимательской деятельности, не приходится. Можно считать, что консультанты побуждают руководителей бизнес-организаций к технологиям скрытого воздействия, транслируя в бизнес-среду различные манипулятивные технологии, удовлетворяя существующий социальный заказ и проактивно формируя новые желания руководителей интенсифицировать нагрузку на персонал.

Значительный сегмент руководителей бизнес-организаций, признавшихся в манипулировании персоналом, считают коррупцию нормальной практикой. Так, 23,2% респондентов, ответивших, что «без манипуляции нельзя», 16,4 % считают, что «коррупция, подарки чиновникам — это нормальная практика». А из 58 % респондентов, выбравших вариант ответа «манипулирую лишь в самых необходимых случаях», 6,3 % считают коррупцию «нормальной практикой».

подавляющее большинство руководителей предприятий малого и среднего бизнеса являются субъектами и объектами процессов скрытого воздействия. Социальные технологии скрытого воздействия инициируют контрманипуляцию, которую осуществляют сотрудники предприятий. В целом же проведенные исследования свидетельствуют о том, что руководители малых и средних предприятий допускают в качестве нормы применение подчиненными практик и технологий скрытого воздействия, но считают это вынужденной мерой. Руководители субъектов малого и среднего предпринимательства Башкирии полагают, что ими манипулируют несколько чаще (84,8 %), чем они (81,2 %).

Проведенный социологический опрос, а также сопутствующие ему экспертные интервью свидетельствуют о том, что руководители бизнес-организаций одинаково склонны применять скрытое управление вне зависимости от директивной или диалогической направленности профессиональной коммуникации. В случае с директивным стилем управления скрытое управление выступает важным, но дополняющим элементом формирования управленческих конфигураций, направленных на повышение управляемости и, как правило, имеющих еще большую дискриминацию персонала.

Таким образом, в условиях фактического невмешательства со стороны общественных институтов и государства, нивелировки общественных норм в среде предпринимателей интенсифицируются различные формы дискриминации. Изменить ситуацию способно развитое гражданское общество, предполагающее активную социальную критику, а также развитые профсоюзы, однако в современной России эти возможности заблокированы господствующим этатизмом и преобладающим среди населения подданническим типом политической культуры, что с неизменностью ведет к ослаблению защищенности трудовых отношений.

Библиографический список

1. Абульханова-Славская К. С. Деятельность и психология личности. – М.: Наука, 1980. – 335 с.
 2. Нуриджанов А. Э. О категории «технологии скрытого воздействия» в социологии управления // Социология. Журнал российской социологической ассоциации. – 2017. – № 2. – С. 159–163.
-

Сведения об авторе

Нуриджанов Арсен Эдвинович,
к. социол. н., член координационного совета
Института региональной экспертизы,
г. Москва, e-mail: anurid@mail.ru

Information about the author

Nuridzhanov A. E., Candidate of Sociology,
Member of the Coordination Council of the Institute of Regional Expertise, Moscow, e-mail:
anurid@mail.ru

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ПРОЦЕССЫ

POLITICAL AND LEGAL PROCESSES

УДК 314.15:332.14

МОДЕЛЬ МОЛОДЕЖНОЙ ПРОНАТАЛИСТСКОЙ ПОЛИТИКИ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

MODEL OF THE YOUTH PRO-NATALIST POLICY IN THE REGION

О. В. Гокова
O. V. Gokova

Ключевые слова:

пронаталистская политика; молодежь; модель молодежной пронаталистской политики; репродуктивное поведение молодежи; органы государственной власти

Key words:

pro-natalist policy; youth; the model of youth pro-natalist policy; reproductive behavior of youth; public authorities

В Российской Федерации, начиная с 2000 года, отмечается рост рождаемости. В 2015 году суммарный коэффициент рождаемости увеличился в 1,5 раза по сравнению с 2000 годом и составил 1,8 рождения на одну женщину [2]. Вместе с тем уровень рождаемости пока еще недостаточен для обеспечения простого воспроизводства населения¹.

Термин «пронаталистский» (лат. *pro* — за и *natalis* — рождение) означает направленность демографической политики на содействие повышению рождаемости путем создания финансовых и социальных стимулов для населения, например предоставления налоговых льгот для семей, имеющих несколько детей [1, 8]. На основе проанализированного опыта проведения государственными органами власти данной политики в некоторых странах мира, рассмотрев ее виды и формы, опираясь на историю возникновения и развития, мы можем уточнить само понятие пронаталистской политики в контексте политической социологии. Под пронаталистской политикой, по нашему мнению, понимается направление популяционистской демографической политики, представляющей собой совокупность мероприятий, реализуемых органами государственной власти и направленных на увеличение численности населения, уменьшение естественной убыли населения посредством увеличения рождаемости [6].

В рамках данного исследования под моделью понимается образец системы, который способен воспроизвести ее структурные свойства, это процедура, возникающая на практике в условиях дефицита времени (для отслеживания динамики социальных процессов), многовариантных сценариев протекания социальных процессов, многокритериальности оценок социальной ситуации [9].

Модель молодежной пронаталистской политики отражает системно-кибернетический принцип субъекто-субъектных взаимосвязей административного (орга-

¹ Суммарный коэффициент рождаемости. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 07.08.2016).

ны государственной власти) и общественного (общественные организации, СМИ, молодежь) уровней. Модель молодежной пронаталистской политики построена на основе методологии Дж. Форрестера, наиболее полно отражающей сложные управленческие взаимосвязи и характер обратных реакций субъектов управления [10].

Проблемы демографического развития региона в сфере пронатализма находят отклик со стороны органов государственной власти субъекта РФ и научного сообщества (рисунок).

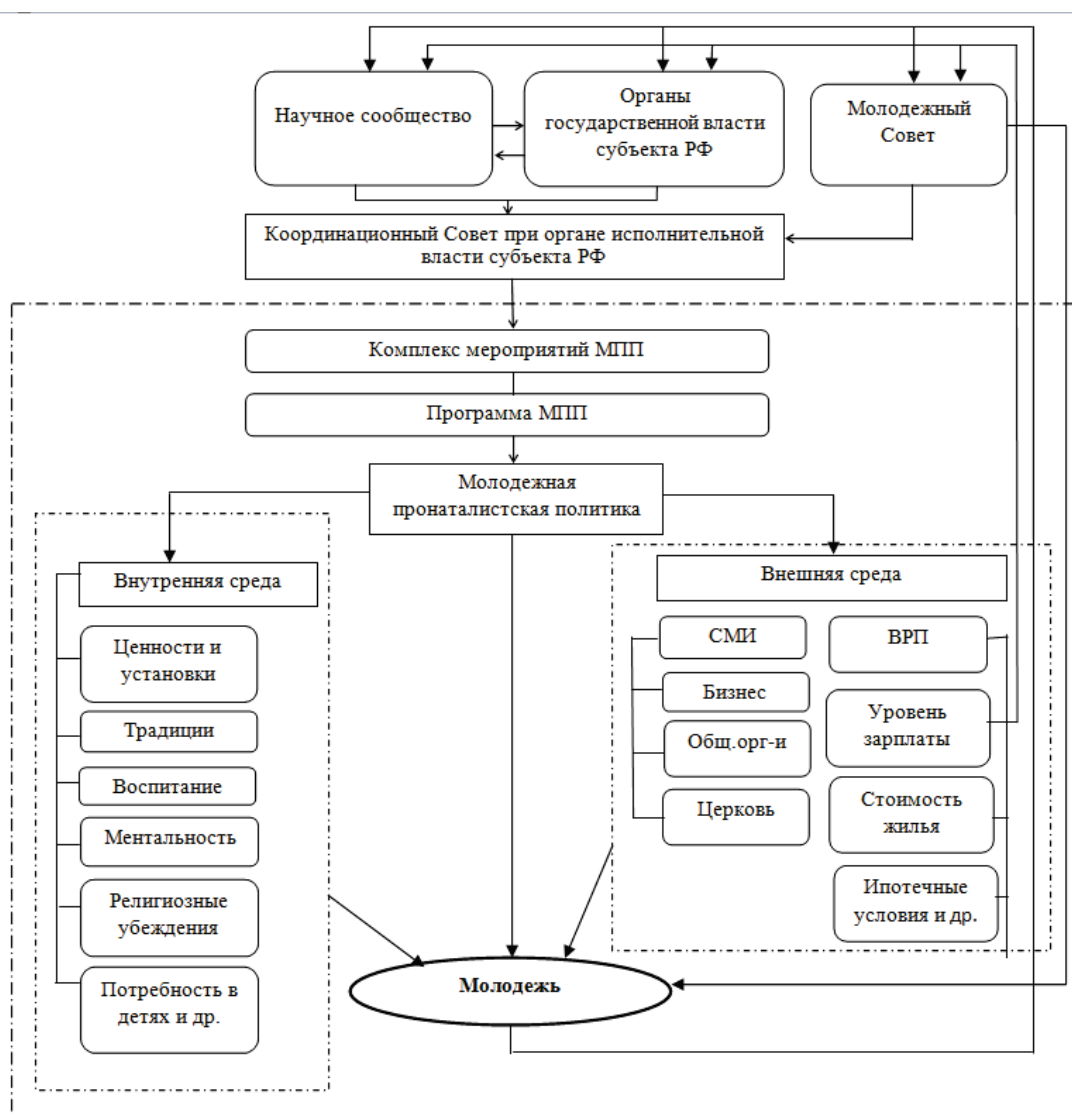


Рисунок. Модель молодежной пронаталистской политики

На первом этапе разработки модели молодежной пронаталистской политики при органе исполнительной власти субъекта РФ, курирующем вопросы демографического развития региона, создается специальный орган — Координационный совет по реализации молодежной пронаталистской политики органа исполнительной власти субъекта РФ. Этот совет разрабатывает комплекс мероприятий молодежной пронаталистской политики и Программу молодежной пронаталистской политики, которые доводит до сведения всех субъектов молодежной пронаталистской политики — молодежных общественных орга-

низаций, СМИ, бизнес-сообщества, религиозных организаций и других заинтересованных лиц.

Координационный совет является постоянно действующим коллегиальным совещательным органом по формированию и проведению региональной молодежной пронаталистской политики в области повышения рождаемости, укрепления института семьи и брака, реализации основных направлений, программ, планов и мероприятий в сфере пронаталистской политики в субъекте РФ. Он создается для обеспечения согласованных действий государственных органов субъекта РФ, органов местного самоуправления, предприятий, организаций, учреждений, общественных объединений, молодежных организаций и граждан в решении задач пронаталистской политики.

Данный вспомогательный орган не будет дублировать функции других органов государственной власти субъекта РФ, поскольку именно ему будут переданы полномочия по разработке и реализации комплекса мероприятий молодежной пронаталистской политики в регионе.

Кроме того, для развития общественной составляющей молодежной пронаталистской политики, эффективного вовлечения молодежи в ее реализацию, формирования активной гражданской позиции молодого человека необходимо создание Молодежного совета. Он будет являться совещательным и консультативным органом при губернаторе субъекта РФ и создается для предварительного рассмотрения вопросов, касающихся молодежной и молодежной пронаталистской политики, а также в целях подготовки рекомендаций по реализации политики государства и региона в отношении молодежи.

Необходимо отметить, что подобная практика создания Молодежных советов при органах государственной власти субъектов или при главах администрации субъектов РФ существует в некоторых субъектах РФ (Молодежный совет по защите прав человека Архангельской области, Молодежный Совет при главе администрации (губернаторе) Краснодарского края, Молодежный совет Саратовской области, Молодежный совет при Губернаторе Пензенской области, Совет молодежных организаций Республики Татарстан и др.).

На основании созданной модели предлагается механизм ее реализации в виде Программы реализации молодежной пронаталистской политики. Структурно Программа состоит из нескольких взаимосвязанных частей:

- характеристика демографической ситуации конкретного региона;
- обоснование целей молодежной пронаталистской политики, определение основных направлений стратегии развития;
- составление комплекса мер проведения молодежной пронаталистской политики [3, 6].

Комплекс мер российской молодежной пронаталистской политики для регионального уровня включает в себя следующие направления:

- изменение условий предоставления декретных отпусков:
 - а) декретный отпуск продолжительностью четыре месяца с сохранением рабочего места и 100 % заработной платы;
 - б) декретный отпуск, разделенный между обоими молодым родителями — часть отпуска берет мама (3,5 месяца), затем она выходит на работу, а вторую часть отпуска берет папа (до 3,5 месяцев) — с сохранением рабочих мест и 100 % заработной платы;
- развитие вариативной системы ухода за детьми до 3 лет и поддержки занятости молодых женщин;
- создание культуры «work-life balance» (поддержание баланса между работой и личной жизнью);
- постепенное создание поддерживающей среды;
- развитие системы льготного ипотечного кредитования молодых семей;
- информирование и просвещение по вопросам сексуального и репродуктивного здоровья и прав молодежи; введение льгот для лиц, вступающих в брак (например, еди-

новременная денежная выплата при заключении брака, льготная ставка налогообложения доходов физических лиц, льготы со стороны работодателя для семейных работников, в том числе с детьми) [7, 8].

Все субъекты молодежной пронаталистской политики взаимосвязаны, образуют единый целостный комплекс взаимодействий и задействованы в механизме реализации молодежной пронаталистской политики, который включает следующие специфические элементы (субъекты и их полномочия, пространственно-временные связи) и этапы:

1) на первом этапе органами государственной власти субъекта РФ инициируется запрос научному сообществу о проведении комплексного анализа демографической ситуации в регионе;

- на основе выявленных тенденций и выделенных приоритетов демографического развития принимается решение о создании вспомогательного органа по реализации молодежной пронаталистской политики в субъекте РФ — Координационного совета при органе исполнительной власти субъекта РФ;

- Координационный совет разрабатывает на основе рекомендаций научного сообщества и органов исполнительной власти субъекта РФ комплекс мер и Программу молодежной пронаталистской политики;

2) на втором этапе осуществляется реализация данной Программы посредством координации и взаимодействия с Молодежным советом, со всеми заинтересованными субъектами молодежной пронаталистской политики (молодежью, бизнес-сообществом, религиозными и общественными организациями) через информационные потоки — конференции, форумы, социологические опросы, анализ статистических данных;

- на основе данных обратной связи, полученных от молодежи, представителей бизнеса, религиозных и общественных организаций Координационный Совет осуществляет планирование и прогнозирование показателей демографического развития;

3) на следующем этапе Координационный совет формирует мониторинг текущей ситуации на основе разработанной системы показателей;

4) на заключительном этапе реализации молодежной пронаталистской политики результаты мониторинга анализируются экспертами и научным сообществом, а также Молодежным советом при губернаторе субъекта РФ, и принимаются решения о продолжении реализации предложенного комплекса мер либо о его корректировке.

Важно подчеркнуть, что к основным характерным признакам молодежной пронаталистской политики должны относиться согласованность и последовательность — большинство специалистов сходятся на том, что если считать французские меры успешными, то именно потому, что они последовательно реализовывались на протяжении нескольких десятилетий [2, 4].

Таким образом, данные меры должны вытекать из реального контекста, то есть сочетание политических инструментов должно отражать специфические условия и обстоятельства конкретного региона. Без сомнения, они не должны быть принудительными, должны уважать личные права людей и быть финансово рентабельными, то есть обоснованными долговременным бюджетом региона, поскольку связать себя обязательствами, не имеющими финансовой устойчивости, означает ставить под угрозу экономический рост и способствовать дальнейшему ухудшению демографической ситуации в регионе.

Библиографический список

1. Авдеева М. А. История семейной политики во Франции. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://istina.msu.ru/media/publications/articles/102/c59/5242483/odemos-avdeeva.pdf> (дата обращения: 04.11.2015).

2. Bichot J. Histoire et évolution de la politique familiale en France. – Available at: <http://www.uniondesfamilles.org/histoire-politique-familiale-france> (assessed 04.08.2015).

3. Bongaarts J. Modeling the fertility impact of the proximate determinants: Time for a tune-up // Demographic Research. – 2015. – № 33 (19). – P. 535–560.
4. Gautier A. Politiques démographiques et liberté reproductive (Université de Paris X). – Available at: http://horizon.documentation.ird.fr/exl-doc/pleins_textes/divers07/010023373.pdf (assessed 12.05.2015).
5. Гокова О. В. Киселева А. М. Вопросы управления демографическим развитием в РФ, Франции и Германии: сравнительное исследование репродуктивных установок и отношения молодежи к институту брака // Вопросы управления. – 2016. – Выпуск № 2 (20) – С. 68–76.
6. Gokova O. V., Kiseleva A. M. Comparative social and economic study of youth pro-natalist policy in the regions of Germany, France and Russia // Экономика региона. – 2017. – № 13(2) – С. 537–549.
7. Гокова О. В. Сравнительный социально-экономический анализ проведения молодежной пронаталистской политики в Германии и Франции // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». – 2016. – № 2 – С. 135–145.
8. Gokova O. Youth Pro-natalist Policies: Social and Economic Aspects (Case Study some Regions of Russia, France and Germany) // European Journal of Natural History, 2016. – № 1. – P. 52–55.
9. Татарова Г. Г. Математическое моделирование социальных процессов в социологическом образовании // Социологические исследования. – 2001. – № 8. – С. 129–134.
10. Форрестер Дж. Мировая динамика. – М.: Наука, 1978. – 168 с.

Сведения об авторе

Гокова Ольга Владимировна, старший преподаватель кафедры региональной экономики и управления территориями, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, тел. 89050963741, e-mail: capri484@yandex.ru

Information about the author

Gokova O. V., Senior Lecturer at the Department of Regional Economy and Management of Territories, Omsk State University named after F. M. Dostoevsky, phone: 89050963741, e-mail: capri484@yandex.ru

УДК 316.77

ЭВОЛЮЦИЯ СТРАТЕГИЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ОБРАЗА ДОНАЛЬДА ТРАМПА НА РОССИЙСКОМ ТЕЛЕВИДЕНИИ
EVOLUTION OF REPRESENTATION STRATEGIES OF THE POLITICAL IMAGE OF DONALD TRUMP ON RUSSIAN TELEVISION

А. А. Ефанов

A. A. Yefanov

Ключевые слова:

Дональд Трамп; СМИ; телевидение; стратегии; политический образ; США; Российская Федерация

Key words:

Donald Trump; media; television; strategies; political image; USA; the Russian Federation

Рубеж 2016–2017 гг. запомнится как время резкой смены коммуникационных парадигм. Прежде всего это связано с переориентацией стратегий медиаконтролеров. Если на протяжении 2014 года телезрители наблюдали за событиями в Украине, в 2015 году в повестке дня также появились Сирия и борьба с ИГИЛ (запрещенной в России террористи-

ческой организацией), то к концу 2016 года темой № 1 всех информационных программ и политических шоу стала предвыборная гонка в США.

Данный тезис подтверждают результаты серии авторских онлайн-опросов «Панические социальные настроения и телевидение» (n = 400) в социальной сети «ВКонтакте». Если в декабре 2014 года при ответе на вопрос «Телевизионные новости на какую тему вызывают у вас наибольшую обеспокоенность и тревожность?». 69 % респондентов называли «Российско-украинский конфликт», то в декабре 2016 года — 21 %. И напротив, несмотря на то что напряженность в отношениях со странами Запада и Европы наблюдалась и три года назад, в 2014 году данной проблемой были обеспокоены лишь 18 % опрошенных, а к концу 2016 года их количество возросло до 39 %.

Подобные установки можно объяснить, исходя из потребностей общества в защите (сохранении мира как гаранта социальной стабильности), отчетливо проявляющихся в результате умелого медиаманипулирования. Ведущие и постоянный круг экспертов общественно-политических программ при обсуждении избирательной кампании в США — ожесточенного противостояния Д. Трампа и Х. Клинтон — в своих дискурсивных стратегиях нередко применяли риторику бедствия, используя идиому «В чьих руках окажется “ядерный чемоданчик”?!» [1].

Предмет рассмотрения данного исследования — эволюция стратегий репрезентации политического образа Д. Трампа на российском телевидении. Был использован комплекс методов: количественный контент-анализ, дискурс-анализ информационных и общественно-политических программ федеральных телеканалов («Новости», «Время», «Время покажет», «Первая студия» — Первый канал; «Вести», «60 минут», «Вечер с Владимиром Соловьевым» — «Россия 1»; «Сегодня», «Место встречи» — НТВ). Изучение строится на фиксировании маркеров: Д. Трамп, Х. Клинтон, выборы, США, президент. Анализировались материалы (всего 200) сайтов телеканалов (интернет-дублеров), оперативно размещающих информацию сразу после ее выхода в телевизионный эфир. Хронологические рамки исследования: октябрь 2016 — август 2017 гг.

Имя Дональда Трампа было хорошо известно всему мировому сообществу задолго до президентской гонки 2016 года по многочисленным шоу и сериалам, где он выступал в качестве ведущего и актера (преимущественно исполняя роль «камео»). Кроме того, уже более 30 лет Д. Трамп входит в список самых богатых людей мира. По данным журнала «Forbes», его состояние оценивается в \$3,7 млрд¹. Однако наибольший интерес фигура Д. Трампа привлекла в июне 2015 года, когда он впервые заявил о своем намерении баллотироваться на пост президента США.

Согласно результатам контент-анализа информационных и общественно-политических программ федеральных телеканалов, всего зафиксировано семь точек максимального экстремума медиа-интереса к фигуре Д. Трампа, связанного с информационными поводами — событиями на политической арене, прямо или косвенно затрагивающими интересы России (рисунок):

- 1) победа на праймериз и первые предвыборные заявления, сопровождаемые протестными акциями;
- 2) дебаты с Х. Клинтон;
- 3) победа на выборах;
- 4) инаугурация и первая большая пресс-конференция с ответом на «российский вопрос»;
- 5) предметный телефонный разговор с В. В. Путиным;

¹ Из списка Forbes в президенты: чем владеет Дональд Трамп [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tass.ru/spec/trump-money> (дата обращения: 9.08.2017).

- 6) встреча с В. В. Путиным на полях саммита G20;
- 7) новые санкции США и ответная реакция России.

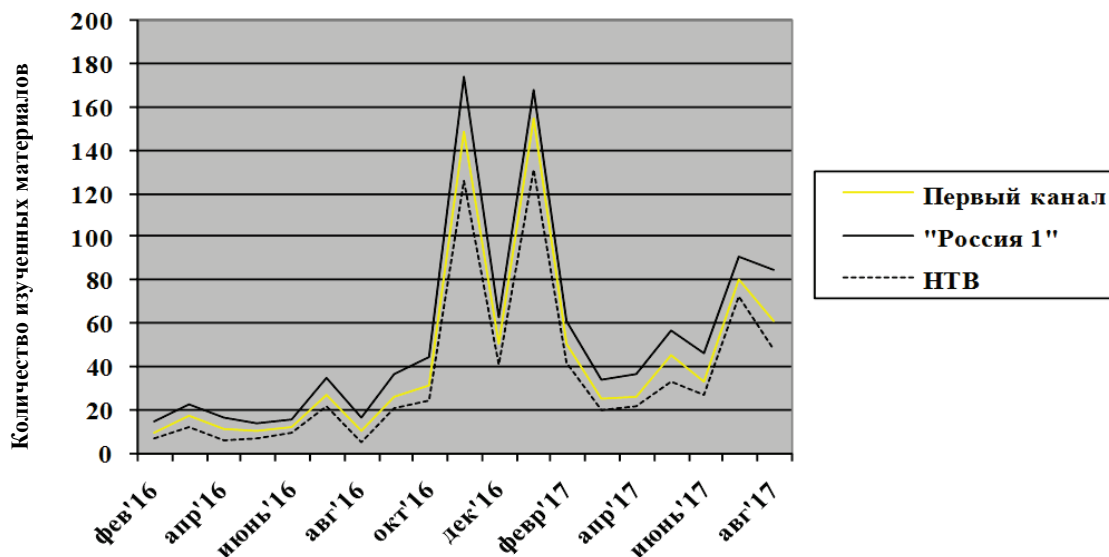


Рисунок. Динамика освещения событий, связанных с фигурой Д. Трампа, в эфире федеральных телеканалов

«Трам — «темная лошадка»». Прежде мультимиллиардер и шоумен Д. Трамп стремительно вошел на политическую арену в феврале 2016 года, сразу же снижав спорную репутацию: с одной стороны, победа на праймериз, с другой — радикализм заявлений (предложения построить стену между Америкой и Мексикой, а также запретить въезд в страну мусульманам, что вылилось в многотысячные акции протеста и побудило конфликт с Папой Римским Франциском, обвинившим его в нехристианских взглядах).

Что касается российской медиа-повестки, в начале 2016 года федеральные телеканалы представляли фигуру Д. Трампа также весьма неоднозначно: наряду с симпатией и надеждой на улучшение дипломатических отношений (особенно на фоне радикальной антироссийской позиции другого кандидата в президенты — Х. Клинтон), актеры поля телевидения не скрывали опасений. Особенно это проявлялось в речевых стратегиях экспертов общественно-политических программ: «Надеюсь, Россию не захочет обнести стеной» (Первый канал); «С таким президентом будет, как на вулкане» («Россия 1»).

Дебаты Д. Трампа и Х. Клинтон привлекали особый интерес с точки зрения ответов кандидатов на геополитические вопросы — преимущественно их взглядов на дальнейшие взаимоотношения с Россией (на основе чего выстраивался антагонизм предвыборных программ соперников). Неслучайно экс-президент США Б. Обама обвинял Д. Трампа в чрезмерной симпатии к нашей стране, а Х. Клинтон пыталась доказать факт вмешательства России в выборный процесс в Америке.

8–9 ноября 2016 года все федеральные телеканалы следили за ходом выборов в США и подсчетом голосов. 80 % эфирного времени информационных программ было отведено данной теме. Все общественно-политические программы также интерпретировали происходящие события. Стоит отметить, что, несмотря на прогнозы западных политтехнологов, Д. Трампу удалось одержать безоговорочную победу (304 голоса коллегии выборщиков против 227 в пользу Х. Клинтон). Эксперты российских общественно-

политических программ использовали риторику иронии: *«И американские “великие умы” тоже ошибаются»* (НТВ).

«Трамп — наш союзник». Новая волна медиа-интереса к фигуре Д. Трампа наметилась в середине января 2017 года. 15 января проходила первая большая пресс-конференция, на которой избранный президент США ответил: *«Я верю Путину»*. Прозвучало заявление о сближении позиций Вашингтона и Москвы. А 20 января после инаугурации В. В. Путин поздравил Д. Трампа, договорившись о взаимодействии на равноправных и взаимовыгодных условиях.

Таким образом, несмотря на бойкот со стороны американских звезд первой величины (Мадонны, М. Стрип и др.), в конце 2016 — начале 2017 гг. в российском поле медиа Д. Трамп, напротив, представал как политик-революционер — потенциальный союзник: *«Пусть Трампа не понимают в Америке, но нам его неразгаданная душа ближе, чем проигравших конкурентов»* («Россия 1»). Вероятно, данные медиастратегии обусловлены внутренним желанием сближения двух вечно противоборствующих сверхдержав: *«А Трамп все же победил. Возможно, также неожиданно и нам удастся договориться с новым американским президентом»* (Первый канал); *«Никто у них прежде не желал улучшения отношений с Россией. А теперь это очень даже возможно»* (НТВ).

В мае 2017 года во время очередного телефонного разговора Д. Трамп и В. В. Путин обсудили ситуацию в Сирии, проблему международного терроризма, снова сделав акцент на двустороннем сотрудничестве. Кроме того, комментируя травлю Д. Трампа в американских СМИ, В. В. Путин заступился за коллегу, назвав происходящее — «политической шизофренией».

При этом первая деловая встреча и неформальный разговор без камер Д. Трампа и В. В. Путина состоялись в июле 2017 года на полях саммита G20. За неделю до часа икс информационные и общественно-политические программы неоднократно эту встречу анонсировали, интригуя зрителей при помощи следующих идиом: *«Удастся ли лидерам двух сверхдержав договориться?»* (Первый канал); *«От политической симпатии Путина и Трампа зависит сохранение стабильности во всем мире»* («Россия 1»). Во время официальной встречи на G20 президенты затронули ситуацию в Сирии, Украине и Южной Корее. Выступая на итоговой пресс-конференции, Д. Трамп назвал разговор с В. В. Путиным продуктивным.

«Трамп — угроза для России и мира». Однако особый медиа-интерес возник в конце июля — начале августа 2017 года, когда американская сторона неожиданно заявила о новом пакете санкций в отношении России. Более того, Д. Трамп выдвинул обвинение, что российские власти якобы поддерживают дестабилизирующую активность в Украине, выступая союзниками недружественных США стран (Ирана и Северной Кореи). Как следствие, россиян ограничили в получении американских виз. В ответ на это российская сторона приняла решение выслать из государства 755 американских дипломатов, что было названо Госдепом «прискорбным и неоправданным».

Данные меры сопровождалась призывом главы МИД ФРГ З. Габриэля не вводить новые ограничительные меры против России. По его мнению, «угрожая европейским компаниям наказанием за сотрудничество с Россией, США просто лоббируют свои экономические интересы». Подписав одобренный Конгрессом Закон о новых антироссийских санкциях (при этом отметив, что он противоречит Конституции США) и увидев произошедший резонанс в европейских кругах (особенно на фоне дальнейшего ухудшения ситуации вокруг Северной Кореи и воинствующей американской риторики — угрозы нанести превентивный удар по Венесуэле), Д. Трамп поспешил заявить, что он глубоко обеспокоен взаимоотношениями с Россией, которые «находятся в низшей точке со времен Холодной войны и могут ухудшиться». В свою очередь, в МИД РФ прокомментировали, что «Москва не оставит без ответа враждебные выпады в нашу сторону».

Что касается стратегий медиаконтролеров (особенно отчетливо проявляющихся в общественно-политических программах), эксперты стали оперировать риторикой опасности: «*Что будет дальше? Никто не сможет предугадать, но бояться стоит*» (Первый канал); «*Таких неоднозначных действий политика на посту президента в современной истории я не могу припомнить*» («Россия 1»); «*Думаю, этот политик, спихивая всю вину на Конгресс, а сам, оставаясь как будто в стороне, приготовит нам еще немало сурпризов*» (НТВ).

Между тем, согласно результатам опроса ВЦИОМ, спустя неделю после введения нового пакета санкций в российском обществе стало наблюдаться резкое снижение симпатий к американскому президенту — с 27 до 18 %. Одновременно с этим выросла негативная оценка действий Д. Трампа — с 22 до 28 %². Можно предположить, что сохранение со стороны Д. Трампа деструктивной линии во взаимоотношениях с Россией усугубит сложившуюся ситуацию, дестабилизируя геополитическую обстановку во всем мире.

Безусловно, феномен репрезентации политического образа Д. Трампа на российском телевидении нуждается в дальнейшем изучении на стыке гуманитарных наук — в контексте лингвистики, политологии, социологии (посредством исследования дискурсивных практик медиаконтролеров, проведения контент-анализа материалов СМИ, соотношения с результатами опросов — реакций аудитории на данную информацию). Однако сегодня можно прийти к выводу, что за последние полтора года (февраль 2016 — август 2017 гг.) стратегии репрезентации претерпели резкие, взаимоисключающие изменения: от риторики «Трамп — “темная лошадка”, «Трамп — наш союзник» до «Трамп — агрессор», «Трамп — угроза для России и мира». Феноменальность этого явления обусловлена тем, что до настоящего времени в российском поле телевидения отсутствовали прецеденты полной трансформации стратегий медиа-репрезентации политических образов, так как в основном СМИ, солидаризируясь и выполняя волю властной элиты, занимали и придерживались конкретной позиции по отношению к тому или иному актору — негативной, позитивной или нейтральной, — что объясняется геополитической ситуацией в целом и позицией России по данному вопросу в частности.

Библиографический список

1. Ефанов А. А. Освещение предвыборных кампаний в СМИ и электоральный интерес // Информационное общество. – 2017. – № 1. – С. 36–40.
-

Сведения об авторе

Ефанов Александр Александрович, к. социол. н., доцент кафедры журналистики, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, тел. 7(3532)771073, e-mail: yefanoff_91@mail.ru

Information about the author

Yefanov A. A., Candidate of Sociology, Associate Professor at the Department of Journalism, Orenburg State Pedagogical University, phone: 7(3532)771073, e-mail: yefanoff_91@mail.ru

² *Антироссийские санкции США: вот, новый поворот...* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116339> (дата обращения: 21.08.2017).

УДК 316.47

**О НАПРАВЛЕНИЯХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ
ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ГЕНДЕРНОЙ ДИСКРИМИНАЦИИ В РОССИИ**
ON THE DIRECTIONS OF STATE POLICY ON COUNTERACTION
OF GENDER DISCRIMINATION IN RUSSIA

Н. В. Кабеева, С. В. Толмачева
N. V. Kabeeva, S. V. Tolmacheva

Ключевые слова:

гендерная дискриминация; государственная политика; противодействие неравенству

Key words:

gender discrimination; public policy; counteracting inequality

Формирование государственной политики по противодействию гендерной дискриминации находится в России на стадии становления, несмотря на то что гендерное равенство является одним из важных показателей среди 17 целей устойчивого развития, принятых ООН в 2015 году. Оценкой гендерной дискриминации занимаются различные международные организации, научно-исследовательские центры, общественные организации. Комплексную оценку степени гендерного неравенства формирует индекс гендерного разрыва — The Global Gender Gap Index (GGGI), рассчитываемый неправительственной организацией The World Economic Forum (WEF) с 2006 года. Методология расчета основывается на учете четырнадцати различных показателей. На протяжении всего времени исследований Россия занимает невысокое положение в рейтинге, но в рамках средних значений по уровню всех стран. В 2016 году Россия занимала 75-е место из 144 стран, вслед за такими государствами как Таиланд, Македония и Венесуэла¹.

В рамках преодоления гендерного неравенства Россия декларирует следование Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, Каирской программе действий, Пекинской платформе действий и Повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. Однако, по мнению ряда исследователей, в российском обществе, начиная с 2008 года, отмечается тревожная тенденция ухудшения отношения со стороны государства и общества к необходимости принятия действенных мер по снижению дискриминационного положения женщин в стране [4, 5, 7]. Одновременно не признается сам факт существования дискриминации, что приводит к повышению в некоторых регионах страны степени неравного отношения к женщинам по признаку пола. На этом фоне российский социум разворачивается в сторону консервативных гендерных ценностей: закрываются региональные центры, из вузов исчезают гендерные курсы [8]. Ярким доказательством данного положения служат и дискуссии по поводу вывода медицинских абортотерапевтов за рамки обязательного медицинского страхования, что является попыткой ограничить права женщин на контроль рождаемости, обсуждение и введение в некоторых школах раздельного обучения мальчиков и девочек, декриминализация побоев в семье.

Фактологический материал представлен в альтернативном отчете Антидискриминационного центра «Мемориал» в ООН, где отмечаются факты наличия открытой дискриминации женщин в вопросе выбора профессии и трудоустройства, традиционные практики дискриминации девушек и женщин на Северном Кавказе, недоступность обра-

¹ *The Global Gender Gap Report 2015.* – Available at: <http://reports.weforum.org/global-gender-gap-report-2015/economies/#economy=RUS>.

зования для цыганских девочек — жительниц компактных поселений, нарушение прав женщин на выражение своего мнения и самоидентификацию².

Мы постоянно слышим, что Россия нуждается в повышении качества жизни, улучшении качества человеческого капитала. Однако специалистами The World Economic Forum выявлена интересная взаимосвязь между индексом гендерного разрыва и индексом человеческого капитала: большая часть стран, которые лидируют по показателям индекса человеческого капитала, а также уровню ВВП на душу населения относятся к тем, кому удалось значительно сократить гендерные разрывы³.

Одним из показателей гендерного неравенства является различная оплата труда женщин и мужчин. На существенный разрыв по уровню зарплат между мужчинами и женщинами в России обращают внимание общественность, СМИ и государственные структуры. Признание дискриминации по уровню зарплат прозвучало в интервью ТАСС вице-премьера Правительства РФ Ольги Голодец в ходе Инвестфорума в Сочи 27 февраля 2017 года.

Актуальной проблемой для современного российского социума является демографическая ситуация, которая оценивается исследователями как «депопуляция». Взаимосвязь гендерного равноправия и уровня рождаемости становится предметом гендерных исследований, которые свидетельствуют о том, что средний уровень гендерного равенства в каждой конкретной стране показывает положительную корреляцию с числом детей. Соответственно, женщины в странах, где уровень гендерного равенства в среднем выше, имеют в среднем больше детей, чем женщины в странах с относительно низким уровнем гендерного равенства [1]. Таким образом, идеология гендерного равенства становится важным аспектом социальной жизни и, несмотря на опасения традиционалистов, может положительно отразиться на росте рождаемости [2].

В России в марте 2017 года принята Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2017–2022 годы, в которой определены основные направления государственной политики в отношении женщин. Стратегия нацелена на реализацию принципа равных прав и свобод мужчины и женщины и создание равных возможностей для их реализации женщинами в соответствии с положениями Конституции Российской Федерации, общепризнанными принципами и нормами международного права, международными договорами Российской Федерации (National Action Strategy)⁴. Однако не всегда декларируемые цели соответствуют действиям, предпринимаемым государством в настоящий момент. Возникают вопросы о действенности предпринимаемых мер по преодолению проявлений гендерной дискриминации в российском социуме, о понимании самой проблемы гендерной дискриминации.

Для поиска ответа на данные вопросы проведено социологическое исследование проблем в области дискриминации женщин и направлений государственной политики по решению гендерного неравенства в России. Цель исследования — выявить соотношение между проблемами в области дискриминации женщин и направлениями формирования национальной политики по противодействию гендерной дискриминации в стране.

Предпринят системный анализ нормативно-правового корпуса источников, статистических первичных и вторичных данных, данных социологических исследований, поисковых запросов браузера «Яндекс» за 2015–2017 гг. Выводы базируются на результатах собственного исследования, проведенного в марте 2017 года на основе неструктурированного интервью жителей города Тюмени в возрасте 18–65 лет.

² *Альтернативный отчет Антидискриминационного центра «Мемориал» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://adcmemorial.org/wp-content/uploads/cedaw_RU_ADCfinal-1.pdf.*

³ <http://reports.weforum.org/global-gender-gap-report-2015/economies/#economy=RUS>.

⁴ *Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2017–2022 годы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://government.ru/media/files/njklvH7WCvOiy>.*

В соответствии с результатами исследования реальными достижениями в области борьбы с гендерной дискриминацией можно считать запрещение на государственном уровне публикации объявлений о трудовых вакансиях, содержащих требования о поле, возрасте и семейном положении, а также государственную поддержку социально ориентированных некоммерческих организаций, деятельность которых направлена на улучшение положения женщин, семьи и детей.

Вместе с тем необходимо отметить, что, начиная с 2015 года, в России наметился определенный сдвиг по осмыслению гендерного неравенства на государственном уровне: проведены исследования, учтены рекомендации ООН, разработана концепция стратегического развития в области поддержки женщин. В настоящее время идет процесс информационно-аналитического, правового и кадрового обеспечения государственной политики в интересах женщин. Провозглашены следующие положения формирующейся государственной политики:

- Создание условий для сохранения здоровья женщин всех возрастов.
- Улучшение экономического положения женщин, обеспечение роста их благосостояния.
- Профилактика и предупреждение социального неблагополучия женщин и насилия в отношении женщин.
- Расширение участия женщин в общественно-политической жизни⁵.

Однако обращает на себя внимание тот факт, что разрабатываемые механизмы, улучшающие положение женщин, изначально не декларируют искоренения гендерного неравенства. Поэтому можно отметить, что целенаправленной политики по противодействию гендерной дискриминации нет.

В некоторых регионах не соблюдаются нормы российского законодательства в сфере уже закрепленных конституционно прав женщин (практика ранних браков, заключение брака без согласия женщин, практика варварских традиций женского обрезания). Одновременно не преодолеваются, а порой усугубляются гендерные неравенства в экономической (прежде всего оплата труда) и политической (представительство в органах власти) сферах. В большинстве стран, добившихся результатов в гендерном равенстве, существуют различные структуры на уровне правительства, при этом блок управления реализации антидискриминационной стратегии координации должен быть расположен на самом высоком правительственном уровне, подпадающем под ответственность президента, премьер-министра или кабинета министров. Для лучшего взаимодействия национальный механизм должен иметь подразделения на уровне регионов и муниципалитетов. Финансирование национального механизма, как правило, предполагает осуществление посредством национального бюджета [3].

Результаты интервьюирования показали, что в обществе укоренилось мнение о женском движении как о воинственном феминизме, преследующем цели доминирования над мужчинами (не как равенство, а как превосходство). Вследствие этого очень важно изменение отношения к женскому движению, как неперемennomу фактору, влияющему на развитие политики гендерного равенства [6].

Результаты исследования, проведенного в марте 2017 года, показали, что среди проблем, волнующих на данный момент граждан, проблема неравенства женщин не считается значимой. Без наводящего вопроса интервьюера эту проблему респонденты сами не называли. А в списке различных 15 проблем ставили ее в среднем на 13-е место. Возможно, поэтому построение политики в этой сфере идет вертикально сверху вниз, а влияние гражданского общества по решению проблем в сфере гендерного неравенства концентрируется в узкой области (права сексуальных меньшинств, ущемление гражданских прав женщин на Кавказе, урегулирование профессиональных стандартов, ограничи-

⁵ <http://government.ru/media/files/njklvH7WCvOiy>.

вающих права женщин). Однако только немногочисленные общественные организации поднимают такую острую проблему, как бытовое неравноправие женщин и мужчин, доминантное положение мужчины, которое нередко усугубляется бытовым насилием.

Таким образом, проведенное исследование показало, что существует асимметрия между направлениями, определяемыми государством как приоритетные в вопросах достижения равноправия женщин и мужчин, и болевыми точками, требующими немедленного решения. Российский социум существующую гендерную дискриминацию не считает серьезной проблемой, относится к проявлениям неравенства как к естественно сложившейся ситуации.

Необходимо на различных уровнях власти совместно с некоммерческими общественными организациями, женскими организациями вести работу по освещению в СМИ гендерных проблем. К сожалению, отсутствие системного видения взаимосвязей между экономическими и политическими свободами женщины в решении гендерных вопросов в России приводит к нивелированию возможных позитивных эффектов от реализации Национальной стратегии действий в интересах женщин.

Библиографический список

1. Айвазова С. Г. Контракт «работающей матери»: нарушения или расторжение? (К вопросу об особенностях гендерной политики в современной России) // Женщина в российском обществе. – 2011. – № 3. – С. 13–22.
 2. Аймалетдинов Т. А., Игушкина О. Н. Рождаемость в контексте изменения установок гендерного равенства и общественного мнения о системе здравоохранения в стране. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://wciom.ru/fileadmin/file/monitoring/2015/125/2015_125_4.
 3. Базуева Е. В. Институциональная среда современной России: гендерный критерий эффективности // Вестник Пермского университета. Серия: Экономика. – 2011. – № 2. – С. 48–60.
 4. Ильин С. В. Дискриминация по гендерному признаку в сфере трудовых отношений // Права человека — индикатор современного развития России: материалы междунар. науч.-практ. конф. / Под общей редакцией Т. А. Сошниковой. – 2015. – С. 307–312.
 5. Ильягуев Д. М. Противоречие действующего законодательства и Конституции Российской Федерации: вопросы воинской обязанности и уголовной ответственности или гендерный иммунитет // Пробелы в российском законодательстве. – 2012. – № 3. – С. 37–42.
 6. Кашина М. А. О научном подходе в дискуссии о значении гендерных исследований и гендерного законодательства для России // Власть. – 2016. – № 6. – С. 138–144.
 7. Поленина С. В. Правовая политика Российской Федерации в сфере гендерных отношений // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2016. – № 1 (53). – С. 62–80.
 8. Швец Л. Г., Шепелева Ю. Л. Гендерный аспект властных отношений: проблемы и направления развития: моногр. – М.: КРЕДО, 2015. – 148 с.
-

Сведения об авторах

Кабеева Наталья Викторовна, к. социол. н., доцент кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, тел. 89220085352, e-mail: kabeeva@mail.ru

Толмачева Светлана Владимировна, д. социол. н., профессор кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, тел. 89123825381, e-mail: svtolm@gmail.com

Information about the authors

Kabeeva N. V., Candidate of Sociology, Associate Professor at the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen, phone: 89220085352, e-mail: kabeeva@mail.ru

Tolmacheva S. V., Doctor of Sociology, Professor at the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen, phone: 89123825381, e-mail: svtolm@gmail.com

КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ

CULTURAL TRADITIONS AND INNOVATIONS

УДК 658.5:378.181

ВЛИЯНИЕ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ НА КОНКУРЕНТНЫЕ ПРЕИМУЩЕСТВА СТУДЕНЧЕСТВА

INFLUENCE OF ORGANIZATIONAL CULTURE ON STUDENTS' COMPETITIVE ADVANTAGES

Н. Д. Гуськова, О. Б. Чаплюкова
N. D. Guskova, O. B. Chaplucowa

Ключевые слова:

*студенчество; организационная культура;
ранговая корреляция; эффективность*

Key words:

*students; organizational culture; rank
correlation; effectiveness*

Принимая во внимание глобальный характер конкуренции образовательных систем, поиск новых и развитие существующих конкурентных преимуществ представляются стратегической прерогативой, обеспечивающей возможность эффективного функционирования высшего учебного заведения. Одно из таких преимуществ — сильная организационная культура. Представляя собой комплекс организационных ценностей, культура высшего учебного заведения является важной составляющей, оказывающей влияние на поведение различных групп стейкхолдеров.

Среди ключевых заинтересованных лиц вуза следует выделить студентов. С одной стороны, студенты — клиенты вуза, которые могут оценить организационную культуру как переменную, оказывающую воздействие на удовлетворение их потребностей. С другой, — организационная культура, аккумулируя ключевые ценностные установки, представляется одним из важнейших инструментов, оказывающих влияние на поведение групп и отдельных ее представителей. Это позволяет судить о студенчестве как о главном носителе и индикаторе организационной культуры вуза.

Следует отметить, что в настоящее время возрастает интерес к изучению взаимосвязи конкурентных преимуществ студенчества от уровня развития организационной культуры. Чем более глубоко и по большему количеству оснований учтены и согласованы интересы членов коллектива, тем более согласованы их действия, более ярко проявляются их качества, эффективнее функционирование [8].

О. Б. Томилин рассматривает организационную культуру как новый управленческий ресурс стратегического менеджмента [10]. Т. Питерс, Р. Уотерман, В. Сате, Д. Мейстер, Д. Дэнисов считают целесообразным выделение отдельных элементов организационной культуры (табл. 1), способных оказать наибольшее воздействие на эффективность как отдельного индивида, так и организации в целом. Количество элементов организационной культуры неформализовано, а их взаимодействие между собой определяется спецификой деятельности организации [2].

При этом следует отметить, что вышеизложенные подходы не лишены субъективизма, поскольку предусматривают исключительно качественную оценку элементов ор-

ганизационной культуры и не позволяют количественно идентифицировать ее наиболее существенные переменные.

Таблица 1

Организационно-культурные ценности и процессы, оказывающие влияние на эффективность деятельности

Автор	Выделяемые структурные элементы
В. Сате	Кооперация, принятие решения, контроль, коммуникация, проявление лояльности, восприятие организационной среды, а также оправдание сотрудником своего поведения
Т. Питерс и Р. Уотерман	Вера в действия, постоянная связь с потребителем, простая структура, немногочисленный штат управления, поощрение автономности и предпринимательства, рассмотрение людей как источника производительности и эффективности, знание того, чем управляешь; сочетание в организации гибкости и жесткости
Д. Мейстер	Самосовершенствование, лидерство, психологический климат в коллективе, высокие стандарты, под которыми следует понимать личные качества сотрудников, их лояльность, высокую производительность, ориентация на долгосрочные цели, делегирование полномочий, справедливое вознаграждение и удовлетворенность сотрудников
Д. Дэнисов	Координация и интеграция, согласие, ключевые ценности, стратегия, цели и задачи, видение, ориентация на изменение, ориентация на стейкхолдеров, организационное обучение, развитие способностей, работа в команде, полномочия

Анализ предметных исследований, посвященных непосредственному изучению влияния организационной культуры на эффективность деятельности вуза, также позволяет утверждать, что эта проблема актуальна, при этом инструментальный аппарат, с помощью которого можно было оценить уровень развития организационной культуры и ее влияние на конкурентные преимущества, мало изучен и применим. Большинство отечественных исследователей (Масилова М. Г., Парфенова И. Ю., Богдан Н. Н., Едалова Е. С.) [6, 1, 4] при изучении данного вопроса фокусируют внимание исключительно на качественном подходе, а, следовательно, ограничивают рамки исследований определением культурно-ценностных элементов и описанием их воздействия на объективные характеристики, отражающие итоги деятельности вуза.

В связи с этим для получения комплексной оценки влияния организационной культуры на деятельность студенчества факультетов Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева (НИ МГУ), консолидирующей как качественные, так и количественные измерения, нами был апробирован подход, базирующийся на использовании адаптированной методики Д. Дэнисова и применении ранговой корреляции.

В своих работах Е. В. Демидова [3] в качестве результирующей переменной эффективности деятельности студенчества, его конкурентным преимуществом определяет успеваемость. Однако нам более близка точка зрения С. Д. Резника и М. В. Черниковской, согласно которой деятельность студенчества рассматривается как многообразное явление, включающее целый спектр направлений [9].

В этой связи мы считаем целесообразным применение в качестве результирующей переменной итогов Фестиваля студенческого творчества — ФСТ (Y1). ФСТ представляет собой комплексную оценку деятельности студенчества по различным направлениям деятельности в рамках НИ МГУ. Его итоги подводятся в течение учебного года и позволяют определить ключевые позиции каждого структурного учебного подразделения вуза относительно друг друга, выделить тенденции их организационного развития.

Следует отметить, что за 2013–2015 гг. лишь три факультета показали улучшение результирующего показателя ФСТ: факультет довузовской подготовки и среднего профессионального образования, экономический и юридический факультеты. Наибольший прирост наблюдается при анализе результатов деятельности студенчества юридического факультета, что свидетельствует о наличии конструктивных организационных изменений в работе факультета — усилении роли партнерства, ответственности и результативности (табл. 2).

Таблица 2

Итоги Фестиваля студенческого творчества факультетов НИ МГУ за 2013–2015 гг.

Факультет	2013–2014 уч. год		2014–2015 уч. год		Отклонение % выполнения
	Кол-во баллов	% выполнения от возможного максимума	Кол-во баллов	% выполнения от возможного максимума	
Архитектурно-строительный (АСФ)	1 282	65,0	1 214,5	61,6	–3,4
Географический (ГЕО)	1 454,5	73,7	1 375	69,8	–3,9
Биотехнологии и биологии (БИО)	961	48,7	932,5	47,3	–1,4
Довузовской подготовки и среднего профессионального образования (ФДП)	897,5	45,5	956	48,5	3
Иностранных языков (ФИЯ)	935	47,4	887,5	45,0	–2,4
Математики и информационных технологий (ФМиИТ)	1 050,5	53,2	950	48,2	–5
Филологический (ФФ)	1 303	66,0	1 245	63,2	–2,8
Экономический (ЭФ)	1 293	65,5	1 310,5	66,5	1
Юридический (ЮФ)	1 087	55,1	1 170	59,4	4,3

Для построения модели в качестве регрессоров были использованы 12 характеристик организационной культуры, значения которых были получены нами на основе метода экспертных оценок с помощью адаптированного вопросника Д. Дэнисова. Экспертами-респондентами выступили представители администрации, преподаватели, а также руководители студенческих объединений факультетов (табл. 3).

Согласно модели Д. Дэнисова параметр, имеющий более высокий уровень, оказывает более существенное влияние на повышение эффективности деятельности организации. В связи с этим, рассматривая усредненные значения факторов организационной культуры, можно предположить, что наибольшее воздействие на эффективность деятельности студентов НИ МГУ оказывают показатели-ценности групп «Вовлеченность» и «Согласованность» (X_{cp11} , $X_{cp22} = 3,5$), а наименьшее — показатели группы «Адаптивность» ($X_{cp33} = 3,3$).

В то же время анализ данных, полученных в результате проведения ранговой корреляции, показал, что наибольшее влияние на результирующую переменную Y_1 оказывают параметры «Цели и задачи» и «Видение», входящие в группу «Миссия». Следовательно, базовыми принципами, обеспечивающими эффективность деятельности студенчества факультетов вуза, их конкурентные преимущества, являются полное согласие по поводу целей и направлений развития, а также разделяемое всеми видение, служащее источником воодушевления и мотивации.

Таблица 3

Результаты экспертной оценки элементов организационной культуры факультетов НИ МГУ

Регрессор	Факультет								
	АСФ	ГЕО	БИО	ФДП	ФИЯ	ФМиИТ	ФФ	ЭФ	ЮФ
Вовлеченность (X11)	2,3	3,3	3,5	4,7	4	4,3	2,7	2,9	3,7
Полномочия (X1)	2	3	3,7	5	3	5	3	2,7	3,5
Работа в команде (X2)	3	4	3,5	4,5	4	4	2	2,7	3,7
Развитие способностей (X3)	2	3	3,2	4,5	5	4	3	3,3	4
Согласованность (X22)	2,8	3	2,9	4,7	3,7	4,7	3,3	3	3,8
Ключевые ценности (X4)	3,5	3	3,3	5	5	5	4	2,7	4
Согласие (X5)	2,5	3	2,8	4,5	3	5	3	3	3,3
Координация и интеграция (X6)	2,5	3	2,8	4,5	3	4	3	3,3	4
Адаптивность (X33)	2,3	2	3,3	4,2	3,7	4	3,7	3,1	3,7
Ориентация на изменения (X7)	1	2	3,4	4	3	3	3	3,7	3,7
Ориентация на стейкхолдеров	2,5	2	3,2	4	3	5	5	2,7	4
Организационное обучение	3,5	2	3,4	4,5	5	4	3	3	3,3
Миссия (X44)	2,2	2,3	3,6	4,8	4	4,3	2,7	3,3	3,7
Стратегическое направление и	2,5	3	3,5	5	4	5	2	4	3,3
Цели и задачи (X11)	2	2	3,7	5	4	4	4	3,3	4
Видение (X12)	2	2	3,7	4,5	4	4	2	2,7	3,7

Таким образом, несмотря на наличие различных подходов к оценке организационной культуры, ее влияние на эффективность деятельности организации неоспоримо. Анализ параметров организационной культуры с целью ее развития является необходимым условием, обеспечивающим конкурентные преимущества и новые возможности развития организации любой сферы деятельности.

Использование предложенного нами подхода позволило не только идентифицировать влияние организационной культуры на эффективность деятельности студенчества, но и сформировать конкретное представление о значимости каждого параметра. Полученные результаты могут стать основой для разработки системы повышения эффективности работы как представителей студенчества, так и факультетов Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева в целом.

Библиографический список

1. Богдан Н. Н., Масилова М. Г., Парфенова И. Ю. Организационная культура вуза: теория, исследование, практика: моногр. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2014. – 244 с.
2. Гуськова Н. Д., Ерастова А. В. Ценности как элемент системы организационной культуры университета // Университетское управление: практика и анализ. – 2015. – № 4. – С. 67–75.
3. Демидова Е. В. Организационная культура и ее влияние на организационную эффективность // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 5. – С. 653.
4. Едалова Е. С. Организационная культура вуза как фактор повышения производительности труда научно-педагогических сотрудников // Общество, культура, наука: проблемы конвергентного развития. – 2014. – С. 48–53.
5. Конакова О. В. К вопросу влияния организационной культуры на деятельность компании // Вестник Челябинского государственного университета. – 2015. – № 1. – С. 62–67.

6. Масилова М. Г. Влияние организационной культуры на эффективность деятельности вуза // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2013. – № 1. – С. 129–137.

7. Кондратьев Э. В. Организационная культура: понятие, механизм и методы управления // Проблема теории и практики управления. – 2011. – № 9. – С. 72–76.

8. Плужнова Е. Н. К вопросу об определении понятия «организационная культура» // Наука и мир. – 2015. – № 1 (17). – С. 26–29.

9. Резник С. Д., Черниковская М. В. Организационная культура российского студенчества в условиях изменений социально-экономической среды: моногр. – М.: НИЦ ИНФРА-М, 2015. – 176 с.

10. Томилин О. Б., Барнашова М. И., Томилин О. О. Организационная культура как новый управленческий ресурс стратегического менеджмента // Университетское управление: практика и анализ. – 2014. – № 3. – С. 19–38.

Сведения об авторах

Гуськова Надежда Дмитриевна, д. э. н., профессор, заведующий кафедрой менеджмента, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, г. Саранск, e-mail: econauka@yandex.ru

Чаплюкова Ольга Борисовна, магистрант Экономического факультета, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, г. Саранск, e-mail: chaplyuckowa.olia @yandex.ru

Information about the authors

Guskova N. D., Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Management, Ogarev Mordovia State University, Saransk, e-mail: econauka@yandex.ru

Chaplyukowa O. B., Master's Student of the Faculty of Economics, Ogarev Mordovia State University, Saransk, e-mail: chaplyuckowa.olia@yandex.ru

УДК 331

**НОВАЯ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ И КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ
МОЛОДЕЖИ¹**
NEW INDUSTRIALIZATION AND COMPETITIVENESS OF THE YOUTH

В. В. Мельник
V. V. Melnik

Ключевые слова:

новая индустриализация; «накопительная» парадигма; стоимость человеческих ресурсов; рынок труда; конкурентоспособность; семантический дифференциал; организационная стратегия

Key words:

new industrialization; «cumulative» paradigm; human resources cost; labour market; competitiveness; semantic differential; organizational strategy

Цель любых социально-экономических концепций и теорий — поиск наилучших комбинаций ресурсов, способных привести к процветанию ту или иную страну, социаль-

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России «Формирование конкурентоориентированности и конкурентоспособности молодежи в российском обществе в контексте современной социокультурной динамики», проект № 28.2941.2017/4.6.

ную общность, организацию. Исторический лозунг социалистической индустриализации «кадры решают все» вновь выходит на авансцену российской истории. Не являются исключением и концепция неоиндустриального развития, и связанные с ней проблемы конкурентоспособности, активно обсуждаемые в среде российских социологов и экономистов с начала 2000-х гг. Наиболее известные труды в данной области принадлежат Г. В. Власюк, С. Д. Бодрунову, А. В. Бузгалину, С. Ю. Глазьеву, М. В. Горшкову, Р. С. Гринбергу, Н. Ф. Газизуллиной, С. С. Губанову, В. В. Радаеву, В. Т. Рязанову, Ю. Б. Рубину, Н. Ш. Шустовой.

Проведение новой индустриализации является практической задачей многих стран, в силу необходимости перехода к новым драйверам социального и экономического роста. Традиционно научно-технологическое развитие России обеспечивают научные и образовательные организации, ее научная и инженерная школы, которые достаточно эффективно решали задачи социально-экономического развития и обеспечения безопасности страны в послевоенный период и внесли существенный вклад в накопление научных знаний и создание передовых технологий. Современное, широкое научное осмысление и обсуждение этой проблемы позволило выявить как позитивные, так и негативные тренды развития страны. Прежде всего это недостаток государственных инвестиций в человеческий капитал [2, 8, 12], низкий уровень участия талантливой молодежи в завершеном инновационном цикле в производстве и возможностей самореализации, профессионального роста и продвижения, что ведет к утечке наиболее талантливых ученых, инженеров, предпринимателей, создающих прорывные продукты. Это существенно затрудняет инновационное развитие России в сравнении с лидирующими странами и фактически обеспечивает рост их конкурентоспособности в экономической сфере. Отставание нашей страны фиксируется в разнообразных международных рейтингах, основными из которых являются ИГК (Индекс глобальной конкурентоспособности — Global Competitiveness Index) Мирового экономического форума (МЭФ) и ИЧР (Индекс человеческого развития)², рассчитываемые для большинства стран мира, в которых Россия занимает на 2017 год 45-е место из 138 и 53-е место из 144 соответственно.

В рамках данной статьи сформулированы следующие задачи:

- теоретическое осмысление социальных аспектов «накопительного» (ресурсного) подхода к конкурентоспособности;
- определение человеческой размерности конкурентоспособности, ее ментального значения;
- исследование организационной и отраслевой практики использования конкурентоспособных человеческих ресурсов и ее реализации.

Пройдя кризисный этап адаптации к рыночной экономике, Россия стала переходить с начала 2000-х гг. к инновационной экономике. В ходе многочисленных дискуссий в этой области было создано несколько ее вариантов. Международный дискуссионный клуб «Валдай» (Сергей Караганов)³ одним из первых предложил «накопительную» модель развития, которая, по мнению Президента РФ, по своей сути и обозначает «новую индустриализацию». Это новая парадигма управления, отличительной чертой которой становится плавное, без рывков накопление сил для будущих изменений, которое будет происходить с одновременным реформатированием социума, что дает определенный импульс к анализу этой глобальной проблемы в России. Законодательная работа по определению новой государственной политики в этой области была подытожена в декабре

² *The Global Competitiveness Report 2016–2017 / World Economic Forum within the framework of the Global Competitiveness and Risks. – Available at: www.weforum.org.*

³ Конференция «Выборы 2011–2012 и будущее России. Сценарии развития на 5–8 лет» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.valdaiclub.com/events/posts/articles/konferentsiya-vybory-2011-2012-i-budushchee-rossii-stsenarii-razvitiya-na-5-8-let/>.

2016 года утверждением Стратегии научно-технологического развития страны⁴. Отметим, что это своеобразная парадигма неинновационности, созданная на базе многочисленных правительственных постановлений, принятых за последние 8 лет. В ее общих положениях представлен концептуальный понятийный аппарат, где дано и определение национальной конкурентоспособности: «... — формирование явных по отношению к другим государствам преимуществ в научно-технологической области и, как следствие, в социальной, культурной, образовательной и экономической областях»⁵. Следовательно, на государственном уровне она может и должна рассматриваться нами, в исследовательской практике, как синергичный эффект развития перечисленных выше сфер, с учетом всех факторов и причинно-следственных зависимостей между ними. Таким образом, перед страной поставлена и сформулирована новая идеологема: построение нового индустриального общества вместо либерального (модернизационного) рывка в постиндустриальное общество, который стратегически несостоятелен и непродуктивен.

В рамках данной парадигмы требуются изменения в системе управления человеческими ресурсами. Для того чтобы обеспечить количественные и качественные параметры промышленного роста, аналогичные корейскому, японскому и тем более китайскому экономическому чуду, надо учесть их опыт пятого технологического уклада [6], где ставка делается не на дешевизну рабочей силы, а на ее квалификацию, инновационность, производительность — то есть на то, что в итоге и обеспечивает конкурентоспособность. Это дает совершенно иную результативность последней и ее социально-культурную эффективность, увеличивая время на саморазвитие личности. Дорогостоящая рабочая сила организации — это, как правило, высокая производительность труда и малые сроки окупаемости затрат, что и определяет инвестиционную привлекательность экономики и ряда отраслей, рост доходов населения. А это, в свою очередь, размывает «порочный круг дешевизны» стратегий: дешевая рабочая сила — низкая производительность — низкий возврат инвестиций — низкая оснащенность предприятий — деиндустриализация и отсталость исторического развития.

Следовательно, стратегия развития человеческих ресурсов — это два встречных процесса. Прежде всего, это меры и принципы научно-технологического развития страны, ее структурная реиндустриализация, рост требований к повышению квалификации и компетенций кадров, обеспечивающих научно-техническую революцию (НТР), участие в международной конкуренции за талантливых, высококвалифицированных работников и привлечение их в науку, инженерию, технологическое предпринимательство.

С другой стороны, здесь задействован процесс трансформации на уровне экономики — отраслевой и региональной организационной политики в отношении кадров и человеческого капитала. Создание и развитие современной системы научно-технического творчества детей и молодежи, разработка технологий по выявлению талантов, системы карьерного роста, самореализация областей науки, технологий, инноваций. Таким образом, развитие интеллектуального потенциала кадров — основа конкурентоспособности новых поколений работников и формирования конкурентных преимуществ в стране, отрасли, экономике региона, организации.

Стоит отметить, что в этом направлении в российской социологии разрабатываются исследовательские проекты [11]. Нами было проанализировано значительное число работ, посвященных социальным аспектам конкурентоспособности, что позволило достаточно четко рассмотреть не только социальные аспекты конкуренции, но и ее собственно

⁴ Указ Президента РФ от 01.12.2016 № 642 «О стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207967/.

⁵<http://ru.valdaiclub.com/events/posts/articles/konferentsiya-vybory-2011-2012-i-budushchee-rossii-stsenarii-razvitiya-na-5-8-let/>.

социальную сущность, что очень важно для эмпирических исследований личностных аспектов. Новая область социологических исследований развивается академиком РАО Г. Ф. Куцевым [4, 5], где анализируются образовательные аспекты высшей школы и ее роль в формировании конкурентоспособности молодежи.

Известно, что на практику фирм и предприятий в организации конкурентных преимуществ влияет множество факторов, в том числе причинно-следственная предопределенность проводимой стратегической политики, уровень социальной ответственности, сложность технологий и напряженность трудового процесса. Что позволяет не всем организациям развивать человеческие ресурсы как устойчивое преимущество, даже при возможности имитации (бенчмаркинга), успешных примеров организаций и фирм с развитым конкурентоспособным персоналом и экономической эффективностью. Чтобы быть реальным фактором конкурентных преимуществ, человеческие ресурсы должны отвечать их важнейшим критериям — устойчивости и реализуемости (конкурентного преимущества). Это происходит тогда, когда последние являются надежным источником добавочной стоимости для организации и социальной ответственности для потребителей. Следовательно, вопрос заключается в точном стратегическом выборе организациями того, что они должны предпринять: сосредоточиться на финансах, технологиях или человеческих ресурсах.

Анализ работ большинства англоязычных исследователей касательно проблем конкурентоспособности (Barney, 1991; Gratton, 1997 и др.) [1, 7] показывает, что поиск конкурентных преимуществ еще в начале 90-х годов сдвинулся от финансовых источников, технической и технологической обеспеченности в сторону человеческого капитала организации. Это означает, что в современную эпоху, с учетом перехода к пятой технологической революции, изначально не величина бюджета, административный ресурс обеспечивают успех деятельности, а работник: его отношение к работе, наличные компетенции, инновационные навыки и умения, настойчивость по выполнению обязательств и воспроизводству доверия для поддержания коммуникационных контактов в сложных производственных условиях, самооценка.

В то же время анализ научных публикаций показывает, что за последние годы эта проблематика вышла далеко за пределы национальных границ и затрагивает сферы политики, администрации, экономики, бизнеса, менеджмента, работника в организации и его конкурентоспособность. Многообразность формулировок вызывает трудности в понимании этого феномена, как в указанных выше сферах, так и в практике жизнедеятельности населения. Последнее принципиально значимо, поскольку каждый индивид участвует в социальных общностях различного уровня, где конкурентоспособность становится фактором самореализации, самоактуализации, успешной трудовой деятельности и достигаемого благосостояния. В философском смысле сущность явления конкурентоспособности заключается в том, что ее итогом являются произведенные услуга, продукт, знание. Возникает вопрос «Что же их опосредует?». По нашему мнению, ответ можно найти в рамках концепций социологии менеджмента, где это: а) конкурентная стратегия в практике управления человеческими ресурсами в организации; б) производительность труда. В рамках концепции человеческих ресурсов был сделан вывод о том, что «...эта стратегия тесно соотносится с идеей “Doing” (делать). Владение определенной рыночной позицией требует действия от организации, а также соответствующего использования ее внутренних или соответствующих ресурсов» [3].

«Накопительный» подход в российской парадигме неоиндустриализации и указанная выше идея «делать» могут стать основой гипотезы нашего исследования — интеллектуальной модели конкурентоспособности молодых работников, основанной на инновационности, компетентности, технологиях, процессах профессионального обучения, в том числе функциональной групповой работе.

Нами был проведен опрос работников 18 организаций и предприятий г. Тюмени, Тобольска и Ишима, охвативший 8 отраслей экономики региона. Выборка составила 956 человек. Средний возраст респондентов — 26, 8 года, их стаж работы: общий — 6,1 года; в данной профессии — 4,5 года; в данной организации — 3,4 года; Величина среднемесячного заработка — 49,9 тыс. рублей. Образовательный уровень респондентов: неполное среднее — 1,6 %; среднее общее — 4,1 %; начальное профессиональное — 2,3 %; среднее профессиональное — 15,0 %; незаконченное высшее — 7,6 %; высшее (специалист, бакалавр, магистр) — 58,2 %; послевузовское (второе высшее, аспирантура) — 2,8 %.

Линейные распределения опроса показали очень высокую самооценку молодыми работниками своей конкурентоспособности. Так, согласно ранговой оценке, таковыми себя считают 56,5 % опрошенных; скорее да, чем нет — 32,5 %; скорее нет, чем да — 6,6 %; и нет — 3,1 % респондентов. Не ответили всего 1,3 % работников. Согласно методическому правилу сжатия размерности ранговой шкалы, мы можем сформировать переменную, где 89,0 % конкурентоспособных, и только 9,7 % — нет, что облегчает задачу анализа данных в определении причинно-следственных зависимостей поставленных задач.

Такой уровень самооценки основной переменной исследования, для решения поставленных в статье задач, требует, прежде всего, определить ментальные особенности понимания явления конкурентоспособности респондентами. Согласно модифицированной шкале семантического дифференциала мы получили следующий проранжированный образ конкурентоспособности у молодых работников. В данном случае для анализа данных мы использовали методику биполярной шкалы семантического дифференциала — градуированную оценочную шкалу понятий, отражающих их позитивное и отрицательное значения. Кластеризация понятий по величине значений отбора в семантическом пространстве позволила сформировать следующее:

1) Положительные кластеры конкуренции (удельный вес 0,62 из 1,0), по степени снижения удельного веса):

- первый кластер: полезна, нужна, эффективна;
- второй кластер: прибыльна, явна;
- третий кластер: честна, моральна, справедлива, приятна;
- четвертый кластер: комфортна.

2) Отрицательные кластеры конкуренции (удельный вес 0,16 из 1,0):

- первый кластер: некомфортна, неприятна, нечестна, несправедлива;
- второй кластер: аморальна;
- третий кластер: неприбыльна, скрыта;
- четвертый кластер: неэффективна, вредна, не нужна.

Прежде всего, выявленные кластеры отражают преимущественно положительную ментальную оценку конкуренции, как и свойства личности. Отрицательные кластеры менее весомы, однако развитие конкурентоспособных качеств работающей молодежи однозначно требует построения производственной среды организации, с учетом понимания ее отрицательных факторов. Анализ кластеров выявляет их понятийный антагонизм в семантическом пространстве и значительную разницу удельных весов, определяемых низкой частотой выбора, в том числе и положительного семантического пространства. Структура кластеров отражает устойчивые ментальные особенности, характерные для данного поколения работников, особенности их мировосприятия, образования и мотивов деятельности. В определенной степени это отражает ценности и структуру национального характера, в том числе его стереотипы, особенно в условиях недолгой трансформации социально-экономических основ общества. Данная ментальность предопределяет выбор молодыми работниками эффективных средств конкурентной борьбы. Бальная оценка наиболее эффективных средств (максимальный балл — 4,0, всего 14 переменных) в профессиональной конкурентной борьбе позволила построить их своеобразную факторную матрицу из дифференцированных по удельному весу групп:

- трудолюбие — 3,522;
- профессионализм, интеллект, повышение квалификации — 3,441;
- талант, способности, средства развития — 3,373;
- поддержка руководства, хитрость, смекалка, высокие моральные качества — 3,188;
- самореклама, пиар, влиятельные, друзья знакомые, родители — 2,739.

Качества победителя в профессиональной конкуренции: трудолюбие, профессионализм и талант. По мнению В. Т. Лисовского, хотя ценностный мир каждого человека необъятен, существуют «сквозные» ценности, которые являются практически стержневыми в любой сфере деятельности [9]. И на первое место ученый поставил трудолюбие. По мнению В. П. Тугаринова, ценности человека заключают в себе идеи и их побуждения в качестве нормы, цели и идеала. Можно резюмировать, что в качестве основы национального характера эти переменные, выявляющие средства и особенности конкурентной борьбы у молодежи, отражают определенную систему социокультурных (моральных) ценностей и норм в современном обществе.

Важнейшим аспектом ресурсного подхода в оценке мер их достижения в организациях и отраслях в регионе является система набора (трудоустройства) компетентных работников (трудовых ресурсов). Прежде всего отметим, что практически каждый третий респондент указывает на наличие трудностей при устройстве на работу на предприятие, фирму. Самой значимой среди них является отсутствие опыта работы — 41,3 % ответов; низкий уровень предлагаемой заработной платы — 21,2 %; отсутствие подходящих рабочих мест — 15,5 %; не смогли найти работу по полученной профессии — 12,1 %. В целом эта иерархия факторов, как показал анализ данных опроса, свойственна всем организационно-правовым формам предприятий в экономике Тюменской области. Вместе с тем отметим и определенное структурное своеобразие. Так, для частных фирм (организаций) основные препятствия найма — отсутствие опыта работы (46,5 % ответов), и низкий уровень предлагаемой заработной платы (21,0 % ответов). Для семейных предприятий основной барьер — отсутствие подходящих рабочих мест (50,0 % ответов).

Иерархия каналов трудоустройства (и их эффективность на рынке труда) для молодых работников региона выглядит следующим образом:

- СМИ, Интернет — 37,8 %;
- родственники, знакомые — 36,5 %;
- учебное заведение, преподаватели — 15,0 %;
- кадровое агентство — 5,3 %;
- центр занятости — 2,8 %.

Анализ данных выявляет следующий механизм найма в отраслях (в % к числу ответивших, наиболее значимые каналы).

- *Промышленность*: СМИ, Интернет — 39,2 %; родственники, знакомые — 37,9 %; вуз, преподаватель — 10,2 %.
- *Торговля*: родственники, знакомые — 38,7 %; СМИ, Интернет — 37,8 %.
- *Сельское хозяйство*: родственники, знакомые — 50,0 %; вуз, преподаватель — 16,7 %; СМИ, Интернет — 14,3 %; кадровое агентство — 11,9 %.
- *Строительство*: родственники, знакомые — 33,9 %; СМИ, Интернет — 33,0 %; вуз, преподаватель — 14,8 %.
- *Транспорт, связь*: СМИ, Интернет — 41,0%; родственники, знакомые — 26,5 %; вуз — 19,3 %.
- *Сфера недвижимости*: родственники, знакомые — 60,0 %; СМИ, Интернет — 40,0 %.

- *Сфера финансов*: СМИ, Интернет — 46,6 %; вуз, преподаватель — 17,8 %; родственники, знакомые — 16,4 %.

Данные показывают, что в системе отраслевого найма доминируют неформальные каналы. Официальные каналы также присутствуют, хотя и совершенно в незначительном объеме. Так, кадровые агентства трудоустроили всего 5,2% опрошенных, а центры занятости — 2,9 %.

Подчеркнем, что среди отраслевых каналов организации найма работников доминируют СМИ и Интернет — 37,5 % ответов респондентов, а также родственники, знакомые — 34,8 %. Таким образом, можно отметить, что система найма и отбора трудовых ресурсов организациями и отраслями остается достаточно неэффективной. Одна из вероятных причин этого — высокие темпы промышленного развития области. Только за последние 7 лет было введено 35 крупных промышленных предприятий в 8 отраслях экономики региона (промышленность, нефтепереработка, металлургия, сельское хозяйство, строительство, транспорт, здравоохранение, складское хозяйство и т. д.). Введены в действие две промышленные площадки в окрестностях областной столицы с соответствующим инфраструктурным обеспечением.

Тактически достижение конкурентных преимуществ организацией может осуществляться двумя наиболее быстрыми методами: 1) совершенствованием управления в использовании в организации имеющихся человеческих ресурсов; 2) повышением качества профессиональных навыков (компетенций) на конкретном рабочем месте и совершенствованием мотивационных методов и вознаграждений (материальных и моральных) в политике управления человеческими ресурсами. Практика социологических исследований показывает, что чаще всего в этом процессе используются оба подхода. Рассмотрим основные из них, выявленные в нашем исследовании, в рамках идеи «делать». Отправной точкой этого процесса выступает стратегическая и технологическая оснащенность организаций. По мнению респондентов, в области стратегии важнейшими направлениями, которые обеспечат высокий конкурентный уровень организации, являются высококвалифицированные работники (17,0 %); современные технологии (15,3 %); новые конкурентные идеи (13,9 %); хорошее финансирование проектов (12,8 %); новое оборудование (9,9 %); современный менеджмент (8,3 %); производство новых товаров (6,8 %); зарубежные заказы, партнеры (4,8 %); наличие развитого конкурентного рынка (3,9 %); российские партнеры (3,5 %); специалисты в IT-технологиях (3,4 %).

Анализируя стратегию отраслей экономики, выделим для каждой из них по три важнейших стратегических фактора в порядке уменьшения значимости.

- *Промышленность*: высококвалифицированные работники, хорошее финансирование проектов, современные технологии, новые идеи и новое оборудование).

- *Торговля*: новые конкурентные идеи, высококвалифицированные работники, современные технологии.

- *Сельское хозяйство*: высококвалифицированные работники, современные технологии, хорошее финансирование проектов.

- *Строительство*: высококвалифицированные работники, современный менеджмент и новые конкурентные идеи.

- *Транспорт и связь*: высококвалифицированные работники, современные технологии, новое оборудование и новые конкурентные идеи.

- *Сфера недвижимости*: современный менеджмент, высококвалифицированные работники, новые конкурентные идеи.

- *Сфера финансов*: высококвалифицированные работники, новые конкурентные идеи, современные технологии, хорошее финансирование проектов, современный менеджмент, специалисты в IT-технологиях.

Данные по отраслям подтверждают, что главная составляющая — это человеческий фактор в лице высококвалифицированного работника. Вместе с тем требуются в первую очередь и новые конкурентные идеи, и современный менеджмент.

Показателями уровня квалифицированности конкурентоспособной работающей молодежи в исследовании служат несколько переменных. Прежде всего это владение смежными или другими профессиями и, следовательно, разнообразными компетенциями. Отметим, что этот уровень достаточно высок. Так, 40,3 % опрошенных владеют еще одной профессией, еще 23,0 % — владеют несколькими. Только треть опрошенных другими профессиями не владеют. Важным стратегическим фактором в организации служит сфера повышения квалификации. Так, 79 % молодых работников ответили, что такая возможность у них есть. Более того, средний временной лаг времени, прошедшего после повышения квалификации, составляет менее двух лет у 51 % респондентов, что является очень хорошей базой для их участия в инновационной деятельности.

Определенным показателем уровня высококвалифицированности может служить переменная «компетенции и навыки» для успешной конкуренции, полученная в период обучения (самооценка). Данные опроса показывают, что для 56,7 % опрошенных этих навыков вполне достаточно; для 34,5 % респондентов — недостаточно; затруднились ответить 8,8 % опрошенных. Об этом говорят также оценки респондентов относительно своих профессиональных планов. Только 31,8 % респондентов считают, что их выбор профессии окончательный, 31,5 % — дают отрицательный ответ; 35,0 % — не определилась. Считаю, что в совершенстве освоили свое дело чуть больше половины опрошенных — 59,8 %; ответили отрицательно — 38,9 %.

Профессионализм закрепляется различными ценностными ориентациями личности молодого работника. Так, практически все опрошенные (96,1 %) отметили, что они являются исполнительными и трудолюбивыми работниками; дали отрицательный ответ — 2,6 % респондентов; умолчали — 1,4 %. На повышение уровня профессионализма влияет также фактор привлекательности производственного процесса и работы. Отметим, что получают удовольствие от работы — 82, 2 % респондентов; безразличны к ней — 13, 5 %; не нравится работа — 2,7 % опрошенных.

Еще один показатель профессионализма — новые конкурентные идеи, являющиеся базой драйверов конкуренции. Прежде всего они возникают и реализуются в инновационной деятельности работников организаций. По данным опроса у 16 % респондентов их работа постоянно связана с такой деятельностью; 32 % работников говорят об определенной периодичности участия в ней; у 46 % опрошенных такой связи с новаторством нет. Отметим достаточную высокую групповую функциональную дифференциацию инновационной деятельности молодых работников. Так, 9,9 % из них — это «генераторы» новых идей; 2,8 % — разработчики прототипов новинок; 11,5 % — заняты техническим оформлением документации новшеств; группа «внедренцев» новшеств в производство составляет 13,0 %; их маркетингом занимаются 7,0 % опрошенных. В целом это соответствует социетальному уровню Тюменского региона, за исключением более низкого уровня прототипирования [10]. Вместе с тем анализ показывает определенный недоиспользованный потенциал конкурентоспособности молодых работников. Так, среди конкурентоспособных постоянно связаны с инновационной деятельностью только 17, 1 %. Еще 34,7 % — связаны время от времени, не связаны — 48,1 % опрошенных. Среди неконкурентоспособных работников (по самооценке) эти функциональные группы следующие: постоянно связаны — 11,8 %; время от времени — 32,9 %; не связаны — 55,2 % респондентов. Полученные данные говорят о том, что инновационность обладает некоторым, своим собственным социетальным свойством раскрытия потенциала человеческого капитала работника.

Для инновационной деятельности и реализации конкурентных преимуществ требуется определенная материальная база предприятий и организаций. Анализ технической и

технологической оснащенности рабочих мест показывает, что новым импортным оборудованием оснащено 31,8 % рабочих мест; устаревшим импортным — еще 17,6 %. Новое отечественное оборудование занимает всего 4,6 % рабочих мест; к нему можно добавить 6,8 % устаревшего. В целом это отражает глобальную экономическую ситуацию и разрушенное станкостроение в стране. Вместе с тем санкции Запада требуют решения данного вопроса в рамках стратегии научно-технологического развития страны.

В постановке задач мы отмечали решающий фактор в управлении человеческими ресурсами в организации, которым является избранная стратегия. Анализ данных основных пяти ее содержательных направлений (факторов) в отношении молодых работников в организациях оценивался по десятибальной шкале. Построенная иерархия по массиву отражает дихотомию вопроса, с исключением средних значений шкалы (4 и 5 балльных оценок) для получения значимой разности между факторами. В результате были получены следующие ранги:

1. Характер труда в организации — 6,00 балла

- обычно используются трудозатратные и традиционные (устаревшие) технологии — 20,1 % ответов, средний бал — 2,85;
- обычно используются лучшие и наиболее эффективные на российском рынке технологии — 46,2 % ответов, средний балл — 8,30.

2. Оплата труда — средняя оценка по шкале 5,21 балла

- базируется только на заработной плате — 35,6 % ответов, средний балл — 1,99;
- дополняется премиями, дивидендами, приобретением акций — 39,6 % ответов, средний балл — 8,37.

3. Основной подход к персоналу — 5,02 балла

- малые инвестиции в подготовку квалифицированных кадров — 33,3 % ответов, средний бал оценки — 2,37.
- крупные инвестиции в привлечение, подготовку и сохранение кадров — 30,6 % ответов, средний бал оценки — 8,19.

4. Делегирование полномочий подчиненным — 4,83 балла

- практика низкая, руководство само принимает все важные решения — 37,4 % ответов, средний балл оценки 2,39;
- практика высокая, полномочия делегируются на уровень линейный, бригадный — 28,5 % ответов, средний бал оценки — 8,09.

Анализ измерений показывает, что в экономике Тюменской области наиболее положительным отраслевым фактором, со значительным отрывом, является нацеленность на использование лучших и наиболее эффективных на российском рынке технологий. Менее удовлетворительным, и именно в стратегии развития человеческих ресурсов организаций и, следовательно, конкурентоспособности, является их недостаточное участие в управлении производством.

Еще одним значимым фактором управления и развития человеческих ресурсов организации является политика формирования деловой карьеры молодежи, ее продвижения и поощрения. Основных положительных индикаторов продвижения по карьерной лестнице здесь три: наиболее способные и трудолюбивые (31,4 %); по результатам труда (11,7 %); в зависимости от конкретной ситуации (22,2 %). В целом эти индикаторы могут рассматриваться как объективные факторы формирования деловой карьеры конкурентоспособной молодежи и охватывают 65,3 % ответов опрошенных. Все же 13,7 % опрошенных считают, что продвигают только лояльных к руководству. Еще 7,3 % — уклонились от ответа.

Таким образом, выявленный феномен конкурентоспособности молодых работников и проведенный анализ причинно-следственных связей этого явления указывают на отсутствие системного оповещения потребностей организаций в кадрах в рамках стратегии управления конкурентными ресурсами на уровне областного (отраслевого) рынка труда и накопления соответствующего человеческого капитала. На первом плане фигурируют

СМИ и Интернет, а также родственники, знакомые и вузы. Центры занятости и кадровые агентства, по мнению респондентов, существенной роли не играют. Не организована и селекция конкурентоспособной молодежи, поскольку более половины респондентов получали отказ в приеме на работу по причине отсутствия требуемого опыта или работы по полученной профессии.

Как мы выяснили, человеческая размерность понимания конкурентоспособности молодыми работниками обладает глубокими национальными чертами и ценностями, где на первом месте стоят трудолюбие, профессионализм и талант. Как правило, значительное большинство конкурентоспособных молодых работников владеют смежными профессиями и возможностью повышения квалификации. Принципиальный стратегический фактор устойчивости конкурентоспособности у половины опрошенных — краткий двухлетний временной лаг после последнего повышения профессиональной квалификации, что является объективной базой высокой инновационной активности работников в организациях. Наконец, реализация стратегической политики организаций и предприятий, по накоплению и реализации конкурентоспособных качеств и ресурса работников, выявлена в следующих основных направлениях (по степени уменьшения значимости): продвижение по службе, деловая карьера, характер организации труда, оплата труда, делегирование полномочий. Вместе с тем отмечается в целом низкий уровень реализуемости и устойчивости стратегии. Почти половина опрошенных считают, что не обладают достаточным количеством необходимых компетенций и навыков для успешной конкуренции. Только одна треть респондентов считают выбор данной профессии окончательным, что является, по нашему мнению, достаточно критической оценкой реализуемых организациями стратегий со стороны большинства молодых работников, поскольку основным современным мировым трендом является обучение «своих» работников новым профессиональным компетенциям.

Библиографический список

1. Barney J. Firm Resources and Sustained Competitive Advantage // *Journal of Management*. – 1991. – Vol. 17, № 1. – P. 99–120.
2. Беков Х. А. Российские проблемы с позиции теории человеческого капитала // *ЭКО*. – 2002. – № 7.
3. Wang H. Theories for competitive advantage. – Available at: http://eurekaconnection.files.wordpress.com/2014/02/p-33-43-theoriesof-competitive-advantage-theori-ebook_finaljan2014-v3.pdf.
4. Власюк Г. В. Конкурентоспособность. Социологический аспект: моногр. – М.: Научные технологии, 2013. – 166 с.
5. Власюк Г. В. Конкурентоспособность: социологический подход // *Преподаватель XXI век*. – 2013. С. 364–383.
6. Глазьев С. Мировой экономический кризис как процесс смены технологических укладов // *Вопросы экономики*. – 2009. – № 3.
7. Gratton L., Hope-Hailey V., McGovern P., Stiles Ph. Soft and Hard Models of Human Resource Management: A Reappraisal. – Available at: https://www.researchgate.net/publication/38176140_Soft_and_Hard_Models_of_Human_Resource_Management_A_Reappraisal.
8. Крутий И. А., Красина О. В. Человеческий капитал: эволюция представлений // *Социологические исследования*. – 2007. – № 8. – С. 127–130.
9. Лисовский В. Т. Ценности жизни и культуры современной молодежи (социологическое исследование) // *Тугариновские чтения. Материалы науч. сессии. Серия «Мыслители»*. – Вып. 1. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. – С. 40–44.
10. Социетальность инноватики: коллективная моногр. – Тюмень: Издательство Тюменского гос. ун-та, 2014. – 352 с.

11. Шафранов-Кучев Г. Ф., Толстогузов С. Н. Профориентационные практики вуза: моногр. – М.: Логос, 2014. – 196 с.
12. Щетинин В. Человеческий и вещественный капитал: общность и различие // МЭМО. – 2003. – № 8. – С. 55.

Сведения об авторе

Мельник Владимир Владимирович,
д. филос. н., профессор кафедры общей и экономической социологии, Тюменский государственный университет, г. Тюмень, тел. 89220769615,
e-mail: v_v_melnik@mail.ru

Information about the author

Melnik V. V., Doctor of Philosophy,
Professor at the Department of General and Economic Sociology, Tyumen State University, phone: 89220769615, e-mail: v_v_melnik@mail.ru

УДК 316.614

**МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА
СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ**
MODEL OF FORMING THE STUDENT YOUTH' PROFESSIONAL POTENTIAL

Н. А. Ткачева, А. Б. Фокина
N. A. Tkacheva, A. B. Fokina

Ключевые слова:

студенческая молодежь; профессиональный потенциал; общество риска; образовательное пространство

Key words:

student youth; professional potential; risk society; educational space

Для существующей действительности характерны существование и постоянное воспроизводство рисков, связанных с профессиональным развитием будущих специалистов. Современное общество, характеризуемое У. Беком, Г. Бехманном, В. И. Чупровым, Ю. А. Зубок [1, 2, 10] как общество риска, постоянно меняется, в связи с чем могут оказаться невостребованными профессиональные знания, умения, навыки, формируемые на текущем этапе образовательной деятельности студентов. Выход из сложившейся ситуации видится в непрерывном развитии профессионального потенциала студенческой молодежи.

Молодежь характеризуется В. Т. Лисовским [7] как поколение молодых людей, проходящих этап вторичной социализации и усваивающих некоторые образовательно-профессиональные, адаптивные, социальные, и трудовые функции. Как этап жизненного цикла молодость биологически универсальна. Возрастная граница молодежи, привязанный к ней статус в обществе, социально-психологическая уникальность детерминированы историческими условиями и доминирующими в обществе институтами, государством, нормами, определяются типом иерархической социализации и политическим режимом.

По мнению Е. А. Бинеевой, Т. Д. Косинцевой, А. А. Колтуновой [3, 5, 6] передовую часть молодежного сообщества составляет студенческая молодежь, как наиболее образованная и в интеллектуальном отношении более мобильная. Среди отличительных особенностей молодых людей выделяются уверенность в себе, мобильность, целеустремленность, стремление к переменам, жажда чего-то нового.

Следует отметить, что формирование профессионального потенциала именно сту-

денческой молодежи связано также с присущим ей индивидуализмом как стремлением развить свою личность в морально-нравственном, интеллектуальном отношении и профессиональном становлении. Индивидуальная система, наполненная ценностями, в сознании молодых людей определяет важность личности в зависимости от степени реализации ее устремлений [9].

Известно, что молодежи, как социальной категории, а в особенности студенческой, присущи такие сущностные характеристики, как гибкость и способность воспроизводить социальную структуру общественных взаимодействий нынешних и предшествующих поколений и изменять ее посредством реализации потенциальных сил.

Вместе с тем как субъект общественных преобразований современная российская молодежь, по мнению исследователей, не проявляет интереса к тому, что выходит за пределы личной жизни, не видит смысла в социальной активности и развитии профессионального потенциала. Это приводит к узости социально-инновационной деятельности и деловой активности работающей молодежи в сфере производства [4].

В то же время сегодня отмечаются тенденции к росту активности реализации профессионального потенциала молодежи, проявляющиеся в развитии молодежных объединений, в участии в социальных проектах и инициативах, в различных формах самоуправления. Молодые люди предпринимают попытки объединения и отстаивания права на существование своих взглядов, способов поведения. Возросшая социально-политическая активность молодежи может рассматриваться и как ответ на отсутствие реальных социальных лифтов. Однако именно социальная активность позволяет представлять молодежь в качестве социального, политического и экономического ресурса модернизации отечества.

При грамотном формировании профессионального потенциала студенческой молодежи она способна не только адаптироваться к изменяющимся окружающим явлениям, но и совершенствоваться, позитивно преобразовывать социальную реальность в соответствии с современными условиями, тем самым запуская и реализуя механизмы своей профессиональной активности.

Особенности формирования профессионального потенциала студенческой молодежи нашли отражение в модели (рисунок).



Рисунок. *Модель формирования профессионального потенциала студенческой молодежи*

Модель разработана на основе концепции единичного действия Т. Парсонса, где основные контуры схемы были предложены Дж. Тернером.

Первый элемент запуска активности в формировании профессионального потенциала — это сами молодые люди, обладающие определенными потребностями, способностями, взглядами и ценностями. Действие побуждается потребностью молодежи, то есть внутренним импульсом активности, его энергетическим источником.

Второй структурный элемент — это цель, представляющая ожидаемый результат активной образовательной деятельности, когда потребности находят удовлетворение, способности — применение, а ценностные противоречия и несоответствия снимаются.

Согласно полученной модели, третий и четвертый элементы запуска активности в формировании профессионального потенциала отражают условия социальной реальности, в которых молодые люди стремятся к достижению цели: неконтролируемые (неподвластные молодежи) и контролируемые.

Неконтролируемые условия представляют собой внешние, независимые от молодых людей обстоятельства (в определенный момент социальной реальности):

- материально-технические, природные, вещественные и другие (в том числе интеллектуальные способности молодых людей, их генетические особенности, природно-климатические условия, финансово-материальные возможности). Следует заметить, что условия изначально имманентно содержат в себе определенный более или менее ограниченный набор различных вариантов, средств, способов достижения цели;
- принятые в социальном окружении правила, нормы, культурные традиции, определяющие, каким образом следует удовлетворять потребность, какие средства следует применить для достижения цели.

Контролируемые элементы непосредственно обусловлены пристрастиями, желаниями, жизненными притязаниями молодых людей, отражают их способности и потребности. Данные элементы представляют собой самостоятельно отобранные молодежью методы, средства, тактику действий для достижения цели.

В то же время в современном российском обществе сформировались завышенные ожидания в реализации своего потенциала выпускников школ и студенческой молодежи, стремящихся с помощью высшего образования занять более высокую по сравнению с их родителями социальную позицию. В значительной степени это обусловлено и возросшей стратифицированностью образовательного пространства, когда различные сегменты образования приносят разную отдачу от вкладываемых инвестиций. Скрытое неравенство образования усиливает риски формирования и использования профессионального потенциала молодежи [8].

В заключение отметим, что внешние условия являются предпосылкой, возможностями и угрозами для формирования профессионального потенциала студенческой молодежи, в то время как культурные символы, нормы и традиции — некий «банк идей» о способах и целях, направлениях активной деятельности по формированию профессионального потенциала. Вместе с тем нельзя не признать, что риски в формировании и использовании профессионального потенциала студенческой молодежи снижают эффективность образования как вида инвестиций в будущее, поскольку они нередко лишают будущего специалиста возможности осуществлять трудовую деятельность в рамках полученной специальности, а также не гарантируют достойной оплаты труда и престижной социальной позиции. Это приводит не только к необходимости непрерывного образования (второго высшего, повышения квалификации), но и провоцирует стремление к формальному получению диплома как некоего гаранта трудоустройства.

В свете сказанного в современном образовании целесообразно учитывать предлагаемую модель при формировании профессионального выбора и активности в формировании профессионального потенциала студенческой молодежи. Именно в условиях образовательного пространства высшей школы, которое призвано, с одной стороны, отли-

чатся мобильной способностью приспособления к мировым тенденциям, с другой — адаптироваться к социально-экономическим потребностям региона, обеспечивается развитие профессионального потенциала молодых.

Библиографический список

1. Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с.
 2. Бехманн Г. Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний. – М.: Логос, 2010. – 247 с.
 3. Бинева Е. А. Творческая составляющая досуга студенческой молодежи как среда формирования креативного класса // Материалы Всеросс. науч.-практ. конф. «Молодежное самодеятельное творчество: проблемы, пути, перспективы» (21 апреля 2011 г.). – Тюмень, 2011. – С. 101–104.
 4. Колтунова Ю. И. Трудности, возникающие перед выпускниками вузов, на разных этапах трудоустройства // Проблемы формирования единого пространства экономического и социального развития стран СНГ: Материалы ежегодной междунар. науч.-практ. конф. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2014. – С. 122–125.
 5. Косинцева Т. Д. Формирование ценностных ориентаций студенческой молодежи. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2007. – 176 с.
 6. Косинцева Т. Д., Колтунова А. А. Жизненный мир российской студенческой молодежи // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2017. – № 2. – С. 76–82.
 7. Лисовский В. Т. Что значит быть современным. – М.: Наука, 1980. – 210 с.
 8. Ткачева Н. А., Бессонова А. С. Коммуникативная компетентность у участников образовательного процесса как фактор развития образовательной системы // Демократия и гражданские инициативы в глобальном мире. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2012. – С. 172–173.
 9. Хайруллина Н. Г., Юмачикова Ю. Р. Региональный университет в условиях модернизации образования. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2004. – 52 с.
 10. Чупров В. И., Зубок Ю. А., Уильямс К. Молодежь в обществе риска. – М., 2001. – 576 с.
-

Сведения об авторах

Ткачева Нина Алексеевна, д. социол. н., профессор кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, тел. 8(3452)683446

Фокина Анна Борисовна, соискатель кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, тел. 8(3452)683446, e-mail: fokinaab@tyuiu.ru

Information about the authors

Tkacheva N. A., Doctor of Sociology, Professor at the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen, phone: 8(3452)683446

Fokina A. B., Postgraduate at the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen, phone: 8(3452)683446, e-mail: fokinaab@tyuiu.ru

УДК 316.7

ПРОБЛЕМЫ ВОСПРИЯТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕВИАЦИИ СРЕДИ МОЛОДЕЖИ
PROBLEMS OF THE PERCEPTION OF SOCIAL DEVIANCY AMONG YOUTH

С. В. Толмачева, А. А. Колтунова
S. V. Tolmacheva, A. A. Koltunova

Ключевые слова:

социальная девиация; молодежь; общество; социологические исследования молодежи

Key words:

social deviation; youth; society; sociological studies of youth

В настоящее время в связи с активизацией в российском обществе протестных настроений и акций политического характера, в которых существенную роль играет молодежь, особое внимание в исследовательском сообществе стало уделяться изучению различных аспектов деятельности именно данной социально-демографической группы. Результаты проведенных исследований достаточно интересны и одновременно противоречивы.^{1 2 3}

Чаще всего академическая наука рассматривала российскую молодежь как объект исследования, так как именно данная когорта исследователей в силу своих знаний понимала значение молодежи как социально-демографической группы для дальнейшего развития общества [2, 4]. Со стороны прикладной науки, по заказу бизнеса, молодежь рассматривалась скорее как будущий потребитель экономических благ и услуг. В прикладных исследованиях изучались те аспекты, которые помогали сформировать идеального потребителя. Однако протестная активность молодежи весной — летом 2017 года заставляет властные структуры обратить внимание на эффективность формирования молодежной политики в России. А для этого необходимо знать объект, на который осуществляется воздействие.

Одним из аспектов исследования молодежи является ее склонность к девиантному поведению, то есть поведению, выходящему за пределы социальных норм, общепринятых данным обществом правил взаимодействия. В «Философском энциклопедическом словаре» предложено следующее определение: «Девиантное поведение — отдельные поступки или система поступков, противоречащие принятым в обществе правовым или нравственным нормам: преступность и уголовно наказуемое поведение» [6]. Данное определение не может являться полным, так как под девиацией понимается все отклоняющееся от социальных норм поведение. А оно, в свою очередь, может привести не только к противоправным преступным наказуемым и ненаказуемым поступкам, но и к позитивным девиациям (научному, техническому, художественному творчеству) [1]. Негативная девиация, противоправное поведение, преступные поступки изучаются достаточно давно. Данной проблематике посвящено много исследований в области разных на-

¹ Исследование Сбербанка: 30 фактов о современной молодежи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.sberbank.ru/ru/person/familybank?utm_source=sl (дата обращения: 01.06.2017).

² Крутов М. Тихий бунт поколения «Z» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.svoboda.org/a/28398182.html> (дата обращения: 01.06.2017).

³ Поколение Y и Поколение Z в поиске собственных мест под Солнцем. Обзор основных исследовательских выводов и гипотез об особенностях, ценностях и жизненных стратегиях молодежи [Электронный ресурс]/Фонд «Петербургская политика». – Режим доступа: <https://fpp.spb.ru/fpp-pokolenie-xyz> (дата обращения: 01.06.2017).

ук, в том числе и социологии. Позитивная девиация осталась за рамками рассмотрения социологической науки, хотя без нее невозможно развитие общества. Новые открытия, изобретения невозможны без ревизии, иногда без отрицания норм и правил социума. Выйти за рамки норм и правил для поиска пути общественного развития, прогресса социума невозможно без девиантного поведения. Однако даже позитивная девиация не перестает оставаться девиацией, когда подвергаются сомнению общепринятые нормы и правила, то есть возникает опасность дестабилизации общества. В социуме должен существовать баланс девиантного и недевиантного поведения его членов. Таким образом, под социальной девиацией можно понимать поступки или систему поступков, противоречащих общепринятым в обществе правовым и нравственным нормам. При проведении социологического исследования в среде молодежи мы воспользовались этим утверждением.

Исследование социальной девиации в молодежной среде, проведенное нами в Тюмени в 2017 году, носило скорее разведывательный характер, позволяющий отработать инструментарий и уточнить гипотезы будущего, уже более масштабного социологического исследования. Данное исследование выявило проблему восприятия самого термина «девиация». В молодежной среде трудности восприятия девиации особенно заметны. Активный процесс социализации, формирования мировоззрения, изменения ценностных ориентаций не мог не повлиять на полученные результаты. Девиантное поведение воспринималось молодыми людьми как «отклоняющееся», чаще всего ассоциировалось со словом «плохое». То есть позитивное значение социальной девиации молодежью не рассматривалось. Для уточнения термина «девиантное поведение» в феврале 2017 года было проведено анкетирование среди старшеклассников, которые, в силу того что активно и целенаправленно изучают дисциплину «Обществознание» (необходимость участия в Едином государственном экзамене), могут выступать экспертами. В опросе приняли участие 51 человек, которые обучаются в старших классах общеобразовательных школ города Тюмени.

Респондентам было предложено дать неформальное определение (своими словами) термина «девиантное поведение». Предполагалось, что открытый неформализованный вопрос позволит лучше узнать о проблеме восприятия термина, получить репрезентативный результат. Суммируя ответы, можно отметить, что 76,5 % респондентов считают девиантным поведение, которое отличается от поведения общества. Почти 21,6 % опрошенных ответили, что девиантное — это невоспитанное поведение. Косвенно, из результатов опроса следует, что девиация противоположна воспитанию, а воспитание — это следование нормам и правилам поведения в обществе. И для противодействия девиантному поведению нужно усиливать воспитательные функции общественных институтов. Почти 11,8 % старшеклассников отмечают под девиацией исключительно алкоголизм, наркоманию и курение. Как следует из ответов респондентов, большинство все же оставляет возможность понимания под девиацией не только отрицательного, но и позитивного социального действия.

По мнению 72,6 % респондентов девиантное поведение может быть как негативным, так и позитивным. 21,5 % опрошенных считают, что оно носит только негативный характер. Нейтральность девиантного поведения, никак не влияющего на жизнь общества, отметили 5,9 % старшеклассников. Отрицание части респондентов какого-либо влияния на них и окружающий мир характерно для исследования в молодежной среде, что было подтверждено данным опросом.

Опираясь на классификацию, предложенную Н. В. Майсака, в экспертном опросе респонденты должны были отметить виды поведения, которые можно отнести к девиантному [3]. Более половины респондентов отметили убийство, воровство и наркоманию как девиантное поведение. Распределение ответов старшеклассников позволяет выделить значимые виды девиации (отметили более трети опрошенных), такие как сквернословие, алкоголизм и курение. Анализируя ответы респондентов, можно отметить, что такие по-

зитивные социальные девиации как перфекционизм, современное искусство, изобретательство относят к социальной девиации только четверть старшеклассников. При этом предложенная классификация видов девиантного поведения в опросе служила своеобразной подсказкой для респондентов, расширяла понимание социальной девиации.

Проведенный опрос показал, что молодые люди правильно истолковывают термин «девиантное поведение», но не могут точно определить его виды. Вновь нашло подтверждение положение о преимущественно одностороннем восприятии молодежью девиантного поведения как негативного, отклоняющегося, порицаемого. Позитивная социальная девиация не рассматривается как значимая большей частью молодых людей, при этом они знают о возможности данных видов девиации в обществе.

Таким образом, социологическое исследование основных аспектов восприятия социальной девиации молодежью выявило, что прогноз развития российского общества при сохранении существующей позиции отношения властных органов к молодежной политике в обществе не может являться позитивным. Исследование подтвердило актуальность проблем наркомании, алкоголизма, курения, правового нигилизма в молодежной среде. Все это способствует деградации общества при недостаточном внимании к проблемам формирования эффективной молодежной политики [4].

Позитивное девиантное поведение не рассматривается как значимое в современной молодежной среде. Девиация ассоциируется у молодежи только с негативным, общественно порицаемым явлением. Однако именно социальные позитивные девиации можно назвать двигателем прогресса социума. Отклоняющееся поведение в позитивном аспекте дает возможность находить новые решения стоящих перед обществом проблем [5]. Без позитивной девиации социум может прийти к деградации. Поэтому важно в рамках молодежной политики государства, местной власти, таких общественных институтов как образование, семья, формировать и развивать позитивную социальную девиацию в молодежной среде.

Библиографический список

1. Гилинский Я. И. Социология девиантности (новеллы и перспективы) // Социологические исследования. – 2009. – № 8. – С. 70–73.
2. Луков В. А. Концептуализация молодежи в XXI веке: новые идеи и подходы // Социологические исследования. – 2012. – № 1. – С. 5–16.
3. Майсак Н. В. Проблема систематизации девиантного поведения // Астраханский медицинский журнал. – 2011. – Т. 6, № 2. – С. 85–89.
4. Содержание молодежной политики как фактор формирования ценностных ориентаций в процессе социализации личности / О. А. Плугарь [и др.] // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2. – С. 681.
5. Social Technologies as an Instrument for the Modernization of Social Space in the Social and Labor Sphere / L. M. Gaisina [and etc.] // Biosciences Biotechnology Research Asia. – December, 2015. – Vol. 12 (3)/ – P. 2947–2958.
6. Философский энциклопедический словарь. – М.: ИНФРА-М, 2006. – 576 с. _____

Сведения об авторах

Толмачева Светлана Владимировна, д. социол. н., профессор кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, тел. 89123825381, e-mail: svtolm@gmail.com

Information about the authors

Tolmacheva S. V., Doctor of Sociology, Professor at the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen, phone: 89123825381, e-mail: svtolm@gmail.com

Колтунова Арина Анатольевна, аспирант кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, тел. 89091804616, e-mail: koltunova_blin@yahoo.com

Koltunova A. A., Postgraduate at the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen, phone: 89091804616, e-mail: koltunova_blin@yahoo.com

УДК 316.356.2

**СЕМЬЯ КАК ФАКТОР ПОСТТРУДОВОЙ АДАПТАЦИИ
РОССИЙСКИХ ПЕНСИОНЕРОВ**
FAMILY AS A FACTOR OF RUSSIAN PENSIONERS' POSTWORKING
ADAPTATION

С. Ю. Тумакова
S. Yu. Tumakova

Ключевые слова:

геронтосоциология; пенсионеры; пожилые люди; посттрудовая адаптация; выход на пенсию; семья

Key words:

gerontosociology; pensioners; elderly; postworking adaptation; retirement; family

Увеличивающаяся в XXI веке продолжительность жизни человека позволяет надеяться на длительный период активной жизни после выхода на пенсию. Женщины, выйдя на пенсию в возрасте 55 лет в 2014 году, могут прожить еще почти 26 лет, а ожидаемая продолжительность жизни у мужчин, которые в 2014 году отметили свое 60-летие, составляет 16 лет¹. Умение наполнить эти годы жизни интересным и общественно полезным содержанием — важный критерий успешной адаптации.

Адаптация к пенсионному периоду жизни (посттрудовая адаптация) — одна из актуальных проблем геронтосоциологии. Выход на пенсию несет значительные изменения для социального статуса и жизненной ситуации пожилого человека, требующие перемены отношения к окружающей среде, самому себе (аутоадаптация), поиска новых возможностей и путей проявления активности личности в различных сферах. Вышедший на пенсию человек сталкивается с многочисленными проблемами в различных сферах жизнедеятельности.

Важную роль в процессе адаптации к пенсионному периоду жизни играет семья как социальный институт и малая социальная группа. Возникнув около 500 тыс. лет назад, семья была доминирующим институтом в первобытном обществе, и в настоящее время ее значение очень велико для людей любого возраста. Оставляя профессиональную деятельность по причине выхода на пенсию, пожилой человек перемещает свою активность в другие сферы — семейную, культурную, досуговую. Дистанцирование пенсионеров от трудового коллектива, других социальных групп компенсируется в сфере семейных взаимодействий [3].

Выход на пенсию в нашей стране не предполагает коренных изменений в пространстве семьи, как в Австрии и Германии XIX века, когда пожилой глава семьи, сложив с себя полномочия, переселялся жить в отдельное помещение или в дом на окраине посе-

¹ *Социальное положение и уровень жизни населения России. 2015: стат. сб. Росстат. – М., 2015. – 311 с.*

ления [5]. В те времена статус индивида в основном определялся по способу владения домом, поэтому сопровождавшийся традиционным «стариковским выделом» уход от дел означал существенное понижение социального статуса. В наше время выход на пенсию — проявление нисходящей социальной мобильности, однако кардинальных перемен в семейной жизни не происходит.

Для лиц старших возрастных групп значимыми являются роли бабушек и дедушек, особенно в неполных семьях, в ситуациях, где мать вынуждена работать. Общение с внуками, уход и присмотр за ними — предпочитаемая практика межпоколенных взаимодействий и самый распространенный вид оказываемой пожилыми людьми помощи [9].

Деятельность пенсионеров в семейно-бытовой сфере выступает важным показателем их социальной активности. С древнейших времен сложился следующий порядок взаимодействия пожилых людей в семье: «старики обычно оставались в семье и, уступая отцам и матерям семейств бразды правления, приносили большую пользу как по хозяйству, так и в особенности по воспитанию детей, а также по поддержанию спасительных обычаев-ритуалов. А заодно автоматически обеспечивали себе единственно возможное человеческое счастье на старости лет» [2]. Прежде пожилые люди имели ряд социально закреплённых за ними общественно полезных функций, обеспечивающих высокий статус и престиж. В современном обществе отсутствуют четко прописанные ролевые требования к представителям старшего поколения, в результате чего те оказываются исключёнными из общественной жизни. Семья продолжает оставаться одной из немногих сфер жизнедеятельности, в которых высоко значение лиц пенсионного возраста. Роли мудреца-аксакала, жреца племени с развитием общества оказались утраченными, но в семейной жизни пожилые люди остаются хранителями традиций и исполняют значимые для них самих, других членов семьи и всего социума роли родителей, бабушек и дедушек. Занимаясь с внуками, пожилые люди обеспечивают родителям детей отдых для нового трудового дня, освобождают молодых родителей от необходимости брать бюллетень по уходу за ребенком в случае болезни последнего, незаметно способствуя полноценному трудовому вкладу молодых профессионалов в экономику. Так находит воплощение особая функция пожилой семьи — воспроизводство рабочей силы. Об особой роли бабушек говорил еще советский демограф Б. Ц. Урланис, отмечая, что своим домашним трудом бабушка способствует укреплению и «цементированию» семейных традиций [11]. Взаимопонимание между старшим и молодым поколениями, их взаимопомощь способствуют укреплению семейных связей, стимулируют повышение рождаемости. Продолжая выполнять привычные обязанности домохозяйки, матери, бабушки, женщины легче адаптируются к пенсионному периоду жизни.

Активные представители старших возрастных групп могут брать на себя обязанности хранителей рода, поддерживая связи с отдаленно проживающими членами семьи и семейные традиции празднования знаменательных дат и достижений, сохраняя семейную историю [7]. Разрыв поколений, ликвидация традиционных ценностей, спровоцированные резким увеличением скорости социальных изменений, могут упраздниться в процессе совместного времяпровождения бабушек и дедушек вместе с детьми и внуками, что способствует укреплению уважительного отношения к лицам «третьего» возраста, обеспечивает передачу детям семейных традиций, формируют их семейную идентичность [7]. Исполняя роли бабушек/дедушек, представители старшего поколения реализуют образовательную, социализирующую, досуговую и другие функции пожилой семьи.

Таким образом, можно выделить три сферы адаптации пенсионеров в пространстве семьи: хозяйственно-бытовая, компенсирующая работу в трудовом периоде жизни; деятельность, связанная с воспитанием внуков; сохранение семейных традиций и истории.

Одной из новых значимых функций пожилой семьи является адаптационная. Неспособность адаптации к изменениям в условиях существования, связанным с выходом на пенсию, влечет определенный стиль поведения, негативно воспринимаемый младши-

ми возрастными группами, что является причиной трудностей, возникающих в межпоколенческих взаимодействиях. Неуважение к пожилым людям препятствует успешному протеканию адаптации и заметно ухудшает качество жизни представителей старшего поколения.

Большое значение для процесса успешной социальной адаптации к новому пенсионному статусу играет микроклимат в семье — благоприятные отношения, атмосфера взаимопонимания служат в качестве адаптаторов (термину предложен Л. В. Корель [7]). Конфликтная, напряженная обстановка в семейной сфере выступает стрессовым фактором, ингибитором процесса адаптации, препятствует ее успешному протеканию и ухудшает социальное самочувствие пожилых граждан. Наиболее часто наблюдаются конфликты отцов и детей из-за различных ценностных ориентаций молодого и старшего поколений. Однако опыт пенсионеров остается востребованным: представители молодого поколения отметили, что хотели бы получить от пожилых людей совет по важным жизненным вопросам [1]. Именно в семье происходит определенная часть действий (или бездействий), наносящих вред пожилым людям и проявляющихся в жестоком обращении, а также в игнорировании, отсутствии заботы [10]. Низкий статус пожилого человека в современном обществе не обеспечивает удовлетворительный размер дохода, способствует исключению из социетального образа жизни и провоцирует негативное и насильственное отношение к пожилым людям.

Семья играет определенную роль в социальной инклюзии пожилого человека в общественную жизнь, способствуя преодолению связанного с выходом на пенсию адаптационного кризиса. Интересно, что лишь семейные пожилые люди занимаются спортом, заботясь о здоровье, одинокие пенсионеры почти не занимаются спортом [8]. Пожилые супруги имеют более высокий доход [14], более удовлетворены жизнью [13], меньше нуждаются в медицинской поддержке [12], чем одинокие.

Трансформация пожилой семьи из фазы «полного гнезда» в фазу «пустого гнезда», где дети, взрослея, создают собственные отдельно проживающие семьи, вынуждает родителей пенсионного возраста адаптироваться к этой перемене. В таком случае изменившаяся семья выступает как объект адаптации, приспособление к которому требует специального рассмотрения. На стадии «опустевшего гнезда» родители возвращаются к ролям и интересам, лежащим за пределами родительства. Увеличивается значение супружеских отношений [4]. Социализирующая функция не утрачивается полностью с уходом детей из семьи, по нашему мнению, она видоизменяется — теперь семья выполняет функцию ресоциализации, помогая пожилым членам адаптироваться к выходу на пенсию и к новому статусу.

Гендерные особенности старения во всем мире, особенно в России, обуславливают многократное превалирование числа женщин над мужчинами. По мере увеличения возраста данное неравенство усиливается, что накладывает отпечаток на многие социальные отношения и характеристики лиц пожилого возраста. По причине повышенной смертности среди мужчин возросло число женщин, являющихся вдовами или овдовевших вскоре после выхода на пенсию. Накладывание друг на друга социальных потерь (работы и супруга) вынуждает женщин приспосабливаться сразу к двум новым социальным статусам (пенсионерки и вдовы), затрудняя процесс адаптации. Пожилые женщины зачастую берут на себя заботу о престарелых родителях (как собственных, так и о родителях супруга), а необходимость помогать в воспитании своих внуков позволяет рассматривать их в качестве «поколения сэндвич».

Влияет на процесс успешной адаптации к пенсионному периоду жизни и размер семьи. Большая, расширенная семья предоставляет пожилому человеку больше возможностей для общения, что является несомненным преимуществом в успешности процесса протекания социальной адаптации, поскольку при выходе на пенсию, прекращении профессиональной деятельности круг общения неуклонно снижается. Близкое окружение является источником самоидентификации, которая играет важную роль в механизме со-

циальной адаптации. Полное отсутствие или небольшое количество представителей ближайшего окружения у пожилого человека является — один из факторов-ингибиторов посттрудоустройственной адаптации.

Несмотря на то что численность пенсионеров, получающих пенсию по старости, увеличивается год от года, государственная политика в отношении пожилых семей ограничивается направленностью на поддержку домов престарелых. Появление во многих российских регионах новой формы социальной работы с пожилыми и престарелыми людьми — «приемная семья для пожилых людей» (Республика Башкортостан, Санкт-Петербург, Пермский край, Самарская, Новосибирская, Калужская, Кировская, Ростовская области, Ханты-Мансийский автономный округ и др.) [15] — способствует вовлечению пенсионера в круг межпоколенческих взаимодействий. Благоприятная психологическая обстановка приемной или патронатной семьи позволит улучшить жилищные и бытовые условия самого пожилого человека и тех лиц, которые будут за ним ухаживать. Данная мера социальной поддержки снизит нагрузку на дома престарелых, но вызовет проблемы адаптации к новой обстановке и незнакомым людям как у самого человека преклонного возраста, так и у его «приемной» семьи. Следовательно, необходимы дополнительные исследования положительных и отрицательных сторон данной инновационной формы социальной работы с пожилыми.

Семья как комплекс межпоколенческих взаимодействий оставляет для пожилых людей социально одобряемые роли бабушек и дедушек, которые являются значимыми для тех, несмотря на все материальные, возрастные и иные трудности. Пенсионеры справляются с «драмой не востребоваемости», видя свое продолжение во внуках. Во многих регионах (Республика Бурятия, г. Ростов-на-Дону, г. Туймазы и др.) возникла инновационная социальная услуга «Бабушка на час» [15]: пожилые люди проводят время с детьми (часто — с детьми-инвалидами), позволяя родителям отлучиться на несколько часов по делам. Особенно это важно для многодетных и неполных семей и самих пожилых людей, таким образом включающихся в жизнь социума.

Таким образом, ценность семьи возрастает по мере увеличения возраста индивида. Семья является основой ролевой самоидентификации, в пространстве семьи индивид получает возможности для общения, взаимной поддержки и самореализации. Все люди, независимо от возраста, испытывают потребность в принадлежности к некой социальной группе, в занятии определенной социальной позиции. Семья как социально-историческая общность людей, элемент социальной структуры общества может иметь амбивалентное значение для пенсионеров. С одной стороны, она служит источником напряжения, в том числе ролевого (когда человек вынужден сочетать роли профессионального работника и бабушки/дедушки), с другой — это мощный адаптационный фактор, выполняющий функции адаптации, рекреации и эмоциональной поддержки. Семья выступает в качестве пространства адаптации к пенсионному образу жизни, одной из сфер самореализации пожилых людей. Именно в семье наиболее часто происходит проведение свободного времени. Наиболее важны для пенсионеров компенсаторная и идентификационная функции семьи, выступающей референтной группой для представителей старшего поколения. Как социальный институт семья способствует сохранению стабильности и интеграции общества.

Библиографический список

1. Бендрикова А. Ю. Отношение к пожилым людям в Алтайском крае: результаты социологических исследований // Актуальные проблемы экономики и менеджмента. — 2015. — № 4 (08). — С. 115–121.
2. Бестужев-Лада И. В. Альтернативная цивилизация. — М.: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 1998. — 352 с.

3. Бухалова Н. А. Семья — основа бытия пожилого человека и гарант активной старости // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. – 2012. – № 2 (20). – С. 110–113.
4. Елютина М. Э. Супружеские отношения в пожилом возрасте // Социологические исследования. – 2010. – № 11. – С. 83–92.
5. Зидер Р. Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVIII–XX вв.). – М.: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 1997. – 302 с.
6. Корель Л. В. Социология адаптаций: Вопросы теории, методологии и методики. – Новосибирск: Наука, 2005. – 424 с.
7. Крайг Г., Бокум Д. Психология развития. – СПб.: Питер, 2008. – 940 с.
8. Николаева О. В. Пенсионеры современной России: региональные модели стиля жизни: дис. ... канд. социол. наук. – Казань, 2011. – 174 с.
9. Парахонская Г. А. Пожилой человек в семье // Социологические исследования. – 2002. – № 6. – С. 103–110.
10. Пучков П. В. Социальная защита геронтологической категории населения в обстоятельствах семейного геронтологического эбьюзинга // Вестник Саратовского государственного технического университета. – 2006. – № 2 (12), вып. 1. – С. 157–165.
11. Урланис Б. Ц. Бабушка в семье // Избранное. – М.: Мысль, 1985. – С. 217–221.
12. Чеканова Э. Е. Исследование социальной политики в отношении старения: контекстуальное направление социальной геронтологии // Инновационные формы социальной работы с пожилыми людьми: сб. науч. тр. – Балашов: Изд-во «Николаев», 2004. – С. 43–48.
13. Шапиро В. Д. Человек на пенсии: социальные проблемы и образ жизни. – М.: Мысль, 1980. – 208 с.
14. Щанина Е. В. Основные факторы трудовой активности пожилых людей // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2013. – № 1 (25). – С. 88–96.
15. Энциклопедия социальных практик поддержки пожилых людей в Российской Федерации / Под ред. Е. И. Холостовой, Г. И. Климантовой. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2015. – 552 с.

Сведения об авторе

Тумакова Симона Юрьевна, аспирант кафедры политологии, социологии и связей с общественностью, Уфимский государственный нефтяной технический университет, г. Уфа, тел. +79191408167, e-mail: Tumakova.Simona@gmail.com

Information about the author

Tumakova S. Yu., Postgraduate at the Department of Politology, Sociology and Public relations, Ufa State Petroleum Technical University, phone: +79191408167, e-mail: Tumakova.Simona@gmail.com

УДК 796.05

**СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ АУДИТОРИИ ТАНЦЕВАЛЬНОГО ФИТНЕСА
В КРУПНОМ ГОРОДЕ**
SOCIAL PORTRAIT OF THE DANCE FITNESS AUDIENCE IN A LARGE CITY

В. А. Шерегова
V. A. Sheregova

Ключевые слова:

социальный портрет; фитнес; танцы; спорт; типология; крупный город

Key words:

social portrait; fitness; dancing; sport; typology; large city

Набирающая в последнее время популярность танцевальных групповых программ в фитнес-индустрии может считаться положительной тенденцией, поскольку танцевальная форма занятий более благоприятна для здоровья человека, чем большие нагрузки в тренажерном зале или интенсивные групповые программы. Это связано с рядом преимуществ танцевальных программ, среди которых:

- равномерность нагрузки на все группы мышц, способствующая гармоничному физическому развитию;
- отсутствие необходимости использования дополнительных спортивных приспособлений и снарядов, что делает этот вид активности доступным и безопасным практически для всех категорий занимающихся;
- увлекательность тренировок;
- формирование мотивации к занятиям за счет желания совершенствования навыков танца;
- долгосрочный социально-психологический эффект, связанный с владением навыка, который может пригодиться за пределами фитнес-центра.

Являясь древнейшим способом самовыражения, танец представляет собой одну из наиболее естественных для человека форм двигательной и психоэмоциональной активности [3]. Его широкое распространение дополняет более общий тренд, уже длительное время существующий в развитом европейском и американском фитнесе, а в последнее время наблюдаемый и в нашей стране — переход от «фитнеса формы» к «фитнесу состояния». Особенность этого тренда — снижение значимости мотива телесного совершенствования в ходе тренировок и увеличение мотива психоэмоционального и интеллектуального развития от физической активности [2].

Современный фитнес представлен широким спектром танцевальных программ и программ с элементами танца: от высокоинтенсивных с динамической нагрузкой (zumba, бальные танцы, афро-пластика) до медленных и статичных (body ballet, стрип-пластика, role dance). Сегодня, по нашим оценкам, в Тюмени насчитывается более двух десятков видов фитнес-танцев, занятия которыми предлагаются в более чем 100 фитнес-центрах и танцевальных студиях города.

Получив широкое распространение, практика танцевальных направлений в фитнесе неизбежно сформировала специфическую аудиторию, понимание структуры которой важно с научно-практической точки зрения. Знание социально-демографических характеристик, а также моделей поведения этой группы потребителей фитнес-услуг может способствовать формированию стратегий привлечения населения к занятиям танцами, выработке практических рекомендаций для расширения существующей аудитории за счет других категорий посетителей фитнес-центров.

Сегодня свободный доступ к результатам исследований поведения потребителей на рынке фитнес-услуг ограничен. Большая их часть проводится локально, в маркетинговых целях на коммерческой основе [1]. Социологический анализ аудитории фитнес-центров можно встретить лишь в единичных публикациях. Посетители танцевальных направлений в фитнесе почти не рассматриваются как объект исследования.

В гуманитарных дисциплинах социальное портретирование используется для характеристики различных социальных групп. В научной литературе отсутствует единый подход к понятию «социальный портрет», также как отсутствует определенный набор индикаторов и показателей, при помощи которых можно было бы построить портрет любой общности. Это связано с объективным разнообразием социальных групп, их изменчивостью во временной перспективе. В то же время в социальный портрет почти всегда включаются социально-демографические характеристики изучаемой группы, которые дополняются специфическими особенностями, связанными с их основной деятельностью [4].

В настоящей работе для построения социального портрета клиентов фитнес-центров, посещающих танцевальные занятия, были использованы данные исследования,

проведенного весной 2017 года. Методом сбора информации выступил онлайн-опрос посетителей городских клубов. Объем выборки составил 389 человек, что для случайного типа отбора респондентов является достаточным для получения статистически достоверных выводов. Анализ данных осуществлялся в статистическом пакете IBM SPSS Statistics версии 22.

Одной из ключевых задач исследования являлось построение типологии посетителей фитнес-центров с точки зрения предпочитаемых ими видов занятий. Для этого был реализован иерархический кластерный анализ, позволивший выделить 6 типов клиентов фитнес-центров. В рамках статьи мы остановимся подробно на аудитории танцевального фитнеса, доля которой в общей структуре посетителей составляет 7,7 %. Этот тип мы условно назвали «танцоры». Важно отметить, что танцевальные программы — не единственный вид занятий, который посещают представители выделенной группы. Подавляющее большинство совмещают их с интенсивными групповыми занятиями либо мягким фитнесом, либо тренажерным залом.

Социально-демографические характеристики рассматриваемой категории респондентов показывают, что в основном это молодые девушки. Большинство из них указали на средний уровень своего дохода (73,1 %), а существенная часть считает его ниже среднего (19,2 %). Такие данные представляются закономерными, учитывая структуру занятости респондентов — половина опрошенных работает по свободному графику или получает профессиональное образование (рис. 1).

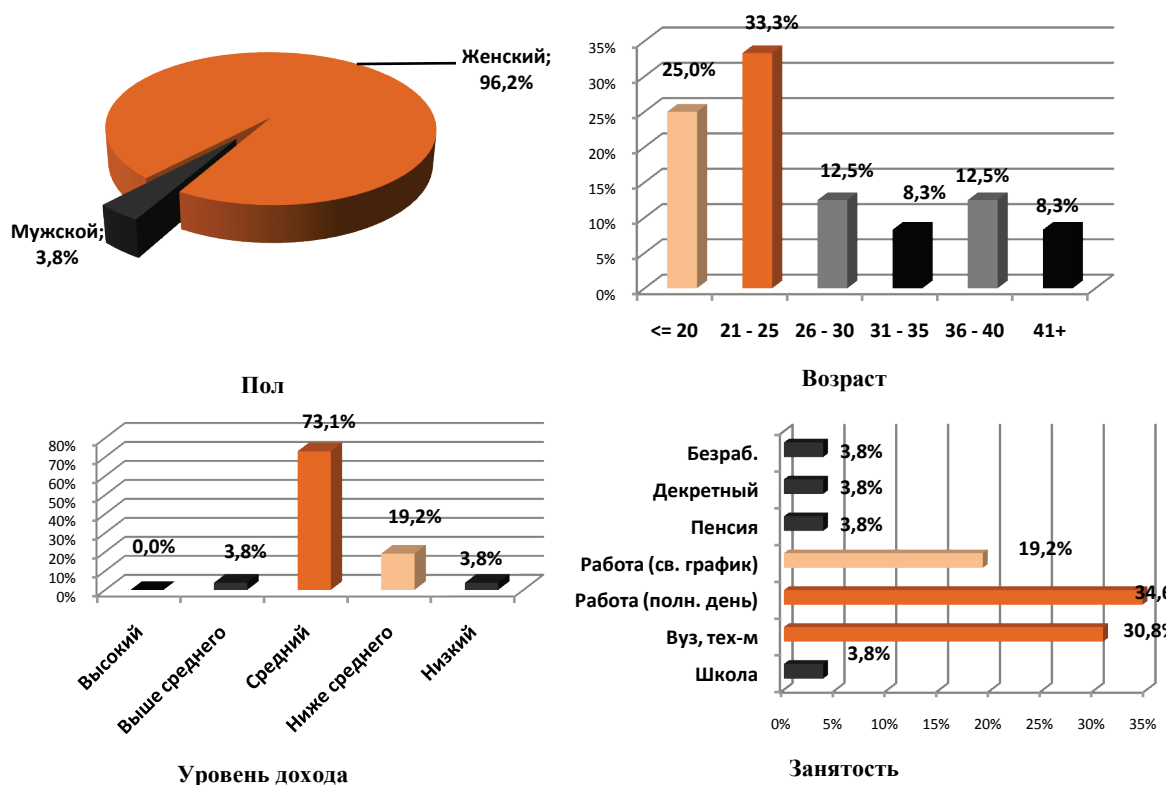


Рис. 1. Социально-демографические характеристики посетителей танцевальных программ фитнес-центров и танцевальных студий г. Тюмени

Отвечая на вопрос о мотивах посещения фитнес-центра, большинство респондентов указали на желание «получить привлекательную внешность, спортивную фигуру» — этот вариант отметили почти три четверти респондентов рассматриваемой группы

(73,3 %). На втором месте по популярности оказались мотивы, связанные с коррекцией своего веса и заботой о здоровье — каждый из этих вариантов выбрала половина опрошенных (50 %). Почти столько же человек отметили желание получить хорошее настроение и позитивные эмоции от занятий (46,7 %). Остальные предложенные респондентам мотивы были связаны с реабилитацией после болезни (травмы, декретного отпуска и т. д.), со способом занять свободное время, завести новые знакомства. Их отметили не более 10 % опрошенных. Также стоит отметить что варианты «занимаюсь спортом профессионально» и «сейчас это модно» (рассматриваемый вопрос анкеты был предложен в виде списка, из которого респонденту разрешалось выбрать несколько вариантов, поэтому общий итог составил более 100 %) не выбрал ни один респондент из рассматриваемой группы. Сопоставляя данные исследуемой группы с результатами по выборке в целом, можно отметить, что мотивы «танцоров» близки к усредненным показателям, хотя внутри групп отдельные мотивы могут существенно различаться.

Посещаемость фитнес-центров существенно варьируется в зависимости от времени года. Наибольший спрос на услуги отмечается в осенне-зимний и особенно весенний сезоны, а в летнее время, праздничные дни или каникулы наблюдается существенный отток потребителей фитнес-услуг [5]. Различная загруженность клубов наблюдается и в различные часы в течение дня. Вечером количество посетителей сильно возрастает, что сказывается на стоимости абонеента для тех, кто тренируется в это время.

Результаты проведенного исследования показали, что посетители танцевальных программ менее жестко привязаны ко времени посещения занятий, чем другие клиенты (рис. 2). Такая вариативность дает им определенные преимущества, которые проявляются в большей доступности тренировок и комфортных условиях пребывания в клубе.

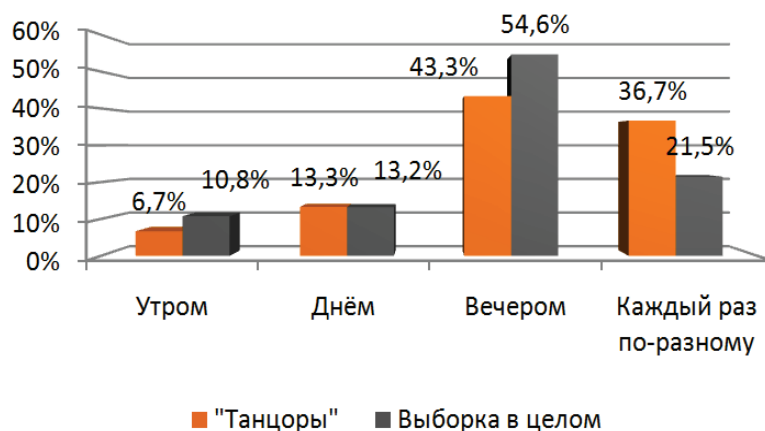


Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «В какое время, в основном, Вы посещаете фитнес-центр?»

Еще одной характеристикой, способной раскрыть особенности поведения клиентов фитнес-центра, является набор их требований к условиям в клубе. В одном из вопросов респондентам было предложено обозначить наиболее важные факторы, обуславливающие выбор фитнес-центра. Такие факторы, как «парковка», «количество посетителей», «комфорт раздевалки», «размер помещений», «работа обслуживающего персонала», для «танцоров» менее значимы, чем для остальных клиентов. В то же время «безопасность», «квалификация тренеров», «местоположение» клуба оказались для них более важными (рис. 3).

Приведенные данные показывают, что «танцоры» больше концентрируются на самих занятиях, чем на условиях пребывания в клубе. Они менее притязательны к бытовым условиям, однако организационные моменты для них важны.

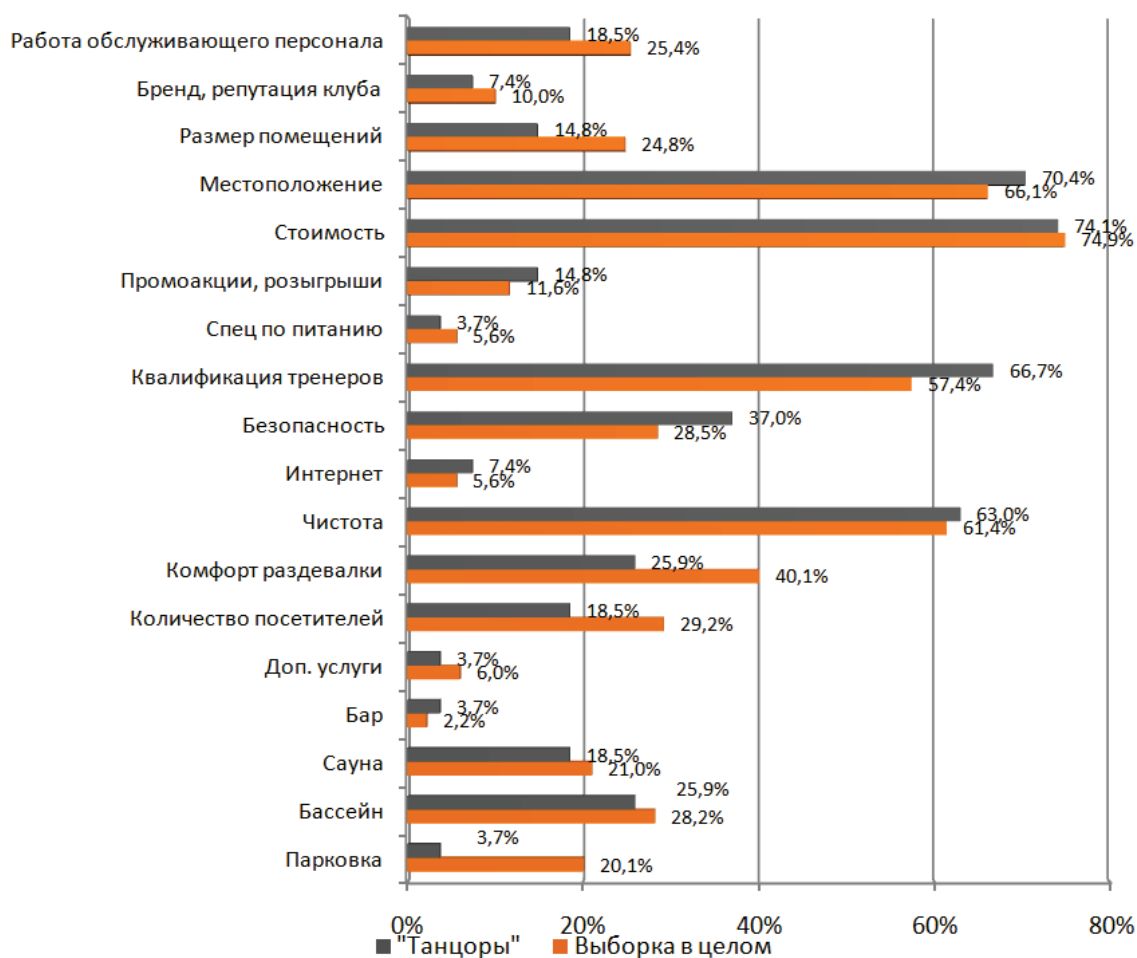


Рис. 3. Что, на Ваш взгляд, является самым важным при выборе фитнес-центра? (вопрос предполагал возможность выбора не более 5 вариантов)

Таким образом, обобщая характеристику социального портрета посетителей танцевальных программ фитнес-центров, можно отметить, что, как правило, это молодые девушки, многие из которых учатся или работают по свободному графику. Характер занятости позволяет им не быть привязанными ко времени посещения фитнес-клуба. «Танцоры» в меньшей степени, чем остальные посетители фитнес-центров чувствительны к комфорту в клубах, однако более требовательны к организации тренировок. Танцевальные программы — это не единственный вид занятий, посещаемый рассматриваемой группой. Скорее наоборот, танцы дополняют программу тренировок, привнося в нее позитивные эмоции и мотивируя к дальнейшим занятиям фитнесом.

Библиографический список

1. Бартенева Н. Е. Поведение потребителей на российском рынке фитнес-услуг: дис. ... канд. социол. наук. – Иваново, 2017 – 189 с.
2. Куманцева М. В., Фарахутдинов Ш. Ф. Соотношение материального и духовного в представлении современной молодежи об успехе // Человеческий и профессиональный потенциал молодежи региона: материалы Всеросс. науч.-практ. конф. молодых ученых, аспирантов, студентов. – 2014. – С. 51–53.

3. Пантелеева Е. В. Специфика маркетинговой деятельности фитнес-клубов и мероприятия по сохранению и расширению клубного членства // *Маркетинг услуг*. 2005. № 2. – С. 56–68.
4. Монахова Е. Г. Социальная функция танца // *Austrian Journal of Humanities and Social Sciences*. – 2014. – № 9–10. – С. 186–190.
5. Мустафаева А. А., Актаулова Б. Ж. Термин «социальный портрет»: понятие, значимость и его особенность в проведении исследования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rusnauka.com/35_FPN_2014/Psihologia/13_178538.doc.html.

Сведения об авторе

Шерегова Вера Алексеевна, профессор, заведующий кафедрой спортивного и современного танцев, Тюменский государственный институт культуры, г. Тюмень, тел. +7(3452)262320, sheregova53@mail.ru

Information about the author

Sheregova V. A., Professor, Head of the Department of Sport and Modern Dance, Tyumen State Institute of Culture, phone: +7(3452)262320, sheregova53@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

PROBLEMS AND PROSPECTS OF SCIENCE AND EDUCATION DEVELOPMENT

УДК 316

СЕЛЬСКИЕ ДЕТИ КАЛМЫКИИ: ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ И ДОСУГА RURAL CHILDREN OF KALMYKIA: PROBLEMS OF EDUCATION AND LEISURE

Б. Б. Нусхаева
B. B. Nuskhaeva

Ключевые слова:

система образования; педагогические кадры; дополнительное образование; сельские общеобразовательные учреждения; структура свободного времени подростков

Key words:

system of education; pedagogical staff; additional education; rural general education institutions; structure of leisure of adolescents

Развитие и образование подрастающего поколения — одна из приоритетных задач любого государства. Право на образование в Российской Федерации регламентируется Федеральным законом «Об образовании в РФ»: «Право на образование в Российской Федерации гарантируется независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного, социального и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также

других обстоятельств»¹. То есть место жительства входит в число критериев, определяющих общедоступность образования. Вопрос о положении сельских детей и условиях их социализации остается одним из острых в связи с наличием ряда проблем в системе общего и дополнительного образования. Как отмечают исследователи, особенностью сельского образования является неравенство городского и сельского образовательного пространства.

Одна из главных проблем — низкий охват детей дошкольными учреждениями. Согласно статистическим данным, в Российской Федерации в 2014 и 2015 гг. этот показатель в сельской местности составляет 46,1 и 47,7 % соответственно². В Республике Калмыкия по состоянию на конец 2014 г. охват детей дошкольными учреждениями в сельской местности — 41,8 %³. Таким образом, почти половина сельских детей в возрасте до 6 лет не посещает дошкольные образовательные учреждения.

Статистика показывает, в каких сложных условиях находятся семьи с детьми дошкольного возраста. Родители вынуждены искать различные варианты (соседи, бабушка, родственники и знакомые) для ухода и присмотра за детьми во время их трудовой занятости. В такой ситуации вопрос о развитии и образовании детей отодвигается на второй план.

В школьном образовании можно выделить ряд проблем, характерных для сельской местности. Изучая особенности системы образования в сельской местности России, А. К. Лукина и И. Р. Петерсон приходят к выводу, что изменения в сельском образовании происходящие в последние годы, не всегда способствуют повышению качества образования сельских школьников [2].

Одной из тенденций является сокращение сельских образовательных учреждений. Согласно данным Росстата, за 15 лет (с 2000/01 по 2015/16 учебный год) число образовательных учреждений сократилось на 24 тыс., из них 19,6 тыс. (81,1 %) — общеобразовательные организации сельской местности⁴.

В Калмыкии за этот период число общеобразовательных учреждений сократилось на 55 учреждений, из них — 49 (89,1 %) в сельской местности⁵.

Следующая проблема сельской школы — ее малокомплектность. Согласно данным Министерства образования и науки Республики Калмыкия, в регионе на 2016/2017 учебный год 84 учреждения относятся к малокомплектным общеобразовательным организациям. Общее количество учителей — 1 269, обучающихся — 4 175. Средняя наполняемость классов — 5 человек⁶. В этих условиях возможно развитие негативных последствий: снижение качества образования и условий для развития коммуникативных и творческих способностей учеников и т. д.

Питание — еще один острый вопрос сельских школ. Специалисты указывают на наличие проблем питания в образовательных учреждениях села. Данная проблема существует и в Республике Калмыкия. Согласно докладу «О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Республике Калмыкия за 2016 год» в

¹ Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/e185d59b595b6bf58b8716c9d5129a3dd5b7630a/ (дата обращения: 27.06.2017).

² Государственный доклад о положении детей и семей, имеющих детей, в Российской Федерации. 2015 год / Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации. — М., 2015.

³ Республика Калмыкия. Статистический ежегодник. 2015: стат. сб. / Калмыкиястат. — Элиста, 2015. — 302 с.

⁴ Число государственных и муниципальных общеобразовательных организаций. Росстат [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_13/Main.htm (дата обращения: 24.05.2017).

⁵ Республика Калмыкия ...С. 78.

⁶ Статистический сборник о сети общеобразовательных организаций Республики Калмыкия на начало 2016–2017 учебного года / Министерство образования и науки Республики Калмыкия. — Элиста, 2016.

организации полноценного питания в сельских населенных пунктах существуют следующие проблемы:

- недостаточное развитие транспортной инфраструктуры, в результате чего в отдаленные населенные пункты, в которых отсутствует асфальтовое покрытие дорог, продукты доставляются с учетом наличия автотранспорта и погодных условий;
- поставщики продукции неохотно заключают договора с малокомплектными школами в связи с их отдаленностью от райцентров, а также вследствие предоставления большого количества сопроводительных документов на поставляемые продукты питания;
- неуккомплектованность кадров на пищеблоках в связи с низкой зарплатой, отсутствие надлежащего уровня специальной квалификации у 40 % работников пищеблоков образовательных учреждений⁷.

Острая проблема села — нехватка педагогических кадров в сельских школах. Как отмечает З. Б. Ефлова, недостаточная укомплектованность сельских школ кадрами, большая текучесть молодых специалистов всегда были самым уязвимым звеном сельской школы [1]. Эта ситуация актуальна и для сел Калмыкии. В целом по состоянию на 1 сентября 2016 г. в республике школы укомплектованы педагогическими кадрами на 98,8 %, причем основная часть вакансий приходится на село. Так, из 53 вакантных мест в 39 педагогах нуждаются именно сельские школы. Представлены вакансии по таким предметам, как иностранный язык, математика, учитель начальных классов, учитель биологии и химии, учитель физики и др. Стоит отметить, что для некоторых районов проблема заключается в высокой доле педагогов пенсионного возраста. По состоянию на 1 сентября 2016 г. в сельских школах учителя данной возрастной категории составили от 21,0 до 44,8 % от общего числа в разных районах республики⁸. Следовательно, можно говорить о том, что педагогические кадры сельских школ остаются одной из главных проблем системы образования Калмыкии.

Для обеспечения всестороннего развития детей и их творческих способностей функционируют учреждения дополнительного образования. Согласно данным Министерства образования и науки Республики Калмыкия, в регионе действуют 48 учреждений дополнительного образования, из которых 38 относятся к системе образования⁹. Также эту функцию выполняют учреждения культуры. В сельской местности находятся 314 муниципальных учреждений культуры, что составляет 93 % от общего числа учреждений республики. Среди них 150 клубных, 147 библиотек, 17 учреждений дополнительного образования¹⁰. В последние годы в рамках программы «Устойчивое развитие сельских территорий» и «Комплекса мер ...»¹¹ производится ремонт и оснащение сельских домов культуры.

Можно отметить благоприятные тенденции по созданию условий для занятий физкультурой и спортом. В рамках постановления Правительства Российской Федерации от 31 марта № 254 «Об утверждении Правил предоставления и распределения субсидии из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на создание в обще-

⁷ Государственный доклад «О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Республике Калмыкия за 2016 год» / Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека; Управление Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по Республике Калмыкия. — Элиста, 2017.

⁸ Статистический сборник... С. 2–5.

⁹ Дополнительное образование и воспитание [Электронный ресурс] / Министерство образования и науки Республики Калмыкия. — Режим доступа: <http://monrk.ru/deyatelnost/dopolnitelnoe-obrazovanie-i-vospitanie/> (дата обращения: 24.05.2017).

¹⁰ Постановление Правительства Республики Калмыкия от 26.02.2015. № 72 «Об утверждении комплекса мер по модернизации государственных и муниципальных учреждений культуры Республики Калмыкия на 2015–2016 гг.» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/424036901> (дата обращения: 27.06.2017).

¹¹ <http://docs.cntd.ru/document/424036901> (дата обращения: 27.06.2017).

образовательных организациях, расположенных в сельской местности, условий для занятий физической культуры и спортом» в 2014 году на развитие и поддержку сельских школьных спортзалов всего было предусмотрено 39 196,6 тыс. рублей. Выделенные средства позволили провести в сельских школах в 2014 году следующие работы: отремонтировать 16 спортивных залов; перепрофилировать 2 аудитории под спортивные залы для занятий физической культурой и спортом; оснастить 78 школ спортивным инвентарем и оборудованием; открыть 23 школьных спортивных клуба; построить 4 открытых плоскостных спортивных сооружения¹².

Таким образом, можно сделать вывод о наличии ряда проблем в системе образования Республики Калмыкия. Прежде всего это низкий охват сельских детей дошкольными учреждениями, малая укомплектованность сельских школ педагогическими кадрами и слабое привлечение молодых специалистов, трудности в обеспеченности полноценным питанием учеников общеобразовательных учреждений отдаленных сел. К благоприятным тенденциям можно отнести создание комфортных условий в сельских домах культуры и спортивных залах сельских школ.

Представляет интерес изучение свободного времени сельских подростков. Анализ структуры свободного времени детей и их вовлеченность в кружковую и спортивную деятельность основывается на опросе, проведенном в 2015 году. Всего приняли участие 524 ученика 6–10-х классов г. Элисты и трех сельских школ (п. Ики-Бурул, с. Приютное, с. Яшкуль). Из них 279 девочек и 245 мальчиков. В том числе 237 подростков элистинских школ и 287 — сельских.

Сравнение ответов городских и сельских подростков (таблица) показывает, что в целом структура свободного времени ребят, проживающих в столице и сельской местности республики одинаковая. Городские и сельские подростки чаще всего выбирают Интернет и социальные сети (50,4 и 47,7 % соответственно), встречу с друзьями (по 43,2 % в каждой группе). Сельских подростков, выбирающих игры в футбол/волейбол, несколько больше, чем городских: 39,7 против 32,1 %. «Читающих» детей чуть больше в городе, чем в селе (35,0 и 28,9 % соответственно), но разница незначительная. Близкие показатели при выборе варианта «компьютерные игры» как способа времяпровождения: 24,8 % среди городских подростков и 28,9 % среди сельских. Вариант «спать» указали 23,5 % детей, проживающих в Элисте, и 28,6 % детей, проживающих в сельской местности. Таким образом, структура свободного времени городских и сельских детей не отличается, и подростки предпочитают встречаться с друзьями и проводить свободное время в Интернете/социальных сетях.

*Структура свободного времени подростков Республики Калмыкия
в зависимости от места проживания (в %)*

Подростки	Интернет/ социальные сети	Встреча с другом	Игры в футбол, волейбол	Чтение	Сон	Компьютерные игры
Городские	50,4	43,2	32,1	23,5	35,0	24,8
Сельские	47,7	43,2	39,7	28,9	28,9	28,9

Анализируя ответы сельских детей о посещении ими кружков и спортивных секций, можно отметить высокую вовлеченность сельских подростков в дополнительную развивающую деятельность. Согласно ответам детей, около 70 % сельских подростков посещают кружки/секции. 31,3 % подростков выбрали отрицательный ответ. Стоит дополнить, что именно среди сельских подростков показатель вовлеченности выше, чем

¹² <http://monrk.ru/deyatelnost/dopolnitelnoe-obrazovanie-i-vozpitanie/> (дата обращения: 24.05.2017).

среди городских детей: 68,7 против 55,8 %. К сожалению, такой вывод можно сделать только о детях, проживающих в районных центрах республики. Семьи с детьми, проживающие в отдаленных от райцентра селах, находятся в сложной ситуации и недостаточно обеспечены учреждениями для развития своих детей.

При сравнении ответов городских и сельских детей можно заметить некоторую разницу в выборе видов секций/кружков. Сельских детей, посещающих спортивные секции, несколько больше, чем городских (46,1 и 37,3 % соответственно). Примерно равное количество подростков обучаются в музыкальной/художественной школе (12,0 % среди городских и 15,1 % среди сельских детей). Сельские дети в два раза чаще городских выбирают танцевальные коллективы в качестве кружковой деятельности (13,0 против 6,4 %). Примерно одинаковая доля детей, проживающих в столице и районных центрах республики, посещают иные кружки/секции. Исследование показывает, что доля детей, вовлеченных в кружковую/секционную деятельность, среди сельских подростков, выше чем среди городских. И существуют некоторые отличия в выборе кружковой и спортивной деятельности. Таким образом, образовательное пространство села в республике имеет ряд проблем, которые сказываются на качестве образования сельских детей.

Библиографический список

1. Ефлова З. Б. Проблемы модернизации отечественного образования: педагогические кадры сельской школы // Герценовские чтения. Начальное образование. – 2012. № 3, Т. 2. – С. 158–172.
 2. Лукина А. К., Петерсон И. Р. Проблемы обеспечения образовательного равенства сельских и городских детей // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2016. – № 1 (166) – С. 47–50.
-

Сведения об авторе

Нухаева Байрта Басанговна, к. социол. н., старший научный сотрудник отдела комплексного мониторинга и информационных технологий, Калмыцкий научный центр Российской академии наук, г. Элиста, тел. 89054848106, e-mail: nbairab@yandex.ru

Information about the author

Nuskhaeva B. B., Candidate of Sociology, Senior Researcher of Integrated Monitoring and Information Technologies Department, Kalmyk Research Center of the Russian Academy of Sciences, Elista, phone: 89054848106, e-mail: nbairab@yandex.ru

УДК 378

**ГОТОВНОСТЬ СТУДЕНЧЕСТВА К ПЕРЕХОДУ К НЕЛИНЕЙНОЙ
МОДЕЛИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В УРАЛЬСКОМ МАКРОРЕГИОНЕ**
THE READINESS OF STUDENTS TO TRANSITION TO NON-LINEAR MODEL OF
HIGHER EDUCATION IN THE URAL MACRO-REGION

Н. В. Шаброва
N. V. Shabrova

Ключевые слова:

*нелинейная модель высшего образования;
студенты; готовность;
студентов*

Key words:

*non-linear model of higher education; students;
readiness; typology of students*

Поиск путей развития системы высшего образования в России привел к разработке группой исследователей под руководством проф. Г. Е. Зборовского (Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина) концепции нелинейной модели российского высшего образования [6]. Ключевая роль в данной модели отводится образовательным общностям (преподавателям и студентам) как базовым участникам образовательной деятельности и ориентирована на создание комфортных условий для их самореализации, удовлетворения самых разнообразных потребностей, интересов и ценностных ориентаций [3].

Функционирование образовательных общностей в рамках нелинейной модели высшего образования предполагает гибкость, вариативность в выборе и реализации образовательных (для студентов) [5] и профессиональных (для преподавателей) [1] стратегий, включение в широкий спектр сетевых, горизонтальных связей и отношений [7, 9], открытость инновациям [4].

Одним из базовых условий перехода к нелинейной модели высшего образования, на наш взгляд, является готовность образовательных общностей включиться в данную практику. Под готовностью перехода к нелинейной модели высшего образования мы понимаем характеристику образовательных общностей, связанную с реализацией указанных выше элементов нелинейной модели в практике их регулярной деятельности [8].

Цель данной работы — анализ готовности студентов Уральского макрорегиона к переходу к нелинейной модели высшего образования. В качестве гипотезы рассматривалось влияние таких факторов, как мотивация обучения, социальная активность (включенность в научную, инновационную, внеучебную деятельность) и социально-демографические факторы (пол, регион Уральского федерального округа — УФО, уровень подготовки, направление подготовки, форма обучения).

Эмпирической базой исследования стали результаты массового опроса студентов макрорегиона УФО. В генеральную совокупность входил 51 вуз округа. В ходе исследования была реализована квотная выборка, она формировалась на основе статистических данных об образовательной общности студентов регионов УФО (Свердловской, Челябинской, Тюменской, Курганской областей, Ханты-Мансийского автономного округа). Ямало-Ненецкий автономный округ не был включен в выборку, поскольку в нем нет самостоятельных вузов. Внутри каждого региона осуществлялось квотирование по направлениям подготовки (инженерно-техническое, естественно-научное, гуманитарное, социально-экономическое). Здесь мы использовали открытую информацию, размещенную на

сайтах вузов. Выборка студентов составила 1 860 человек (были опрошены студенты 3–4-х курсов и магистранты).

Для достижения поставленной цели мы рассмотрели три элемента нелинейной модели высшего образования, касающихся студенчества: готовность вариативно выстраивать свою образовательную траекторию, готовность включаться в сетевые взаимодействия (электронное обучение, академическая мобильность), готовность включаться в разработку инновационных проектов.

Готовность вариативно выстраивать свою образовательную траекторию. В ходе анкетного опроса выяснилось, что почти две трети опрошенных студентов готовы учиться в условиях «текучей», постоянно меняющейся образовательной среды, хотя это и вызывает у них определенные сложности (табл. 1).

Мы определили степень влияния факторов мотивации и социальной активности на ответы респондентов, но она оказалась чрезвычайно мала. Из блока социально-демографических факторов слабая связь прослеживается лишь по половому признаку: девушки более готовы к переходу к нелинейной модели, чем молодые люди.

Таблица 1

Готовность студентов учиться в условиях «текучей», постоянно меняющейся образовательной среды, % от числа ответивших

Показатель готовности студентов учиться в условиях меняющейся образовательной среды	Да, мне это легко	Да, хотя это и нелегко	Нет, но приходится	Нет, не могу и не хочу учиться в таких условиях
Постоянно менять содержание и формы своей учебной деятельности	21,5	41,5	22,8	14,2
Постоянно доказывать свою конкурентоспособность	17,7	49,6	21,9	10,8
Постоянно изменять/корректировать свою образовательную траекторию	17,0	45,3	24,7	13,0
Быстро реагировать на изменения условий и правил деятельности	24,0	44,1	21,1	10,7

Готовность включаться в сетевые взаимодействия. В рамках исследования мы рассмотрели два аспекта включения в сетевые взаимодействия: электронное обучение и академическую мобильность.

Как показало исследование, лишь около 15 % студентов готовы почти полностью перейти на электронное обучение. Полученные данные практически воспроизводят результаты опроса Фонда «Общественное мнение», в котором 13 % населения в целом предпочли бы дистанционное (в т. ч. электронное) обучение очному¹. Негативным моментом данной ситуации является, на наш взгляд, то, что, несмотря на прогнозы и определенные усилия со стороны государства в активизации развития дистанционного (в т. ч. электронного) образования, за 4 года (с 2013-го) эта цифра почти не изменилась.

Изучение проблемы включения студентов в сетевые взаимодействия посредством участия в академической мобильности показало готовность более половины опрошенных к участию в данных программах (табл. 2). Кроме того, как видно из таблицы 2, предпоч-

¹ *Дистанционное образование в России. Еженедельный опрос «ФОМнибус» (31 августа — 1 сентября 2013 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fom.ru/Nauka-i-obrazovanie/11118> (дата обращения: 19.05.2016).*

тение студенты отдают зарубежным поездкам. В целом данную ситуацию можно расценивать как позитивную, поскольку, по результатам исследования Ю. Д. Артамоновой и А. Л. Демчук, только пятая часть студентов считает возможным освоить часть основной образовательной программы в другом вузе посредством академической мобильности [2].

Таблица 2

Готовность студентов принять участие в программах академической мобильности, % от числа ответивших

Направление академической мобильности	Скорее да	Скорее нет	Затрудняюсь ответить
Внутри региона (УФО)	51,4	35,5	13,1
В России	54,9	31,5	13,6
За рубежом	56,8	26,3	16,9

На готовность включаться в сетевые взаимодействия также оказывают влияние факторы мотивации и социальной активности, но степень их воздействия незначительна. Из блока социально-демографических факторов вновь прослеживается слабая связь лишь по половому признаку: девушки чаще, чем молодые люди готовы участвовать в программах академической мобильности.

Готовность включаться в разработку инновационных проектов. Изучение готовности включаться в разработку инновационных проектов продемонстрировало, что чуть меньше половины (48,4 %) студентов готовы участвовать в разработке инновационных проектов, тогда как 51,6 % не проявили такого желания. Среди тех, кто все-таки выразил готовность участвовать в разработке инновационных проектов, малая часть студентов отдает предпочтение разработке проектов в области академической науки (табл. 3). Данная ситуация, на наш взгляд, четко отражает низкий уровень престижа научной деятельности в глазах студентов и их ориентацию на прикладные аспекты деятельности.

Таблица 3

Сферы деятельности, в которых студенты готовы разрабатывать инновационные проекты, % от числа ответов

Сферы деятельности	% от числа ответов
Бизнес	28,7
Социальная сфера (культура, образование и др.)	27,5
Управление	28,8
Академическая наука	22,9
Итого	107,9*

*Примечание. Сумма больше 100%, так как респонденты могли выбрать более одного варианта ответа.

На готовность студентов включаться в разработку инновационных проектов оказывают влияние показатели социальной активности. Например, участие в разработке инновационных проектов в настоящее время существенно воздействует на готовность включаться в такую работу в перспективе (Хи квадрат Пирсона = 364,244^a; асимптотическая значимость (2-сторонняя) 0,0; коэффициент Крамера = 0,548; связь сильная). Кроме того, было выявлено влияние региона УФО, в котором обучается студент, на готовность включаться в разработку инновационных проектов, причем во всех сферах деятельности. Лидерами по такой готовности оказались студенты Тюменской области и ХМАО — Югры.

Наибольшая связь в данных регионах выявлена в разработке проектов в сфере управления. Возможно, это связано со спецификой развития субъектов северных регионов УФО и соответствующей политикой вузов.

Для формирования общего представления о готовности студентов к переходу к нелинейной модели высшего образования мы провели кластерный анализ, который позволил выделить четыре типа студентов (рисунок). Первый тип — «Инноваторы» (15 %) — это студенты, готовые вариативно выстраивать свою образовательную траекторию, включаться в сетевые взаимодействия и, что самое главное, участвовать в разработке инновационных проектов. Второй тип — «Традиционалисты» (44 %) — социально активные студенты, включенные в научную и внеучебную деятельность, готовые менять свою образовательную траекторию и осуществлять академическую мобильность. Третий тип — «Неопределившиеся» (15 %) — студенты, имеющие чуть более низкие показатели готовности менять свою образовательную траекторию и испытывающие затруднения в оценке своей готовности включаться в сетевые взаимодействия. И, наконец, «Инертный» тип (26 %), характеризующийся низкой социальной активностью и неготовностью к переходу к нелинейной модели высшего образования.

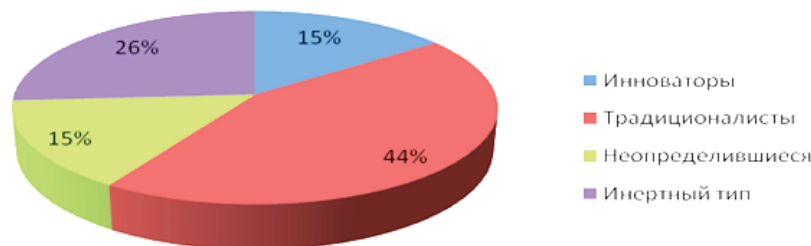


Рисунок. Типы студентов по уровню готовности к переходу к нелинейной модели высшего образования

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что наша гипотеза о влиянии мотивации студентов к образованию, их социальной активности и социально-демографических параметров как факторов перехода к нелинейной модели высшего образования подтвердилась частично. Замеренные нами социально-демографические параметры (кроме пола и региона УФО) не влияют на готовность к переходу к нелинейной модели высшего образования. По большей части воздействуют факторы мотивации образования и социальной активности, хотя степень их влияния незначительна. Существование «инноваторов» и «традиционалистов» как типов студентов, проявляющих готовность к переходу к нелинейной модели высшего образования, говорит о назревшей «снизу» потребности перемен. Проблема заключается в том, насколько ожидания (представления) студенчества относительно нелинейной модели высшего образования и ее элементов воплотятся в реальной управленческой практике вузов Уральского макрорегиона.

Библиографический список

1. Амбарова П. А., Шаброва Н. В. Нелинейные профессиональные стратегии научно-педагогического сообщества и институциональные условия их формирования // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. — 2016. — № 4. — С. 32–49.

2. Артамонова Ю. Д., Демчук А. Л. Развитие академической мобильности в вузах России и ФГОС // Высшее образование в России. – 2012. – № 12. – С. 87–89.
3. Зборовский Г. Е. Предпосылки и проблемы концепции нелинейного развития высшего образования в российском макрорегионе (статья 1) // Университетское управление: практика и анализ. – 2016. – № 5. – С. 15–27.
4. Ключев А. К. Программы инновационного развития региона и университетов: поиск соответствия // Университетское управление: практика и анализ. – 2010. – № 1. – С. 30–34.
5. Кузьминчук А. А. Нелинейные образовательные стратегии студенчества и институциональные условия их формирования // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. – 2016. – № 4. – С. 50–67.
6. Нелинейная модель российского высшего образования в макрорегионе: теоретическая концепция и практические возможности / Г. Е. Зборовский [и др.]; под ред. Г. Е. Зборовского. – Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2016. – 336 с.
7. Певная М. В., Калинина А. Н. Академическая мобильность как объект исследований в контексте понимания нелинейности высшего образования в России // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2016. – № 2. – С. 73–81.
8. Халитова И. В. Организационная готовность к изменениям: обзор методологии и практических методик оценки готовности // Государственное управление. Электронный вестник. – 2013. – № 39. – С. 152–162.
9. Шуклина Е. А. Massive Open Online Courses как форма нелинейного развития университетского образования // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. – 2016. – № 4. – С. 79–93.

Сведения об авторе

Шаброва Нина Васильевна, к. социол. н.,
доцент кафедры социологии и технологий
государственного и муниципального управле-
ния, Уральский федеральный университет им.
первого Президента России Б. Е. Ельцина,
г. Екатеринбург, тел. +7(343)3754822, e-mail:
urfu-stu@mail.ru

Information about the author

Shabrova N. V., Candidate of Sociology,
Associate Professor at the Department of Sociolo-
gy and Technologies of State and Municipal Man-
agement, Ural Federal University named after the
First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg,
phone: +7(343)3754822, e-mail: urfu-stu@mail.ru

РЕФЕРАТЫ

ABSTRACTS

УДК 323.2

Розанова Н. Н.

**ИДЕАЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГРАЖДАНСКИЙ СЛУЖАЩИЙ:
ИЗМЕНЕНИЕ ОЖИДАНИЙ НАСЕЛЕНИЯ В ДИНАМИКЕ 2014–2016 гг.**

Рассматривается репутационный образ государственного гражданского служащего, сформированный на основе мнения населения, по результатам социологического исследования, в контексте изучения репутации региональной власти (на примере Смоленской области). Представлен идеальный репутационный образ, своего рода желаемый портрет регионального чиновника. Прослеживается динамика мнения населения в 2014–2016 гг. Выявляются ключевые тенденции в изменении основных ценностных характеристик, со-

ставляющих содержание идеального репутационного образа и определяющих его целостность и стабильность.

Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2017. № 3. С. 7–11.

Rozanova N. N.

IDEAL PUBLIC CIVIL SERVANT: CHANGE OF EXPECTATIONS OF THE POPULATION IN DYNAMICS OF 2014–2016

In paper the reputation image of the public civil servant formed on the basis of opinion of the population by results of a sociological research, in the context of studying of reputation of the regional authority is considered (on the example of Smolensk region). The ideal reputation image, some kind of desirable portrait of the regional official is presented. Dynamics of public opinion in 2014–2016 is tracked. Key tendencies in change of the basic valuable characteristics constituting the content of an ideal reputation image and defining its integrity and stability are revealed.

УДК 31.311.313

Эльдяева Н. А., Кованова Е. С.

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ СЕЛЬСКОЙ МОЛОДЕЖИ РЕГИОНА И ФОРМИРОВАНИЕ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ

Рассматриваются проблемы сельской молодежи и состояние информационной базы по оценке эффективности проводимой молодежной политики. Выборочное обследование показало высокую трудовую мобильность молодого сельского населения Республики Калмыкия. Активная миграция молодых сельских жителей в город особенно пагубно сказывается на развитии аграрной экономики региона. Постоянное снижение численности сельской молодежи может оказать негативное влияние на социально-экономическое развитие региона, привести к убыли населения и сокращению трудовых ресурсов.

Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2017. № 3. С. 11–15.

Eldyaeva N. A., Kovanova E. S.

PECULIARITIES OF CURRENT SITUATION OF THE RURAL YOUTH OF THE REGION AND FORMATION OF YOUTH POLICY IN THE CONTEXT OF GLOBAL TENDENCIES

The paper examines the problems of rural youth and the state of the information base for assessing the effectiveness of the conducted youth policy. A selective survey showed the high labor mobility of the young rural population of the Republic of Kalmykia. The active migration of young rural residents into the city especially adversely affects the development of the agrarian economy of the region. The constant decrease in the number of rural youth can have a negative impact on the social and economic development of the region, leading to the population loss and a reduction in labor resources.

УДК 316.4

Байдакова Н. В.

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ РЕАБИЛИТАЦИИ И ВОССТАНОВИТЕЛЬНОЙ МЕДИЦИНЫ В РОССИИ

Рассматривается и уточняется современное понятие реабилитационной и восстановительной медицины. Приводятся исторические данные о развитии

реабилитации в России. Проанализированы характерные особенности восстановительной и реабилитационной медицины как самостоятельного направления. Особое внимание уделено описанию аспектов формирования службы восстановительной медицины. Выявлена и обоснована необходимость изменения организационной формы и методов подхода к поддержанию и лечению здоровья в системе реабилитационной и восстановительной медицины.

Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2017. № 3. С. 16–20.

Baidakova N. V.

FORMATION OF THE SYSTEM OF REHABILITATION AND RESTORATIVE MEDICINE IN RUSSIA

The modern concept of rehabilitation and restorative medicine is considered and specified. Historical data on the development of rehabilitation in Russia are given. The characteristic features of rehabilitation and restorative medicine as an independent sphere were analyzed. Particular attention is paid to the description of aspects of the formation of the service of restorative medicine. The necessity of changes in the system of rehabilitation and restorative medicine of the organizational form and methods of approach to maintenance and treatment of health is revealed and substantiated.

УДК 331

Лейман Т. И., Морозова Е. В.

ПРОБЛЕМА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ АСИММЕТРИИ В ЭКОНОМИКЕ РОССИИ

Рассматривается проблема наличия образовательной асимметрии в экономике страны. Образовательная асимметрия представляет собой расхождение в уровнях оплаты работников разной степени подготовки (уровня образования) по разным отраслям, регионам, странам. В условиях неправильного взаимодействия между системой образования в стране и рынком труда накопление человеческого капитала необязательно предполагает улучшение позиций человека на рынке труда.

Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2017. № 3. С. 21–26.

Leyman T. I., Morozova E. V.

PROBLEM OF EDUCATIONAL ASYMMETRY IN ECONOMY OF RUSSIA

The problem of the presence of educational asymmetry in the economy of the country is considered. Educational asymmetry is a difference in levels of payment of workers of different degrees of training (level of education) for a variety of industries, regions, countries. Under conditions of improper interaction between the education system in the country and the labour market the accumulation of additional human capital does not necessarily imply a better position in the labour market.

УДК 338.001

Махмудова М. М., Королева А. М.

МАЛАЯ ЭКОНОМИКА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ: АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ РАЗВИТИЯ

Проведен анализ статистических показателей развития малых предпринимательских структур в российской экономике за 2012–2016 гг. Охарактеризованы особенности

распределения работников, занятых в малом предпринимательском секторе национальной экономики, описаны изменения инвестиционной активности российских предпринимателей в современных условиях хозяйствования. Особое внимание уделяется отраслевой и региональной структуре отечественного малого бизнеса.

Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2017. № 3. С. 26–32.

Makhmudova M. M., Koroleva A. M.

SMALL ECONOMY IN THE CONTEMPORARY ECONOMY: ANALYSIS OF THE MAIN TRENDS OF DEVELOPMENT

The paper analyses of statistical indicators of development of small enterprise structures in the russian economy for the period 2012–2016. Peculiarities of the distribution of workers employed in the small business sector of the national economy are characterized, the changes in investment activity of russian entrepreneurs in the modern economic conditions are described. Special attention is paid to sectoral and regional composition of domestic small business.

УДК 316.3(470.57)

Нуриджанов А. Э.

ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ СКРЫТОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

Исследованный на предприятиях малого и среднего бизнеса опыт применения социальных технологий скрытого воздействия в Республике Башкортостан свидетельствует о широком распространении данного феномена. Эти технологии имеют как манипулятивную, так и неманипулятивную природу и широко используются как руководством, так и сотрудниками малых и средних предприятий. В статье анализируются характер и эффективность применения такого рода социальных технологий в управленческой практике.

Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2017. № 3. С. 33–35.

Nuridzhanov A. E.

EXPERIENCE OF APPLICATION OF SOCIAL TECHNOLOGIES OF LATENT IMPACT ON SMALL AND MEDIUM BUSINESS ENTERPRISES OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN

The experience of using social technologies of latent impact in the Republic of Bashkortostan, studied at small and medium-sized enterprises, attests to the wide spread of the phenomenon. These technologies have both manipulative and non-manipulative nature and are widely used by both management and employees of small and medium-sized enterprises. The paper analyzes the nature and effectiveness of the application of this kind of social technologies in management practice.

УДК 314.15:332.14

Гокова О. В.

МОДЕЛЬ МОЛОДЕЖНОЙ ПРОНАТАЛИСТСКОЙ ПОЛИТИКИ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

На основе проведенных исследований репродуктивного поведения молодежи в России, Франции и Германии, анализа демографической ситуации, опыта реализации

пронаталистской политики в Германии и Франции и данных экспертного опроса рассмотрена разработанная модель молодежной пронаталистской политики для регионального уровня. Данная модель отражает стратегический подход государства к решению проблем повышения рождаемости, укрепления института семьи, обеспечения гармоничного развития молодежи. С позиции политической социологии, в представленной модели молодежной пронаталистской политики отражен механизм социального партнерства как одного из условий эффективного управления, учтены системообразующие компоненты управленческой деятельности.

Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2017. № 3. С. 36–40.

Gokova O. V.

MODEL OF THE YOUTH PRO-NATALIST POLICY IN THE REGION

The paper, based on the conducted studies of the reproductive behavior of young people in Russia, France and Germany, the analysis of the demographic situation, the experience of implementing a pro-natalist policy in Germany and France, and the expert survey data, reviews a model of youth pro-natalist policy for the regional level. It reflects the state's strategic approach to solving the problems of increasing the birth rate, strengthening the family institution, ensuring the harmonious development of young people. From the position of political sociology, the presented model of youth pro-natalist policy reflects the mechanism of social partnership as one of the conditions for effective management, taking into account the system-forming components of management activity.

УДК 316.77

Ефанов А. А.

ЭВОЛЮЦИЯ СТРАТЕГИЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ОБРАЗА ДОНАЛЬДА ТРАМПА НА РОССИЙСКОМ ТЕЛЕВИДЕНИИ

За последний год стратегии репрезентации политического образа нынешнего президента США Д. Трампа в российском поле телевидения претерпели кардинальные изменения. Если в конце 2016 года (в период предвыборной гонки с Х. Клинтон, известной своей жесткой антироссийской позицией) федеральные телеканалы ассоциировали с приходом Д. Трампа к власти улучшение дипломатических отношений между странами, то уже в 2017 году (после избрания, первых заявлений и действий на посту президента) медиаконтролеры стали оперировать риторикой опасности, тем самым продуцируя в сознании общества угрозу разжигания новой Холодной войны. Феноменальность рассматриваемого явления обусловлена тем, что до настоящего времени в российском поле телевидения отсутствовали прецеденты полной трансформации стратегий медиа-репрезентации политических образов (от риторики «Трамп – «темная лошадка», «Трамп — наш союзник» до «Трамп — агрессор», «Трамп — угроза для России и мира»).

Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2017. № 3. С. 40–44.

Yefanov A. A.

EVOLUTION OF REPRESENTATION STRATEGIES OF THE POLITICAL IMAGE OF DONALD TRUMP ON RUSSIAN TELEVISION

Over the past year, representation strategies of the political image of the current USA President, D. Trump, in the russian television field has undergone drastic changes. While at the end of 2016 (during the pre-election race with H. Clinton, known for her tough anti-russian position), federal television channels associated to coming of D. Trump to power the improvement

of diplomatic relations between countries, then in 2017 (after the election, the first statements and actions as President) media controllers began to operate with the rhetoric of danger, thereby producing in the minds of viewers the threat of inciting the new Cold war. Based on the results of the study, the author comes to the conclusion, that the reviewed phenomenon is due to the fact, that to date there have been no precedents of the complete transformation of the media representation strategies of political images (from the rhetoric «Trump is “the dark horse”», «Trump is our ally» to «Trump is aggressor», «Trump is a threat to Russia and the world»).

УДК 316.47

Кабеева Н. В., Толмачева С. В.

О НАПРАВЛЕНИЯХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ГЕНДЕРНОЙ ДИСКРИМИНАЦИИ В РОССИИ

В статье раскрываются вопросы формирования государственной политики противодействия гендерной дискриминации в России. Дается оценка сложившейся в стране ситуации в области равноправия женщин и мужчин со стороны международных организаций, общественных деятелей, ученых, общественных организаций. Представлены результаты исследования, посвященного определению соотношения между проблемами в области дискриминации женщин и направлениями формирующейся национальной политики по противодействию гендерной дискриминации. Выявлены достижения в области борьбы с гендерной дискриминацией со стороны российского государства за последние годы. Рассмотрен вопрос о понимании в социуме проблемы существующей гендерной дискриминации в России.

Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2017. № 3. С. 45–48.

Kabeeva N. V., Tolmacheva S. V.

ON THE DIRECTIONS OF STATE POLICY ON COUNTERACTION OF GENDER DISCRIMINATION IN RUSSIA

The paper reveals the issues of forming a state policy to counteract gender discrimination in Russia. An assessment is given of the current situation in the country in the sphere of equality of women and men by international organizations, public figures, scientists, public organizations. The results of a study on the determining the interrelations between problems in the field of discrimination against women and the trends of the emerging national policy on counteracting of gender discrimination are presented. The achievements in the field of counteracting of gender discrimination by the Russian state in recent years have been revealed. The issue of understanding in the society of the problem of existing gender discrimination in Russia is considered.

УДК 658.5:378.181

Гуськова Н. Д., Чаплюкова О. Б.

ВЛИЯНИЕ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ НА КОНКУРЕНТНЫЕ ПРЕИМУЩЕСТВА СТУДЕНЧЕСТВА

Рассмотрены ключевые теоретико-практические модели, отражающие влияние организационной культуры на эффективность деятельности. На основе применения модели Д. Дэнисова и метода ранговой корреляции исследовано влияние организационной культуры на эффективность деятельности студенчества факультетов Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева.

Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2017. № 3. С. 49–53.

Guskova N. D., Chaplucowa O. B.

INFLUENCE OF ORGANIZATIONAL CULTURE ON STUDENTS' COMPETITIVE ADVANTAGES

The paper reviews the key theoretical and practical models that reflect the impact of organizational culture on effectiveness of activity. On the basis of implementation of the model of D. Denisov and rank correlation method the influence of organizational culture on students' activity effectiveness of departments at Ogarev Mordovia State University was studied.

УДК 331

Мельник В. В.

НОВАЯ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ И КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ МОЛОДЕЖИ

Рассмотрена взаимосвязь социальных и управленческих факторов стартовавшей новой индустриализации (неоиндустриализации) в нашей стране. Выдвинутые и рассмотренные в последние годы концепции, одна из которых получила название «накопительной», легли в основу государственной парадигмы новой индустриализации, закрепленной в Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации в 2016 году. Этот процесс имеет достаточно устоявшуюся методологическую основу в менеджменте, где она определена как «ресурсная». Центральным ядром обозначенных подходов, при всех их различиях, являются человеческие ресурсы, которые служат движущей силой научно-технической революции (НТР), и их основное качество — конкурентоспособность. В статье рассмотрен широкий социологический анализ данного понятия, начиная с его этимологии, до оценки истинности самооценки респондентов. Как переменная, понятие является основой причинно-следственного анализа, фактором в стратегии организаций и предприятий и фактором успешной производственной деятельности работающей молодежи.

Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2017. № 3. С. 53–63.

Melnik V. V.

NEW INDUSTRIALIZATION AND COMPETITIVENESS OF THE YOUTH

The interrelation of social and managerial factors of the newly launched new industrialization (neoindustrialization) in our country is considered. The concepts advanced and considered in recent years, one of which was called «accumulative», formed the basis for the state paradigm of the new industrialization enshrined in the Strategy for scientific and technological development of the Russian Federation in 2016. This process has a fairly robust methodological basis in management, where it is defined as «resource». The central core of these approaches, with all their differences, are human resources that serve as the driving force of the scientific and technological revolution (NTR), and their main quality is competitiveness. The article considers a broad sociological analysis of this concept, beginning with its etymology, to assessing the truth of respondents' self-esteem. As a variable, the concept is the basis of the causal analysis, a factor in the strategy of organizations and enterprises and a factor in the successful production activity of working young people.

УДК 316.614

Ткачева Н. А., Фокина А. Б.

МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

В современном обществе наблюдаются стремительное производство и распространение рисков, что угрожает сохранению и использованию профессионального потенциала молодежи. В силу сказанного предложенная в статье модель формирования профессионального потенциала студенческой молодежи предполагает в процессе применения постоянное обновление ее элементов. Обозначенное достижимо в условиях современного образовательного пространства вуза и направлено не только на предотвращение рисков, но и на преодоление одномерности образовательного процесса, ориентируясь на многофакторность развития личности.

Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2017. № 3. С. 63–66.

Tkacheva N. A., Fokina A. B.

MODEL OF FORMING THE STUDENT YOUTH' PROFESSIONAL POTENTIAL

There is a rapid production and spread of risks in today's society, which threatens the preservation and use of youth' professional potential. In view of the above, the model of forming the student youth' professional potential, proposed in the article, assumes constant updating of its elements in the process of application. This is achievable in the conditions of the modern educational space of the high school and is aimed not only at preventing risks, but also in overcoming the one-dimensionality of the educational process, focusing on the multifactor development of the individual.

УДК 316.7

Толмачева С. В., Колтунова А. А.

ПРОБЛЕМЫ ВОСПРИЯТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕВИАЦИИ СРЕДИ МОЛОДЕЖИ

Проведено социологическое исследование среди старшеклассников города Тюмени в 2017 г. Результаты исследования обозначили проблему преимущественно одностороннего восприятия молодежью социальной девиации как поведения негативного, отклоняющегося, порицаемого. Позитивные социальные девиации не рассматриваются как значимые в молодежной среде современного российского общества. Однако именно они являются необходимым условием прогресса общественного развития.

Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2017. № 3. С. 67–70.

Tolmacheva S. V., Koltunova A. A.

PROBLEMS OF THE PERCEPTION OF SOCIAL DEVIANCY AMONG YOUTH

A sociological survey was carried out among high school students of the city of Tyumen in 2017. The results of the research identified the problem of predominantly one-sided perception by youth of social deviation as behavior negative, deviant, blamed. Positive social deviations are not seen as significant in the youth environment of modern russian society. However, they are the necessary condition for the progress of social development.

УДК 316.356.2

Тумакова С. Ю.

СЕМЬЯ КАК ФАКТОР ПОСТТРУДОВОЙ АДАПТАЦИИ РОССИЙСКИХ ПЕНСИОНЕРОВ

В статье рассмотрена семья как социальный институт и малая социальная группа в процессе посттрудоустройства. Проводится анализ инновационных форм государственной поддержки пожилых людей в пространстве семьи. Выделяются важнейшие функции семьи для пожилого человека — компенсаторная и идентификационная. Формулируется вывод, что положительное влияние семьи на процесс посттрудоустройства может быть нивелировано состоянием микроклимата и внутрисемейным эбьюзингом.

Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2017. № 3. С. 70–74.

Tumakova S. Yu.

FAMILY AS A FACTOR OF RUSSIAN PENSIONERS' POSTWORKING ADAPTATION

Family as a social institution and small social group at the postworking adaptation process is considered in the paper. Innovation forms of state's social policy for elderly people at family sphere are analyzed. Author highlights the most significant functions of the family for elderly person — compensatory and identification. It is concluded, that positive influence of family on postworking adaptation process may be cancelled because of conflicts and domestic elderly abusing.

УДК 796.05

Шерегова В. А.

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ АУДИТОРИИ ТАНЦЕВАЛЬНОГО ФИТНЕСА В КРУПНОМ ГОРОДЕ

В статье рассматриваются посетители фитнес-центров, для которых основным приоритетом занятий являются танцевальные направления. Данная группа была выделена в результате кластеризации данных, полученных в ходе опроса потребителей фитнес-услуг г. Тюмени. Показано, что рассматриваемая аудитория представлена в основном молодыми девушками со средним доходом. Большинство из них получают профессиональное образование или работают по свободному графику. Отмечены также другие характеристики рассматриваемого типа посетителей фитнес-центров.

Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2017. № 3. С. 74–79.

Sheregova V. A.

SOCIAL PORTRAIT OF THE DANCE FITNESS AUDIENCE IN A LARGE CITY

The paper discusses visitors to fitness centers who prefer to practice dance forms of training. This group was identified as a result of clustering of data obtained during a survey of consumers of fitness services in Tyumen. It is shown that the audience in question is mainly young women with average incomes. Most of them receive professional education or work on a free schedule. Also some other characteristics of the considered type of visitors to the fitness centers are shown.

УДК 316

Нусхаева Б. Б.

СЕЛЬСКИЕ ДЕТИ КАЛМЫКИИ: ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ И ДОСУГА

Рассмотрены проблемы образования и досуга в сельской местности Республики Калмыкия. К основным проблемам образования можно отнести сокращение общеобразо-

вательных учреждений, малокомплектность, качество питания, нехватку педагогических кадров, низкий охват детей дошкольными образовательными учреждениями в отдаленных от райцентра сельских муниципальных образованиях. На основе результатов социологического опроса подростков, проведенного в 2015 году, проанализированы структура свободного времени сельских детей и их вовлеченность в кружковую и секционную деятельность.

Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2017. № 3. С. 79–83.

Nuskhaeva B. B.

RURAL CHILDREN OF KALMYKIA: PROBLEMS OF EDUCATION AND LEISURE

The paper considers the problems of education and leisure in rural areas of the Republic of Kalmykia. The main problems of education include: the reduction of general education institutions, paucity, the quality of nutrition in educational institutions, the shortage of pedagogical personnel, the low coverage of children with preschool educational institutions in remote rural districts of rural municipalities. Based on the results of a sociological survey of adolescents conducted by the author in 2015, the structure of the free time of rural children and their involvement in group and sectional activities was analyzed.

УДК 378

Шаброва Н. В.

ГОТОВНОСТЬ СТУДЕНЧЕСТВА К ПЕРЕХОДУ К НЕЛИНЕЙНОЙ МОДЕЛИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В УРАЛЬСКОМ МАКРОРЕГИОНЕ

Рассмотрены результаты эмпирического исследования готовности студентов к переходу к нелинейной модели высшего образования. Данная проблема анализируется сквозь призму трех элементов модели: вариативность в выстраивании образовательной стратегии, включение в сетевые связи и отношения, открытость инновациям. Проверяется гипотеза о влиянии мотивации студентов к образованию, их социальной активности и социально-демографических параметров как факторов перехода к нелинейной модели высшего образования.

Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2017. № 3. С. 84–88.

Shabrova N. V.

THE READINESS OF STUDENTS TO TRANSITION TO NON-LINEAR MODEL OF HIGHER EDUCATION IN THE URAL MACRO-REGION

In the paper the results of empirical research on the readiness of students to transition to a nonlinear model of higher education are reviewed. The problem is analyzed through the prism of the three elements of the model: the variability in the alignment of educational strategies, inclusion in a network of communications and relationships, openness to innovation. The hypothesis of the impact of motivation of students for education, their social activity and social and demographic parameters as factors in the transition to a non-linear model of higher education is verified.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор Белоношко Марина Львовна, д. с. н., профессор, зав. кафедрой маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета
Зам. гл. редактора Хайруллина Нурсафа Гафуровна, д. с. н., профессор кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета
Алексеев Александр Николаевич, д. ист. н., профессор, директор НИЦ «Алтайтану» Восточно-Казахстанского государственного университета им. Сарсена Аманжолова (Казахстан)
Барбаков Олег Михайлович, д. с. н., профессор, зав. кафедрой бизнес-информатики и математики Тюменского индустриального университета
Гаврилук Вера Владимировна, д. с. н., профессор, консультант кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета
Генин Влад, PhD, глава факультета бизнеса и информационных технологий университета Феникса, Кампус в мегаполисе Сан-Франциско, Силиконовая долина (США)
Голенкова Зинаида Тихоновна, д. ф. н., профессор, руководитель Научно-образовательного центра, руководитель Центра исследования социальной структуры и социального расслоения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН
Данилов Александр Николаевич, д. с. н., профессор, зав. кафедрой социологии Белорусского государственного университета (Белоруссия)
Докторов Борис Зусманович, д. ф. н., профессор, действительный член Российской академии социальных наук, независимый исследователь и лектор (США)
Егоршин Александр Петрович, д. э. н., профессор, ректор Нижегородского института менеджмента и бизнеса

Енгоян Ашот Пайлакович, д. политолог. н., зав. кафедрой теории и истории политической науки Ереванского государственного университета (Армения)
Зборовский Гарольд Ефимович, д. ф. н., профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
Звонников Виктор Иванович, д. пед. н., профессор, генеральный директор Ассоциации организаций развития управленческого образования, член Комитета по развитию профессионального и бизнес-образования Торгово-промышленной палаты РФ
Ильинных Светлана Анатольевна, д. с. н., профессор, зав. кафедрой социологии Новосибирского государственного университета экономики и управления
Левашов Виктор Константинович, д. с. н., профессор, руководитель Аналитического центра стратегических социально-политических исследований Института социально-политических исследований РАН
Максимова Светлана Геннадьевна, д. с. н., профессор, зав. кафедрой психологии коммуникаций и психотехнологий Алтайского государственного университета
Мартынов Михаил Юрьевич, д. полит. н., профессор, зав. лабораторией социологических и правовых исследований Сургутского государственного университета
Нарбут Николай Петрович, д. с. н., профессор, зав. кафедрой социологии Российского государственного университета дружбы народов
Пленкина Вера Владимировна, д. э. н., профессор, зав. кафедрой менеджмента в отраслях топливно-энергетического комплекса Тюменского индустриального университета
Рой Олег Михайлович, д. с. н., профессор, зав. кафедрой региональной экономики и управления территориями Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского
Силин Анатолий Николаевич, д. с. н., профессор, главный научный сотрудник кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета
Тараданов Александр Ардалионович, д. с. н., профессор кафедры социальной работы и социологии Челябинского государственного университета
Янчаркова Юлие, PhD, научный сотрудник Славянского института Академии наук Чехии (Чехия)

EDITORIAL BOARD

Editor, in-chief Belonozhko Marina Lvovna, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chair of the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen
Deputy Editor-in-chief, Khairullina Nursafa Gafurovna, Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen
Alekseyenko Aleksander Nikolayevich, Doctor of History, Professor, Director of NITS(SIC) «Altaytanu» East Kazakhstan State University named after Sarsen Amanzholov
Barbakov Oleg Mikhaylovich, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chair of the Department of Business Informatics and Mathematics, Industrial University of Tyumen
Gavrilluck Vera Vladimirovna, Doctor of Sociology, Professor, Scientific Consultant of the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen
Genin Vlad, PhD, Chair, School of Business and IT University of Phoenix, Bay Area Campus (San Francisco - Silicon Valley Metropolitan Area) (USA)
Golenkova Zinayida Tikhonovna, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of Scientific and educational Center, Head of the Center for Researches of Social Structure and Social stratification, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
Danilov Alexander Nikolayevich, Doctor of Sociology, Professor, Head of the Sociology Department, the Faculty of Philosophy and Social Sciences, Belarus State University (Belarus)
Doctorov Boris Zusmanovich, PhD (in Philosophy), Professor, Full Member of the Russian Academy of Social Sciences, Independent Analyst and Consultant, Lecturer (USA)
Egorshin Alexander Petrovich, Doctor of Economic Sciences, Professor, Rector of Nizhny Novgorod Institute of Management and Business
Engoyan Ashot Paylakovich, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of Department of theory and history of political science, Yerevan State University
Zborovskiy Garold Efimovich, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Sociology and Technologies of Public and Municipal Administration of Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
Zvonnikov Victor Ivanovich, Doctor of Pedagogics, Professor, Director General of Association of Development of Management Education, Member of Committee on Development of Professional and Business Education of the Chamber of Commerce of the Russian Federation
Ilijnyh Svetlana Anatolyevna, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Sociology, Novosibirsk State University of Economics and Management
Levashov Viktor Konstantinovich, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Analytical Center for Strategic Socio-Political Research, of the Institute of Socio-Political Researches of the Russian Academy of Sciences
Maximova Svetlana Gennadjevna, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Psychology of Communication and Psychotechnologies Altai State University
Martynov Michail Urievich, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Laboratory of Sociological and Legal Researches of Surgut State University
Narbut Nikolai Petrovich, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology of Peoples' Friendship University of Russia
Plenkina Vera Vladimirovna, Doctor Of Economics, Head of Department of Management in Branches of Fuel and Energy Complex Industrial University of Tyumen
Roy Oleg Mikhailovich, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chair of the Department of Regional Economy and Management of Territories, Omsk State University named after F. M. Dostoevsky
Silin Anatoliy Nikolaevich, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Professor of the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen
Taradanov Aleksandr Ardalionovich, Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Chair of Social Work and Sociology, Chelyabinsk State University
Jančárková Julie, PhD, Researcher of the Slavic Institute of the Academy of Sciences of the Czech Republic (The Czech Republic)

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

«Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика» — это академический журнал, акцентирующий внимание на теории и методологии исследований социальных социально-экономических, социально-политических и социокультурных процессов. В нем освещаются новейшие исследования, концепции и теории, свежие практические идеи и инициативы, результаты.

Редакция журнала принимает статьи от российских и зарубежных авторов по следующей тематике:

- Теория и методология исследования социальных процессов
- Управленческие процессы
- Экономические и демографические процессы
- Политические и правовые процессы
- Культурные традиции и новации
- Проблемы и перспективы развития науки и образования
- Информационные технологии и виртуальное пространство

Эмпирические исследования, концепции, мета-анализ, рецензии на книги, количественные и качественные исследования, социальные инновации, обзоры литературы, ретроспективы, взгляды практиков — все это может быть объектом исследований.

Журнал выходит ежеквартально в марте, июне, сентябре и декабре.

Каждая статья рецензируется. После того как рецензент признает ее пригодной для публикации, редакционная коллегия решает, возможна ли публикация статьи, нужно ли ее доработать или отказать в публикации.

Присланная статья (материалы) не должна быть ранее нигде опубликованной, не может быть послана для публикации в другие издания. Если статья будет принята в журнале, она не должна публиковаться в той же форме на английском или каких-либо других языках без письменного согласия редакционной коллегии. Автор статьи несет ответственность за подбор и объективность приведенных фактов, данных и прочих сведений, а также за отсутствие в присланных материалах плагиата и неправомерного заимствования. Редакция журнала не несет ответственность за достоверность и объективность материалов, представляемых авторами.

Редакция оставляет за собой право на сокращение и редактирование статей.

Направление материалов в редакцию для публикации означает согласие автора с приведенными выше требованиями.

Пожалуйста, посылайте Ваши статьи: профессор Нурсафа Хайруллина — зам. главного редактора. Телефон / Факс +7(3452) 20–94–24, e-mail: nursafa@inbox.ru

Индекс Роспечати **19420**. Для жителей Тюмени организована подписка на журнал в редакции.

ПРАВИЛА ПОДГОТОВКИ РУКОПИСИ

Рукопись, предоставляемая в редакцию, должна иметь название статьи, ФИО авторов, их должностную и контактную информацию (телефон, e-mail) название учреждения, где выполнена работа, аннотацию (резюме), ключевые слова — все вышперечисленное на русском и английском языках, введение (краткое), цель исследования, материал и методы исследования, результаты исследования и их обсуждение, выводы или заключение, библиографический список, включающий не менее 10 наименований.

При написании и оформлении статей для печати редакция журнала просит придерживаться следующих правил.

1. Заглавие статьи должно соответствовать следующим требованиям:

- быть информативным;
- включать только общепринятые сокращения;
- не должно содержать больше 8, 9 слов.

2. Библиографический список дается авторами в конце статьи в порядке последовательности ссылок в тексте. Ссылки на литературу и источники даются в квадратных скобках в тексте (например, [12, 67]). В библиографическом списке указываются: а) для журналов и сборников — фамилии и инициалы авторов, название статьи, название журнала (сборника), номер или том, ме-

сто и год издания, стр.; б) для книг — фамилии и инициалы авторов, название книги, место издания, название издательства, год издания, стр. В список вносят только те работы, которые опубликованы в печати. Библиографический список оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5 2008.

3. Статья должна иметь индекс УДК по таблицам Универсальной десятичной классификации, имеющимся в библиотеках.

4. Объем аннотации должен включать минимум 100, 250 слов (по ГОСТ 7.9–95 — 850 знаков, не менее 10 строк). Аннотация объемом не менее 10 строк должна кратко излагать предмет статьи и основные содержащиеся в ней результаты.

Рукопись предоставляется в редакцию в виде файла, набранного с использованием Microsoft Word, размер шрифта 11 (Times New Roman), интервал одинарный, абзац 1 см, страницы не нумеруются, не допускаются постраничные сноски. Ввод формул производится в редакторе формул Microsoft Equation 2.0. Иллюстрации выполняются на компьютере и вставляются в файл статьи. В таблицах все наименования проставляются полностью, без сокращения слов. Объем статьи — до 4 страниц. Параметры страницы: верхнее поле — 2,5 см, нижнее поле — 2 см, левое поле — 2,5 см, правое поле — 2,5 см.

Если статья была или будет направлена в другое издание или же была ранее опубликована, необходимо сообщить об этом в редакцию.

Рукописи, не принятые к опубликованию, авторам не высылаются.

Редакция имеет право производить сокращения и редакционные изменения текста рукописей. Корректур статей авторам не предоставляется.

Электронный вариант статьи высылается по адресу e-mail.

Заголовок рукописи должен быть набран заглавными буквами, жирным шрифтом и по центру в верхней части первой страницы. Автор(ы) и представляемые ими организация (и) должны находиться по центру, жирным шрифтом, через один интервал на третьей строке под заголовком. Не используйте звания, такие как д-р или профессор и т. д. Например:

**Джон Смит, Тюменский индустриальный университет
Мэри Джонс, Университет Калифорнии, Беркли
John Smith, Industrial University of Tyumen
Mary Jones, University of California, Berkeley**

Если у вас более одного автора и все они представляют одну организацию, используйте следующий формат:

**Джон Смит
Кэти Мэттьюз
Тюменский индустриальный университет
John Smith
Kathy Matthews
Industrial University of Tyumen**

CALL FOR PAPERS

«News From Higher Educational Institutions: Sociology, Economics, Politics» is an academic Journal focusing on the theory and methodology of research of socio-economic, socio-political and socio-cultural processes. It highlights cutting edge research, new concepts and theories, and fresh practical ideas and initiatives. The editors of the Journal welcome contributions from throughout the world in the following research areas:

- Management processes
- Theory and methodology of research of social processes
- Political and legal processes
- Economic and demographic processes
- Cultural traditions and innovations
- Development of science and education: challenges and future outlook
- Information technologies and online world

Empirical studies, conceptual papers, meta-analyses, literature reviews, case studies, quantitative and qualitative studies, pedagogical innovations, practitioner perspectives, and book reviews are all welcome. Papers can adopt a historical perspective, a current perspective or a future perspective. Contributions from practitioners along with academics in the field, reporting on the latest strategies, new thinking and initiatives being applied are published as well.

The Journal is published quarterly in March, June, September and December. Each paper is reviewed by the Editors, and, if judged suitable for this publication, is then sent to our referees for double blind peer review. The Editors then decide whether the paper should be accepted as it is, revised or rejected.

Submission of a paper implies that it has not been published previously, that it is not under consideration for publication elsewhere, and that if accepted it will not be published elsewhere in the same form, in English or in any other language, without the written consent of the publisher.

The author is responsible for the selection and objectivity of the facts, data and other information, as well as the absence in the materials submitted plagiarism and unauthorized borrowing. The Editors are not responsible for the accuracy and objectivity of the materials submitted by the authors.

The editors reserve the right to cut and edit articles.

Contributing to the editor for publication constitutes acceptance by the author the above requirements.

MANUSCRIPT SUBMISSION GUIDELINES

A manuscript submitted for publication should have the article title, authors, their officials and contact information (phone, e-mail) name of the institution where the work was performed, the abstract, keywords — all of the above both in English and in Russian, the introduction (short), the purpose of the study, material and methods, results and discussion, conclusions, or conclusion, references, consisting of not less than 10 names. When writing and drafting articles for the publication the Editorial Board asks to follow these editorial guidelines.

1. The title of the article should meet the following requirements:

- Titles of scientific articles should be informative;
- You can use only standard abbreviations in the title.
- Title of the article should not contain more than 8–9 words.

2. References should be in alphabetical order - first domestic and then foreign authors and executed in accordance with GOST 2008 7.0.5. References should be listed and numbered at the end of the paper. References cited in the text should appear as the corresponding numbers in square bracket with or without the author's names in front. (for example, [12, 67]). References should be given in the following form: a) for Journal Articles — Author(s) last name, followed by first and middle initials; Article Title; Journal Title; Volume Number; Location; Year of Publication; Pages; b) for Books — Author(s) last name, followed by first and middle initials; Book Title; Publisher Location; Name of Publisher; Year of Publishing; Pages (GOST 7.1 – 84). References should list only those works which are already published.

3. The article should have an index on UDC (Universal Decimal Classification) tables, available in libraries.

4. The volume of abstracts must include a minimum of 100–250 words (According to GOST 7.9–95: 850 characters, not less than 10 lines). Abstract of not less than 10 lines should summarize the main subject of the article and contain the results of the research.

Papers submitted for publication must meet three criteria: One, the manuscript must contribute to knowledge, theory, and practice; Two, the manuscript content must be accurate and scholarly; and Three, the manuscript must conform to the editorial guidelines of the Journal presented below:

The paper should be submitted as a file and via email. The paper should be in APA style and typewritten in Microsoft Word with font size 11 (Times New Roman). Do not insert page numbers.

Footnotes are not allowed. All formulas and/or equations (if any) should be done by using Microsoft Equation 2.0. and be placed on separate lines and numbered consecutively, with the equation/formula numbers placed in parentheses and aligned against the left margin.

Tables, figures, and graphs should be typed as close as possible to the location where they are cited. No abbreviations (all words appearing in tables should be fully spelled out). Headings should be centered, bold-faced, and in all capital letters above the table or figure. All tables must be in boxes.

The body of the manuscript should be single space. Double space before and after first-level and second-level headings. Triple space between the title and before and after the author's name.

All paragraphs should be indented with a tab of five (5) spaces, paragraph 1. You must leave a space after each paragraph. The margins should be as follows: Left Margin: 2.5 cm Right Margin: 2.5 cm Top Margin: 2.5 cm Bottom Margin: 2 cm

All spelling, grammar, and punctuation are the responsibility of the author(s). No corrections will be made by the Journal Editors. Therefore, all articles must be edited prior to submission.

Note: Rejected manuscripts will not be returned to the author(s).

Manuscripts which fail to meet the specifications will be returned to the author and risk not being published or at the very least, delaying the publication schedule.

A manuscript submitted for publication in the Journal should not have appeared or be under consideration for publication in other journals. Citation of the original work must be included.

After acceptance by the Journal, a paper or any portion of a paper may not be published elsewhere without prior written approval from the Editors. A manuscript published in the Journal becomes the property of the Journal, with the Journal possessing exclusive right to publication. All copyrights will belong to the Journal.

The Journal reserves the right to edit manuscripts for brevity, clarity, and consideration of style.

The electronic version of it should be sent to: nursafa@inbox.ru

The title of the manuscript should be in all capital letters, bold-faced, and centered at the top of the first page. The author(s) and affiliation(s) should be centered, bold-faced, and single-spaced beginning on the third line below the title. Do not use titles such as Dr. or Professor, etc. For example:

John Smith, Industrial University of Tyumen
Mary Jones, University of California, Berkeley

If you have more than one author and all authors have the same affiliation, use the following format:

John Smith
Kathy Matthews
Industrial University of Tyumen

Подписано в печать 29.09.2017. Формат 60x90 1/8.
Уч.-изд. л. 7,29. Усл. печ. л. 12,7. Тираж 500. Заказ № 965
Центр развития публикационной активности
федерального государственного бюджетного образовательного
учреждения высшего образования
«Тюменский индустриальный университет».
625000, Тюмень, ул. Володарского, 38.
Типография библиотечно-издательского комплекса ТИУ
625039, Тюмень, ул. Киевская, 52.
e-mail: nursafa@inbox.ru